

В МИРЕ
ПРОДАНО
БОЛЕЕ
33 000 000
КНИГ
Ю НЕСБЁ

Леопард Ю НЕСБЁ

ПО СЛЕДУ ОПАСНОГО ХИЩНИКА

Annotation

В Осло обнаружены трупы двух молодых женщин, умерщвленных с помощью неизвестного орудия. Безжалостный убийца подкрадывается к своим жертвам бесшумно, как леопард, отнимая у них жизнь с изощренной жестокостью. Следствие топчется на месте, и Харри Холм вызывают из бессрочного отпуска. Пока полицейское начальство пытается использовать его в межведомственной борьбе, измученному охотнику предстоит пройти долгий путь по кровавому следу хищника...

Ю Несбё
Леопард

Глава 1

Гипоксия

Она проснулась. Поморгала в крошечной темноте. Широко разинула рот и задышала носом. Снова моргнула. Почувствовала, как по щеке течет слеза, растворяя соль от прежних слез. А вот сглотнуть слюну не удалось, во рту было сухо. Щеки словно что-то распирало изнутри. Казалось, что от этого чужеродного тела во рту голова ее вот-вот взорвется. Но что же это, что же это такое, в конце концов? Первое, что она подумала, когда очнулось, – ей вновь хочется забыться. Провалиться в теплую и темную пропасть. Укол, который он ей сделал, по-прежнему действовал, но она знала, что боль скоро вернется, чувствовала ее приближение по медленным, глухим ударам: это биение пульса, это кровь толчками проходит сквозь мозг. А где тот человек? Стоит позади нее? Она задержала дыхание и прислушалась. Ничего не услышала, но почувствовала чье-то присутствие в комнате. Словно присутствие леопарда. Кто-то рассказывал, будто леопард крадется настолько беззвучно, что может подобраться к тебе совершенно неслышно, что он даже умеет регулировать свое дыхание, чтобы дышать в такт с тобой. Задерживать дыхание тогда, когда ты задерживаешь дыхание. Ей показалось, она чувствует тепло его тела. Чего он ждет? Она вновь задышала. И ей показалось, что в то же мгновение кто-то задышал ей в затылок. Она развернулась, ударила, но удар пришелся в пустоту. Съежилась, стараясь казаться меньше, спрятаться. Бесполезно.

Сколько времени она пробыла в отключке?

Препарат действовал молниеносно. Все длилось какую-то долю секунды. Но этого хватило, чтобы дать ей почувствовать. Это было как обещание. Обещание того, что будет дальше.

Иностранное тело, лежавшее перед ней на столе, было размером с бильярдный шар. Из блестящего металла, испещренное маленькими дырочками, геометрическими фигурами и какими-то знаками. Из одной дырочки свисал красный шнур с петелькой на конце, невольно наводивший на мысль о Рождестве и о елке, которую предстояло наряжать в доме у родителей 23 декабря, через семь дней. Украшать блестящими шарами, фигурками гномов, корзиночками, свечками и норвежским флагом. А через восемь дней – петь «Как прекрасна земля»^[1] и увидеть, как загорятся глаза племянников, открывающих ее подарки. Теперь бы она все сделала совсем по-другому. Все стало бы иначе. Со всеми днями, которые она прожила бы гораздо осмысленнее, гораздо правильнее, наполняя их радостью, дыханием и любовью. С городами, мимо которых она только проезжала, куда она лишь собиралась. С мужчинами, которых она встречала, и мужчиной, которого она еще не встретила. С плодом, от которого она избавилась, когда ей было семнадцать, с детьми, которые у нее еще не родились. С днями, которые она выбросила на ветер, потому что думала, что впереди у нее вечность.

Но тут она перестала думать о чем бы то ни было, кроме ножа, возникшего прямо перед ее лицом. И мягкого голоса, который сказал ей, что она должна взять этот шар в рот. И она это сделала, конечно, – как же иначе. Сердце ее бешено колотилось, но она раскрыла рот так широко, как только смогла, и протолкнула шар внутрь, и шнурок теперь свисал у нее изо рта. От металлического шарика во рту появился горький и соленый привкус, как от слез. А потом

голову ее запрокинули назад, и кожу обожгла сталь, когда к горлу приставили нож. Потолок и комнату освещал фонарик, прислоненный к стене в одном из углов. Серый, голый бетон. Помимо фонарика в комнате был еще белый пластиковый стол, два стула, две пустые бутылки из-под пива и два человека. Он и она. Она почувствовала запах кожаной перчатки, когда его указательный палец схватил красную петельку шнура, свисавшего изо рта. А в следующий миг ей показалось, что голова ее взорвалась.

Шар увеличился в объеме и разрывал теперь ей глотку изнутри. Попытки открыть рот как можно шире не помогли – давление меньше не сделалось. Он осмотрел ее открытый рот с сосредоточенным и заинтересованным видом, такой бывает у зубного врача, когда тот проверяет, правильно ли поставлены брекеты. Он слегка улыбался – значит, остался доволен.

Языком она ощутила, что из шара торчат какие-то шипы, и это именно они давят на нёбо, нежную слизистую внизу рта, десны, нёбный язычок. Она попыталась что-то сказать. Он терпеливо слушал невнятные звуки, вырывавшиеся у нее изо рта. Кивнул, когда она сдалась и перестала говорить, и вынул шприц. Капелька на кончике иглы сверкала в свете карманного фонарика. Он прошептал ей прямо в ухо: «Не трогай шнур».

А потом уколол ее в шею сбоку. И она отключилась за какие-то секунды.

Моргая в темноте, она прислушивалась к своему испуганному дыханию.

Надо что-то делать.

Она оперлась ладонями о сиденье стула, влажное и холодное от ее собственного пота, и приподнялась. Ее никто не остановил.

Мелкими шажками она прошла несколько метров, пока не наткнулась на стену. Проковыляла вдоль нее, дальше была какая-то гладкая, холодная поверхность. Металлическая дверь. Она подергала засов. Дверь не поддавалась. Заперто. Конечно, дверь заперта, а на что, собственно, было рассчитывать? Это ей почудился смех или же он раздался в ее собственной голове? Где тот человек? Почему он затеял с ней эту игру?

Надо что-то предпринять. Надо подумать. Но для того чтобы думать, необходимо избавиться от этого металлического шара, не то от боли она сойдет с ума. Она засунула большой и указательный пальцы в уголки рта. Почувствовала шипы. Попыталась засунуть пальцы под один из них. Бесполезно. Подступил кашель и следом паника: дышать было невозможно. Тут она сообразила, что из-за этих шипов горло распухло изнутри, и скоро она задохнется. Она принялась колотить в железную дверь, попыталась крикнуть, но металлический шар глушил звук. Она сдалась. Прислонилась к стене. Прислушалась. Ей почудилось или же она действительно слышит чьи-то осторожные шаги? Неужели он ходит по комнате, играя с ней в жмурки? Или это ее собственная кровь пульсирует в ушах? Стараясь не обращать внимания на боль, она сжала рот. Ей только-только удалось загнать шипы назад в шарик, но они снова заставили ее широко распахнуть рот. Казалось, что шарик пульсирует, что он превратился в сердце из железа, стал частью ее самой.

Надо что-то предпринять. Надо подумать.

Пружины. Под этими шипами – пружины.

Шипы вылезли, когда он дернул за шнур.

«Не трогай шнур», – сказал он.

А почему? Что тогда будет?

Она сползла по стене и села. От бетонного пола шел сырой холод. Снова захотелось крикнуть, но она не посмела. Тишина. Молчание.

О, слова, что она сказала бы всем, кого любит, – вместо слов, которыми просто заполняла молчание, общаясь с теми, кто ей безразличен!

Нет никакого выхода, нет. Только она сама и эта безумная боль, и голова вот-вот взорвется.

«Не трогай шнур».

А может быть, надо потянуть за него, и шипы уберутся назад в шарик, и боль уйдет?

Мысли двигались по кругу. Сколько она уже здесь? Два часа? Восемь часов? Двадцать минут?

Если бы все было так просто – потянуть за шнур, – почему же она этого до сих пор не сделала? Только потому, что тот человек, совершенно явно сумасшедший, ей запретил? Может, это элемент игры, чтобы обманом заставить ее терпеть эту совершенно ненужную боль? Или же смысл игры заключался в том, чтобы она, несмотря на предупреждение, как раз и дернула бы за шнур, чтобы... чтобы произошло что-то ужасное. А что может произойти? Что это за шарик?

Да, это была игра, чудовищная игра. Потому что деваться некуда. Боль становилась все невыносимее, горло распухло, она вот-вот задохнется.

Она снова попыталась закричать, но крика не получилось, только какой-то всхлип, и она моргала и моргала, но слез не было.

Пальцы нащупали шнур, свисавший изо рта. Осторожно потянули.

Она, разумеется, сожалела обо всем, чего не успела сделать. Но если бы ее по какому-то недоразумению вдруг переместили в какое-то совсем другое место, не важно куда, она согласилась бы на что угодно. Она просто хотела жить. Какой угодно жизнью. Вот и все.

Она дернула за шнур.

Из шипов выскочили иглы. По семь сантиметров каждая. Четыре прошили ее щеки, две вонзились в гайморовы полости, две прошли в нос, две пронзили подбородок. Одна проткнула насквозь пищевод, а еще одна – правое глазное яблоко. Две иглы прошли через заднее нёбо и достигли мозга. Но непосредственной причиной смерти стало не это. Из-за металлического шарика она не могла выплюнуть кровь, хлынувшую из ран прямо в рот. Вместо этого кровь устремилась в гортань и дальше, в легкие. Из-за этого кислород перестал поступать в кровь, что, в свою очередь, вызвало остановку сердца и то, что судебный медик в своем отчете назвал церебральной гипоксией, то есть нехваткой кислорода в мозгу. Иными словами, Боргни Стен-Мюре утонула.

Глава 2

Проясняющая темнота

18 декабря

Дни стали короче. На улице еще светло, но здесь, в моей монтажной, вечная темнота. В ярком свете настольной лампы люди глядят с фотографий на стене раздражающе радостно, будто ни о чем не догадываются. Они полны ожиданий, точно даже не сомневаются, что впереди у них долгая жизнь, раскинувшаяся во все стороны спокойная гладь времени. Я их вырезал из газеты, убрав выжимающие слезу рассказы о семье в шоке и выкинув леденящие кровь описания найденного трупа. Оставил только непременною фотографию, отданную настырному журналисту родственником или другом, – снимок, сделанный в счастливый миг, когда она улыбалась, словно была бессмертной.

Полиции известно немного. Пока. Но скоро работенки у нее прибавится.

Что это такое, где оно сидит, – то, что превращает человека в убийцу? Это что-то врожденное, заложенное в некоем гене, наследственная предрасположенность, которая у кого-то есть, а у кого-то нет? Или же оно возникает в силу необходимости, развиваясь по мере углубления контактов с миром, – некая стратегия выживания, спасающая жизнь болезнь, рациональное безумие? Потому что если телесная болезнь – это обстрел, лихорадочный огонь, то безумие – это вынужденное отступление в укрытие.

Лично я считаю, что способность убивать изначально присуща каждому здоровому человеку. Наше существование – это битва за блага, и тот, кто не может убить ближнего своего, не имеет права на существование. Убить, что ни говори, означает всего лишь приблизить неизбежное. Смерть ни для кого не делает исключений, что хорошо, поскольку жизнь есть боль и страдание.

В этом смысле всякое убийство – акт милосердия. Просто этого не понимаешь, пока тебя греет солнце, вода, журча, приближается к губам, и ты чувствуешь идиотскую жажду жить с каждым ударом сердца и готов заплатить за одно мгновение всем тем, чего добился в течение жизни: достоинством, положением, принципами. Именно тогда надо решительно вмешаться, не обращая внимания на этот сбивающий с толку, слепящий свет. Помочь оказаться в холодной, преображающей темноте. И почувствовать холодную суть. Истину. Ибо именно ее я искал. Именно ее я нашел. То, что делает человека убийцей.

А как же моя собственная жизнь, неужели я тоже думаю, что она – бесконечная морская гладь?

Вовсе нет. Вскоре и я окажусь на свалке смерти, вместе с исполнителями других ролей в этой пьеске. Но как бы ни разложился мой труп, хоть даже до самого скелета, у него на губах все равно будет играть улыбка. Именно ради этого я сейчас живу, это единственное оправдание моего существования, моя возможность очиститься, освободиться от позора.

Но это только начало. А сейчас я выключаю лампу и выхожу на дневной свет. Хотя день и короток.

Дождь закончился не сразу. И не закончился потом. Он вообще не кончался. Было тепло и мокро, и так неделя за неделей. Земля напилалась водой, евродороги разваливались, перелетные птицы не улетели на юг, а в новостях показывали о насекомых, которые так далеко на севере раньше никогда не встречались. Календарь утверждал, что наступила зима, но земля в Осло не только не побелела, она еще даже коричневой не стала. Газоны были зелеными и манили к себе, как спортивные площадки с искусственным покрытием в Согне, где отчаявшиеся физкультурники уже начинали понемногу бегать трусцой в своих лыжных костюмах от Бьёрна Дэли^[2], так и не дождавшись возможности пробежаться по лыжне вокруг озера Согнсванн. Туман накануне Нового года лег такой плотный, что, хотя звуки от петард и ракет, запускаемых в центре Осло, были слышны аж в Аскере, разглядеть не удавалось даже тех фейерверков, что запускались с собственного газона. Тем не менее норвежцы в тот вечер нажгли пиротехники на шестьсот крон с каждого домохозяйства, согласно данным одного потребительского опроса, который, помимо прочего, показал, что количество норвежцев, реализовавших свою мечту о белом Рождестве на белых пляжах Таиланда, за три года удвоилось. Но и в Юго-Восточной Азии погода тоже была как укуренная, угрожающие значки, которые обычно появлялись на погодной карте только в сезон тайфунов, сейчас выстроились по ранжиру в районе Китайского моря. В Гонконге, где февраль считается самым сухим месяцем, в это утро шел настоящий ливень, и по причине плохой видимости самолет, совершавший рейс 731 компании «Cathay Pacific Airlines» из Лондона, вынужден был сделать еще один круг, прежде чем зайти на посадку в аэропорту Чхеклапкок.

– И скажите спасибо, что нам не пришлось садиться на старом аэродроме, – сказал китайской внешности пассажир, обращаясь к Кайе Сульнес, вцепившейся в подлокотники с такой силой, что костяшки пальцев побелели. – Он находился прямо в городе, тогда бы мы уж точно врезались в какой-нибудь небоскреб.

Это были первые слова, которые он произнес с момента взлета двенадцать часов назад. Кайя тут же радостно отвлеклась от того факта, что между нею и землей только воздух, причем в данный момент довольно турбулентный.

– Спасибо, сэр, успокоили. Вы англичанин?

Он вздрогнул, как будто от пощечины, и Кайя поняла, что нанесла ему жуткое оскорбление, предположив, что он относится к числу бывших колонизаторов.

– Э-э-э-... вероятно, вы китаец?

Он решительно покачал головой:

– Гонконгский китаец. А вы, барышня?

Кайя Сульнес на секунду задумалась, а не ответить ли ей «хокксундская норвежка», но ограничилась «норвежкой», после чего гонконгский китаец немного поразмыслил, потом ликующе произнес «А-га!», добавил «Так вы из Скандинавии!» и в конце концов спросил, зачем она летит в Гонконг.

– Я должна найти одного человека, – сказала она и стала смотреть вниз на свинцово-серые тучи в надежде, что скоро покажется твердая земля.

– Ага! – повторил гонконгский китаец. – Вы очень красивая барышня. И не верьте тем,

кто говорит, что китайцы женятся только на китаянках.

Она вяло улыбнулась:

– Вы имеете в виду гонконгских китайцев?

– В особенности гонконгских, – энергично закивал он и поднял руку; кольца на пальце у него не было. – Я занимаюсь микрочипами, у нашей семьи фабрики в Китае и Южной Корее. Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

– Спать, надеюсь, – зевнула Кайя.

– А как насчет завтрашнего вечера?

– Тогда я его уже, надеюсь, найду и буду на пути домой.

Мужчина наморщил лоб:

– Так заняты, барышня?

Попутчик предложил подвезти Кайю, но она, поблагодарив, добралась до города на двухэтажном автобусе. Час спустя она в одиночестве стояла в коридоре гостиницы «Эмпайр Коулун» и дышала: глубокий вдох и глубокий выдох. Она вставила карточку-ключ в дверь номера. Теперь оставалось только его открыть. Она заставила себя нажать на ручку двери. Потом дернула дверь на себя и заглянула в комнату.

Там никого не было.

Разумеется, никого.

Она вошла, поставила чемодан на колесиках возле кровати и подошла к окну. Сначала посмотрела на толпы, кишачие семнадцатью этажами ниже, потом на небоскребы, которые совершенно не были похожи на своих грациозных или по крайней мере нарядных собратьев на Манхэттене, в Куала-Лумпуре или Токио. Здешние напоминали термитники, пугающие и привлекательные одновременно, – гротескное свидетельство человеческого умения приспособливаться, когда семь миллионов человек вынуждены как-то разместиться на территории чуть больше ста квадратных километров. Кайя почувствовала, как на нее наваливается усталость, сбросила туфли и рухнула на постель. Хотя номер был на двоих, а отель четырехзвездный, кровать шириной сто двадцать сантиметров занимала собой все пространство. И она подумала о том, что ей предстоит найти среди этих термитников одного-единственного человека, причем, судя по всему, не слишком заинтересованного в том, чтобы его нашли.

Она на секунду задумалась, решая: закрыть глаза и поспать или же приступить к делу? Потом собралась с силами и встала с кровати. Сбросила с себя одежду и направилась в душ. Встала перед зеркалом и констатировала, без всякого самодовольства, впрочем, что китаец из Гонконга прав: она красива.

Не то чтобы это ей казалось – это был почти факт, каким всегда и является красота. Лицо с высокими скулами, ровно очерченные красивой формы брови цвета воронова крыла над большими, словно детскими, глазами с зеленой радужкой, сверкавшими юным женственным блеском. Каштановые, медового отлива волосы, пухлые губы словно целуют друг дружку, – впрочем, рот немного великоват. Длинная, тонкая шея, такое же стройное тело, маленькая грудь, напоминающая небольшие буруны над поверхностью моря, прекрасная, хотя немного по-зимнему бледная кожа. Мягкая линия бедер. Длинные ноги, за которые подрались два модельных агентства в Осло, пока она заканчивала гимназию в Хокксунде, два агентства, немало огорченные ее отказом. Больше всего она обрадовалась, когда в одном из агентств ей на прощание сказали: «Ладно, но запомните, дорогуша, вы не

обладаете *совершенной* красотой. Зубы у вас мелкие и острые. И вам не следует так много улыбаться».

После этого улыбаться ей стало еще легче, чем раньше.

Кайя натянула на себя брюки цвета хаки, тонкую ветровку и бесшумно и невесомо спустилась на лифте к стойке администратора гостиницы.

– «Чункинг-мэншн»? – переспросил администратор, ему почти удалось скрыть свое изумление, и показал: – Сначала по Кимберли-роуд до Натан-роуд, а потом налево.

Все пансионы и отели в странах – членах Интерпола обязаны регистрировать постояльцев-иностранцев, но, когда Кайя позвонила секретарю норвежского посольства, чтобы выяснить, по какому последнему адресу был зарегистрирован человек, которого она ищет, секретарь объяснил ей, что «Чункинг-мэншн» не гостиница и не пансион, даже не усадьба, как можно было бы подумать, исходя из английского слова в названии. На самом деле это целое скопление магазинов, уличных кафешек, ресторанов и, по всей вероятности, более сотни сертифицированных и ^сертифицированных третьеразрядных гостиниц, в которых может быть от двух до двадцати номеров. Все это располагается в четырех огромных многоэтажных домах. Сдаваемые номера тоже совершенно разные: от простых, опрятных и уютных до настоящих крысиных нор и однозвездочных тюремных камер. И самое главное: в «Чункинг-мэншн» человек без особых запросов мог спать, жить, работать, плодиться и размножаться, даже не покидая пределы своего термитника.

Пройдя по Натан-роуд, оживленной торговой улице с магазинами известных торговых фирм, полированными фасадами и большими витринами, Кайя обнаружила поворот на Чункинг. И шагнула туда.

Шагнула в чад фастфудов, стук молоточков уличных сапожников, крики муэдзинов по радио и усталые взгляды из магазинов секонд-хенда. Она улыбнулась растерянному бэкпакеру с путеводителем «Lonely Planet» в руках и белыми замерзшими ногами, торчащими из не по сезону оптимистичных камуфляжных шортов.

Охранник в униформе взглянул на бумажку, протянутую Кайей, произнес «Лифт G» и показал куда-то в глубь коридора.

Очередь перед лифтом была настолько длинной, что Кайе удалось попасть в него только на третий раз. Люди в лифте стояли тесно прижавшись друг к другу, а сам он напоминал скрипящий и дрожащий железный гроб, и Кайя невольно вспомнила о цыганах, что хоронят своих покойников в вертикальном положении.

Ночлежка принадлежала мусульманину с чалмой на голове, который немедленно и с большим энтузиазмом показал ей каморку, где совершенно непостижимым образом умещался еще и телевизор – на стене в изножье кровати – и всхлипывающий кондиционер в изголовье. Энтузиазм хозяина поутих, когда она прервала его рекламную тираду, показав фотографию мужчины, под которой было написано его имя – так, как оно значилось в его паспорте, и спросила, где он может быть сейчас.

Увидев реакцию хозяина, Кайя поспешила сообщить ему, что она – жена этого человека. Посольский секретарь объяснил ей, что размахивать в Чункинге каким-либо официальным удостоверением было бы «контрпродуктивно». Ну а когда Кайя на всякий случай добавила, что у них с мужчиной на фотографии пятеро детей, хозяин гостиницы самым радикальным образом изменил отношение к ней. Молодая западная язычница, уже произведшая на свет так много детей, вызывала уважение. Он тяжело вздохнул, покачал головой и произнес на жалобном отрывистом английском:

– Печально, очень печально, госпожа. Они пришли и забрали его паспорт.

– Кто?

– Кто? Триада, госпожа. Как всегда, Триада.

– Триада? – не сдержала изумления Кайя.

Она, конечно, знала об этой организации, но, по правде говоря, китайская мафия ассоциировалась у нее в первую очередь с комиксами и фильмами про крутых каратистов.

– Присядьте, госпожа. – Он торопливо пододвинул стул, на который она и опустилась. – Они его искали, его не было, и они забрали его паспорт.

– Паспорт? Почему?

Он медлил с ответом.

– Пожалуйста, я должна это знать.

– Боюсь, ваш муж играл на бегах.

– На бегах?

– Хэппи-Вэлли. Ипподром. Там тотализатор и другие гадкие вещи.

– И у него были долги? Триаде?

Он кивнул и несколько раз покачал головой из стороны в сторону, одновременно и подтверждая, и выражая сожаление.

– И они забрали паспорт?

– Он должен выкупить паспорт, заплатить долг, если захочет уехать из Гонконга.

– Но ведь он может получить новый паспорт в норвежском консульстве.

Чалма качнулась из стороны в сторону.

– Да. А еще можно изготовить фальшивый за восемьдесят американских долларов – прямо здесь, в Чункинге. Но проблема не в паспорте. Проблема в том, что Гонконг – остров, госпожа. Как вы сюда прибыли?

– На самолете.

– А как собираетесь улетать?

– Самолетом.

– Один аэропорт. Билеты на самолет. Все фамилии в компьютере. Много проверок. И много народу в аэропорту, которым Триада немного платит, чтобы они узнавали нужные лица. Понимаете?

Она медленно кивнула:

– Да, убежать сложно.

Владелец гостиницы со смехом покачал головой:

– Нет, госпожа. Убежать *невозможно*. Но в Гонконге можно спрятаться. Семь миллионов. Исчезнуть нетрудно.

Уже начинал сказываться недосып, и Кайя прикрыла глаза. Хозяин гостиницы, наверное, не так ее понял, потому что, утешая, положил руку ей на плечо и пробормотал:

– Ну-ну...

Немного поколебавшись, он наклонился к ней поближе и прошептал:

– Мне кажется, он все еще здесь, госпожа.

– Да, я понимаю.

– Нет, я имею в виду здесь, в Чункинге. Я его видел.

Она подняла голову.

– Два раза, – сказал он. – В «Ли Юане». Дешевый рис. Не говорите никому, что я сказал. Ваш муж – хороший человек. Но у него проблемы. – Он закатил вверх глаза, так что они

почти исчезли под чалмой. – Большие проблемы.

«Ли Юань» представлял собой стойку, четыре пластиковых стола и одного китайца, который ободряюще улыбнулся Кайе, когда она после шести часов, двух порций жареного риса, трех чашек кофе и двух литров воды внезапно проснулась, оторвала голову от жирной столешницы и посмотрела на него.

– Tired?^[3] – засмеялся он, показав неполный ряд передних зубов.

Кайя зевнула и заказала себе четвертую чашку кофе. И принялась ждать. Вошли два китайца и уселись у стойки, ничего не говоря и ничего не заказывая. Они не удостоили ее взглядом, чему она была рада. Тело ее затекло от бесконечного сидения в течение последних суток: какую бы позу она ни принимала, было все равно больно. Она покрутила головой, пытаясь разогнать кровь. Потом откинула голову назад. В шее что-то хрустнуло. Она посмотрела на сине-белые трубки ламп дневного света на потолке, потом снова опустила голову. И взгляд ее упал прямо на затравленное, бледное лицо. Мужчина остановился перед одним из задернутых железных жалюзи в коридоре и сканировал глазами маленькое заведение Ли Юаня. Взгляд его остановился на двух китайцах у стойки. И мужчина заторопился дальше.

Кайя вскочила, едва не упав, – затекшая нога подогнулась, – и, схватив сумку, заковыляла за уходящим мужчиной.

– Welcome back^[4], – проговорил ей вслед Ли Юань.

Мужчина выглядел ужасно худым. На фотографиях он широкоплечий и высоченный, а стул, на котором он сидел в том телевизионном ток-шоу, казалось, был сделан для пигмея. Но она ни минуты не сомневалась, что это именно он. Коротко стриженная шишковатая голова, крупный нос, глаза в сосудистой сетке со светло-голубой проспиртованной радужкой. Решительный подбородок и на удивление мягкий, почти красивый рот.

Прихрамывая, она вышла на Натан-роуд. В неоновом свете над толпой маячила спина в кожаной куртке. И не сказать чтобы он шел быстро, но Кайе приходилось почти бежать, чтобы не потерять его из виду. Он свернул с оживленной торговой улицы в узкий малолюдный переулок, и Кайя тут же замедлила шаг, увеличив дистанцию между ними. Краем глаза отметила табличку с названием улицы: Мелден-роу. Очень заманчиво было подойти к нему прямо теперь, представиться, и дело с концом. Но она решила не отступать от плана и выяснить, где он живет. Дождь прекратился, облака с одного края неба расступились, и небо за ними было высокое и черное, как бархат с мерцающими звездами размером с булавочную головку.

Пройдя еще минут двадцать, он вдруг остановился на углу, и Кайя испугалась, что он ее обнаружит. Но он не обернулся, а только достал что-то из кармана куртки. Она удивленно уставилась на предмет у него в руке. Бутылка с соской?

Мужчина повернул за угол.

Кайя двинулась следом и оказалась на большой открытой площади, заполненной людьми, в большинстве своем молодыми. В конце площади над широкими стеклянными дверьми сияли надписи на английском и китайском. Кайя узнала названия новых фильмов, посмотреть которые ей никак не успеть. Она вновь заметила его кожаную куртку, успела разглядеть, что он поставил бутылку на низкий цоколь бронзовой скульптуры, изображающей виселицу с пустой петлей. Мужчина пошел дальше, мимо двух скамеек, заполненных людьми, и уселся на третью, где подобрал какую-то газету. Спустя примерно

двадцать секунд он снова встал, вернулся к скульптуре, как бы невзначай забрал бутылку и пошел назад той же дорогой, что и пришел.

Когда Кайя увидела, как он входит в «Чункинг-мэншн», вновь начался дождь. Она уже стала прикидывать, что скажет. Очереди у лифтов больше не было, но он все равно пошел по лестнице, повернул направо и исчез за вращающейся дверью. Кайя заторопилась за ним и внезапно оказалась на запущенной безлюдной лестнице, воняющей кошками и мокрым бетоном. Задержала дыхание, но единственное, что смогла расслышать, был звук падающих капель. Раздумывая, не пойти ли наверх, она услышала, как где-то ниже хлопнула дверь. Тогда Кайя бросилась вниз по лестнице и обнаружила ту единственную дверь, что могла произвести этот звук: металлическую, во вмятинах. Она положила руку на ручку двери, почувствовала, как возвращается дрожь, закрыла глаза и выругалась про себя. Потом рванула на себя дверь и вошла в темноту. Точнее, вышла туда.

Что-то пробежало у нее по ногам, но она не закричала и не пошевелилась.

Сначала ей показалось, что она в шахте лифта. Но когда она подняла глаза, то увидела закопченные дочерна кирпичные стены, покрытые немыслимым переплетением водопроводных труб, проводов, изогнутых обрубков металла и полуразвалившихся проржавевших металлических лесов. Это нельзя было назвать двором, просто несколько квадратных метров между высотными домами. Тусклый свет проникал из небольшого квадрата со звездами далеко наверху. Хотя на небе не было ни облачка, на асфальт и ей на лицо все время что-то капало, и она сообразила, что это конденсат из множества маленьких ржавых кондиционеров, сплошь усеявших стены. Она сделала шаг назад и прислонилась спиной к металлической двери.

Она ждала.

И наконец из темноты раздалось:

– What do you want?^[5]

Ей никогда раньше не доводилось слышать его голос. Ну да, конечно, она слышала его в ток-шоу, когда шел разговор о серийных убийцах, но услышать этот голос вживую – совсем другое дело. В нем была какая-то усталая хрипотца, и казалось, голос принадлежал человеку гораздо старше его лет – она знала, ему нет и сорока. Но вместе с тем в голосе слышалось невозмутимое и даже самоуверенное спокойствие, которое плохо сочеталось с тем затравленным лицом, которое она увидела из дверей заведения Ли Юаня. Голос был глубоким и теплым.

– Я норвежка, – сказала она.

Ответа не последовало. Она сглотнула. Первые слова – всегда самые важные.

– Меня зовут Кайя Сульнес. Мне поручили вас найти. Гуннар Хаген.

На имя собственного шефа из убойного отдела он тоже не отреагировал. Может, уже ушел?

– Я работаю у Хагена, я инспектор, расследую убийства, – сказала она в темноту.

– Поздравляю.

– Поздравлять особо не с чем. Если вы читали норвежские газеты в последние месяцы... – Она прикусила язык. Неужели она пытается острить? Наверняка недосып. Или нервы.

– Я имел в виду: поздравляю с выполнением задания, – произнес голос. – Я найден. Теперь можете уезжать.

– Постойте! – крикнула она. – Не хотите выслушать, что мне надо?

– Не особенно.

Но слова, которые она записала и вызубрила, полились сами собой.

– Убиты две женщины. Судя по данным судебных медиков, убийца один и тот же. Никаких других улик у нас нет. Хотя в прессу попал лишь самый минимум подробностей, СМИ уже успели поднять крик, что появился очередной серийный убийца. Пишут даже, что, возможно, его вдохновил Снеговик. Мы задействовали экспертов из Интерпола, но и они ничего не нашли. На нас давит и пресса, и власти...

– Нет значит «нет», – произнес голос.

Дверь захлопнулась.

– Эй, послушайте! Але! Вы здесь?

Она ощупью двинулась вперед и обнаружила дверь.

Немедленно толкнула ее, не позволяя страху взять над собой власть, очутилась на другой темной лестнице. Далеко вверх она увидела свет и одним махом преодолела три пролета. Свет проникал через стекло одной из вращающихся дверей, и она толкнула ее. Вошла в простой голый коридор, где, по всей видимости, уже отказались от идеи покрасить облупившиеся стены, и от них пахло затхлой сыростью. Двое мужчин стояли прислонившись к стене, в углах ртов у них были сигареты, она почувствовала сладковатый дым. Оба окинули ее безразличными взглядами. Она надеялась, что безразличными. Тот, что пониже ростом, был черным, наверное африканец. У другого, повыше и белого, на лбу был шрам в форме треугольника, напоминающий дорожный знак. В их ведомственном журнале «Политиет» она читала, что в Гонконге на улицах почти тридцать тысяч полицейских, что он считается самым безопасным городом из городов-миллионеров. Но то на улицах.

– Looking for hashish, lady?^[6]

Она покачала головой, стараясь казаться как можно более уверенной, попыталась вести себя так, как сама советовала девчонкам в те времена, когда ездила по школам: иди с таким видом, как будто ты твердо знаешь, куда направляешься, а не как заблудившаяся овца. Не как добыча.

Они улыбнулись ей в ответ. Другая дверь в коридоре оказалась заложена кирпичами. Оба вытащили руки из карманов брюк, а сигареты изо рта.

– Looking for fun, then?

– Wrong door, that's all^[7], – сказала она и повернулась, намереваясь выйти.

Вдруг вокруг ее запястья сомкнулась рука. У страха оказался привкус алюминиевой фольги. В теории она знала все. Тренировалась в освещенном спортзале на резиновом мате в присутствии инструктора и коллег.

– Right door, lady. Right door. Fun is this way^[8].

Она почувствовала запах рыбы, лука и марихуаны. К тому же в спортзале был только один противник.

– No thanks^[9] – произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Чернокожий встал рядом с ней, схватил ее за другое запястье и сказал фальцетом:

– We will show you.

– Only there's not much to see, is there?^[10]

Все трое повернулись в сторону вращающейся двери.

Она знала, что в паспорте у него записан рост сто девяносто четыре сантиметра, но сейчас он стоял в проходе, построенном по стандартам Гонконга, и выглядел по меньшей

мере на все двести десять. И в два раза шире, чем час назад. Руки его были опущены и только чуть-чуть отстояли от туловища, но он не двигался, не сверлил их взглядом, не рычал, просто смотрел на белого и повторил:

— Is there, jau-ye?

Она почувствовала, как напряглись пальцы белого, сжимающие ее запястье, заметила, что черный переминается с ноги на ногу.

— Ng-goy^[11], — произнес человек в дверном проеме.

Она почувствовала, что их руки неохотно отпустили ее.

— Пошли, — сказал он и легко подхватил ее под локоть.

Когда они вышли за дверь, она ощутила, как горят щеки. Это из-за напряжения и стыда. Ей стало стыдно оттого, как ей вдруг сделалось легко, оттого, как медленно, оказывается, ее мозги соображают в опасной ситуации, насколько охотно она позволила ему разобраться с двумя этими безобидными торговцами гашишем, которые просто хотели ее попугать — всего-то.

Он сопровождал ее на два этажа вверх и дальше, за вращающуюся дверь, где поставил прямо напротив лифта, нажал на кнопку, вызывая его вниз, встал рядом, не отрывая взгляда от светящейся цифры «11» над дверью.

— Гастарбайтеры, — произнес он. — Им одиноко и скучно, только и всего.

— Знаю, — ответила она упрямо.

— Нажмите на G, чтобы попасть на первый этаж, потом идите направо и прямо, и вы окажетесь на Натан-роуд.

— Прошу вас, выслушайте меня. Вы единственный в убойном отделе специалист по серийным убийцам. Ведь именно вы поймали Снеговика.

— Верно, — подтвердил он. Она заметила, что во взгляде его что-то изменилось, и он провел пальцем от подбородка к правому уху. — А потом я уволился.

— Уволились? Вы хотите сказать, взяли отпуск на неопределенное время?

— Уволился. То есть завязал со всем этим.

Только сейчас она заметила, что его правая скула несимметрична левой.

— Гуннар Хаген сказал, что, когда вы уезжали из Осло шесть месяцев тому назад, он вам предоставил отпуск на неопределенное время.

Мужчина улыбнулся, и Кайя поразилась, как улыбка изменила его лицо.

— Это только потому, что Хаген никак не может понять... — Он не договорил, и улыбка исчезла. Взгляд его был по-прежнему прикован к табло лифта, который теперь был на пятом этаже.

— В любом случае в полиции я больше не работаю.

— Вы нужны нам... — Она перевела дыхание. Знала, что рискует, но действовать надо было быстро, пока он не сбежал снова. — А мы вам.

Он посмотрел на нее:

— С чего вы так решили?

— Вы задолжали Триаде. Вы покупаете наркотики на улице, в бутылке. Вы живете... — она состроила гримасу, — здесь. И у вас нет паспорта.

— Мне здесь нравится, к чему мне паспорт?

Раздалось «дзинь», двери лифта со скрежетом разъехались в стороны, и оттуда, от набившихся в него человеческих тел, пахло жаром и вонью.

— Я не поеду! — заявила Кайя громче, чем ей хотелось бы, и увидела, что пассажиры

лифта смотрят на нее со смесью нетерпения и откровенного любопытства.

– Нет, поедете, – сказал он, поднес руку к ее спине и осторожно, но решительно впихнул в лифт. Она моментально оказалась в гуще людей, которые не давали ей возможности ни пошевелиться, ни обернуться. Наконец она повернула голову и увидела, как закрываются двери.

– Харри! – позвала она.

Но его уже и след простыл.

Глава 4

«Sex Pistols»

Старый владелец гостиницы задумчиво поднес указательный палец ко лбу, прямо под чалму, и посмотрел на нее долгим оценивающим взглядом. Потом взял телефон и набрал номер. Произнес несколько слов по-арабски и положил трубку.

– Ждать, – сказал он. – Может быть, а может быть, и нет.

Кайя улыбнулась и кивнула в ответ.

Они сидели друг против друга по обе стороны узкого стола, который выполнял функции стойки администратора, и смотрели друг на друга.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку, выслушал собеседника и снова положил трубку, не произнеся ни слова.

– Сто пятьдесят тысяч долларов, – сказал он.

– Сто пятьдесят? – переспросила она, не веря своим ушам.

– Гонконгских долларов, госпожа.

Кайя принялась считать в уме. Значит, это будет примерно сто тридцать тысяч норвежских крон. Почти в два раза больше того, что ей разрешили потратить.

Когда она его нашла, было уже за полночь, и прошло почти сорок часов с того времени, когда она спала в последний раз. Блок «Н» она прочесывала в течение трех часов. Составила себе мысленную карту этого места и искала систематически, проходя ночлежки, кафе, закусочные, массажные клубы и молитвенные комнаты, пока наконец не добралась до самых дешевых ночлежек, комнат и залов для сна, где обитала импортированная рабочая сила из Африки и Пакистана, те, у кого нет даже отдельных комнат, только угол за загородкой, без двери, без телевизора, без кондиционера и какой бы то ни было частной жизни. Черный ночной портье, впустивший Кайю, долго смотрел на фотографию и еще дольше – на протянутую ему стодолларовую купюру, прежде чем взять деньги и указать на один из углов.

Харри Холле, подумала она. Got you^[12].

Он лежал навзничь на матрасе и дышал почти беззвучно. На лбу у него залегла глубокая морщина, и сейчас, когда он спал, правая скула выпирала еще сильнее. Кайя слышала, как в других выгородках кашляют и храпят люди. С потолка капало, капли падали на каменный пол, издавая глубокие, недовольные вздохи. Занавеска была задернута не до конца, в угол проникал холодный голубоватый свет ламп дневного освещения на ресепшене. Она увидела платяной шкаф у окна, стул и пластиковую бутылку с водой рядом с матрасом, лежащим прямо на полу. Больше в комнате ничего не было. Пахло чем-то горьковато-сладким, как от жженой резины. Запах шел от непогашенного окурка, который лежал в пепельнице рядом с бутылкой на полу. Она присела на стул и заметила, что Харри держит что-то в руке. Сальный желто-коричневый комок. Кайя повидала достаточно комков гашиша в тот год, когда ездила на патрульной машине, чтобы понять, что это что-то другое.

Когда Харри проснулся, было уже почти два часа.

Она услышала, как ритм его дыхания чуть изменился, и вдруг в темноте увидела, как блестят белки его глаз.

– Ракель? – прошептал он. И снова заснул.

Через полчаса он внезапно вновь открыл глаза, вздрогнул и запустил руку под матрас.

– Это я, – прошептала Кайя. – Кайя Сульнес.

Он замер, не успев достать то, что хотел. Потом без сил снова рухнул на матрас.

– За каким вы тут чертом? – прохрипел он наждачным голосом.

– За вами, – ответила она.

Он тихо засмеялся, не открывая глаз.

– За мной? Опять?

Она вынула конверт, наклонилась и помахала им перед его лицом. Он приоткрыл один глаз.

– Билет на самолет, – сказала она. – До Осло.

Глаз снова закрылся.

– Спасибо, но я остаюсь.

– Если я вас нашла, то они тоже вас найдут – это только вопрос времени.

Он не отвечал. Она ждала, прислушиваясь к его дыханию и каплям, которые падали и вздыхали. Наконец он снова открыл глаза, почесал шею под левым ухом и приподнялся на локтях.

– Закурить есть?

Она покачала головой. Он сбросил с себя простыню, встал с матраса и подошел к шкафу. Он был на удивление бледный для человека, который полгода провел в субтропиках, и такой тощий, что на спине ребра можно было пересчитать. Телосложение бывшего атлета – но сейчас остатки мускулов давали о себе знать только резкими тенями под белой кожей. Он открыл шкаф. Она с удивлением увидела, как аккуратно сложена одежда. Он натянул на себя майку, джинсы, те же, что были на нем днем раньше, и с некоторым усилием вытащил из кармана нечто, похожее на смятую сигаретную пачку.

Потом он сунул ноги во вьетнамки и прошел мимо нее, щелкнув зажигалкой.

– Пошли, – сказал он тихо. – Самое время поужинать.

Было половина третьего ночи. Серые железные жалюзи всех магазинов и кафешек Чункинга были опущены. Открыт был только «Ли Юань».

– А как вы очутились в Гонконге? – спросила Кайя и посмотрела на Харри, который, не особо заботясь об аккуратности, но весьма эффективно втягивал в себя тонкую стеклянистую лапшу из суповой чашки.

– Прилетел. Вам холодно?

Кайя автоматически вытащила руки из-под бедер.

– Но почему здесь?

– Я собирался в Манилу. В Гонконге была просто промежуточная посадка.

– Филиппины. А туда зачем?

– Броситься в вулкан.

– Который из них?

– Ну... А какие вы можете назвать?

– Да никакие. Просто читала, что там их много. И потом, что некоторые из них находятся на... острове Лусон?

– Неплохо. Там всего восемнадцать вулканов, и три из них на Лусоне. Я собирался на Маунт-Майон. Две с половиной тысячи метров. Стратовулкан.

– Вулкан с отвесными склонами, образованными слоями лавы после извержений.

Харри оторвался от еды и взглянул на нее:

– Извержения в Новое время?

– Много. Тридцать?

– Говорят, что после тысяча шестьсот шестнадцатого года было сорок семь. Последнее в две тысячи втором. Его можно привлечь как минимум за три тысячи убийств.

– Что произошло?

– Нарастание внутреннего давления.

– Я имею в виду – с вами?

– Я про себя и говорю. – Ей показалось, или он действительно улыбнулся? – Я сорвался и стал пить уже в самолете. Меня высадили в Гонконге.

– В Манилу летают и другие самолеты.

– Я понял, что, не считая вулканов, Манила ничем не отличается от Гонконга.

– В смысле?

– В смысле, скажем, удаленности от Норвегии.

Кайя кивнула. Она читала отчеты по делу Снеговика.

– А самое главное, – произнес он и показал палочкой для еды, – здесь есть лапша Ли Юаня. Попробуйте. Одной ее достаточно, чтобы попросить местное гражданство.

– Лапша и опиум.

Такие лобовые приемы были не в ее стиле, но она знала, что надо забыть про свою природную застенчивость, что это ее единственный шанс сделать то, ради чего она сюда притащилась.

Он пожал плечами и вновь сосредоточился на лапше.

– Опиум курите регулярно?

– Нерегулярно.

– А зачем?

Он ответил с набитым ртом:

– Чтобы не пить. Я же алкаш. В этом, кстати, еще одно преимущество Гонконга перед Манилой. Здесь более либеральное наказание за наркотики. Да и тюрьмы почище.

– Про алкоголь я знала, но вы еще и наркоман?

– В каком смысле наркоман?

– Вы что, *должны* их принимать?

– Нет, я просто хочу их принимать.

– Ради?

– Обезболивания. Вообще-то это похоже на собеседование при приеме на работу, которую я вовсе не стремлюсь получить, Сульнес. А вы когда-нибудь курили опиум?

Кайя покачала головой. Она несколько раз пробовала марихуану, когда путешествовала по Южной Америке, но ей не особо понравилось.

– А вот китайцы попробовали. Двести лет тому назад британцы стали импортировать опиум из Индии, чтобы улучшить торговый баланс. И подсадили на это дело пол-Китая. – Он щелкнул пальцами свободной руки. – А когда китайские власти запретили опиум, британцы начали войну, отстаивая свое право накачивать Китай наркотиками под завязку. Представьте себе, что Колумбия начинает бомбить Нью-Йорк, потому что американцы конфисковали партию кокаина на границе.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что я считаю, что мой долг как европейца – выкурить часть той дряни, которая по нашей милости оказалась в этой стране.

Кайя услышала собственный смех. Ей явно надо бы поспать.

– Я шла за вами, когда вы его покупали, – призналась она. – Видела, как вы это проделываете. В бутылочке, которую вы поставили, были деньги. А потом опиум, да?

– М-м-м, – ответил Харри, рот которого по-прежнему был набит лапшой. – Что, работали в наркоотделе?

Она покачала головой.

– А почему бутылка с соской?

Харри закинул руки за голову. Суповая чашка перед ним была пуста.

– Опиум жутко пахнет. Если у тебя в кармане или в фольге комочек опиума, собаки-ищейки тебя в любой толпе найдут. А детские бутылки с сосками к тому же нельзя сдать, так что нет никакого риска, что какой-нибудь бомж, охотящийся за бутылками, случайно перехватит ее прямо в разгар сделки. Такое бывало.

Кайя медленно кивнула. Он понемногу расслабляется, будем продолжать в том же духе. Все, кто не говорил на родном языке по полгода, становятся разговорчивыми, стоит им встретить земляка. Это естественно. Так и будем продолжать.

– Вы любите лошадей?

Он пожевал зубочистку.

– В принципе нет. Они слишком капризны.

– Но вы любите на них ставить?

– Мне это нравится, но игромания не относится к числу моих грехов.

Он улыбнулся, и она опять поразилась, насколько улыбка меняет его облик, делая тот человечным, открытым, мальчишеским. И подумала про кусочек открытого неба, который увидела над Мелден-роу.

– По большому счету азартные игры – неважная стратегия победы. Но когда тебе больше нечего терять, эта стратегия становится единственной. Я поставил все, что у меня было, плюс то, чего у меня не было, в одном забеге.

– То есть все, что у вас было, вы поставили на одну лошадь?

– На две. Квинелла. Вы выбираете двух лошадей, которые придут первыми, независимо от того, какая из них двоих выиграет.

– А деньги одолжили у Триады?

Впервые она заметила в его взгляде удивление.

– Что может заставить серьезный китайский преступный картель дать деньги в долг курящему опиум иностранцу, которому нечего терять?

– Ну... – протянул Харри и вытащил сигарету. – Будучи иностранцем, ты получаешь доступ в VIP-ложу на ипподроме Хэппи-Вэлли в течение трех первых недель после того, как тебе поставили штамп в паспорте. – Он зажег сигарету и выдохнул дым в вентилятор на потолке, который вращался так медленно, что мухи катались на нем, как на карусели. – Там есть дресс-код, поэтому мне пришлось сшить костюм. Первые двух недель было достаточно, чтобы почувствовать вкус к этому делу. Я познакомился с Херманом Ключитом, южноафриканцем, который в девяностых годах сколотил громадное состояние на полезных ископаемых в Африке. Он научил меня стильно проигрывать довольно приличные суммы. Мне просто-напросто понравилась концепция. Вечером перед бегами на третьей неделе я был на обеде у Ключита, который развлекал гостей, показывая свою коллекцию африканских пыточных инструментов из Гомы^[13].

И там-то шофер Ключита дал мне один дельный совет. Он сказал, что фаворит одного из

забегов получил травму, но это скрывают, потому что он все равно будет стартовать. Поскольку лошадка фаворит настолько явный, что на нее поставят все, то будет «минусовый пул», и можно будет не платить по ставкам. А вот если заполнить все три колонки бланка, то есть шанс сорвать приличный куш. Например, на квинелле. Но для того, чтобы заработать прилично, нужен был конечно же кое-какой первоначальный капитал. И Ключит одолжил мне денег – просто так, за красивые глаза. И потом – у меня был еще сшитый у портного костюм. – Харри внимательно изучал огонек сигареты и, похоже, улыбался своим воспоминаниям.

– И что же? – спросила Кайя.

– Фаворит обошел всех на шесть корпусов. – Харри пожал плечами. – Когда я объяснил Ключиту, что у меня за душой ни гроша, он явно расстроился, но вежливо объяснил мне, что, будучи деловым человеком, вынужден придерживаться определенных принципов. Он уверил меня в том, что они вовсе не предполагают использование методов пыток из Конго, но что он просто-напросто продаст мой долг Триаде с некоторой скидкой. В моем случае он был готов подождать с продажей тридцать шесть часов, давая мне шанс успеть выбраться из Гонконга.

– Но вы не успели?

– Иногда я медленно соображаю.

– А что было потом?

Харри обвел руками вокруг.

– Вот это и было. «Чункинг-мэншн».

– А планы на будущее?

Харри пожал плечами и потушил сигарету. И Кайе вспомнилась обложка диска, которую показал ей Эвен, с фотографией Сида Вишеса из «Sex Pistols». И музыка как чуть слышный фон: «No fu-ture, no fu-ture»^[14].

Он загасил сигарету.

– Вот вы и узнали, что вам было надо, Кайя Сульнес.

– Что мне было надо? – Она наморщила лоб. – Не понимаю.

– А разве не так? – Он встал. – А вы что, думали, я треплюсь про опиум и про долг, потому что я такой весь из себя одинокий норвежец, встретивший соотечественницу?

Она не ответила.

– Я рассказал все это для того, чтобы вы поняли: я не тот, кто вам нужен. И чтобы вы могли возвращаться домой с чувством исполненного долга. Чтобы у вас не было больше проблем на лестницах, а я мог спать спокойно, не боясь, что вы приведете моих кредиторов прямо ко мне.

Она посмотрела на него. Лицо жесткое и аскетичное, а глаза смеются, не стоит, мол, воспринимать все так уж всерьез. Или, точнее сказать: плевать, мол, он на все хотел.

– Подождите. – Кайя открыла сумку, извлекла оттуда маленькую красную книжечку и протянула ее ему. Ей было интересно посмотреть, какой эффект это произведет. Его лицо становилось все удивленнее по мере того, как он ее листал.

– Черт, до чего же похоже на мой настоящий паспорт.

– Он и есть.

– Удивительно, что убойному отделу хватило на него денег.

– Ваш долг слегка упал в цене, – улыбнулась она. – Мне сделали скидку.

– Рад за вас. Но я в Осло не собирался.

Кайя пристально посмотрела на него. Ей не хотелось это говорить. Но выхода не было. Придется использовать последний козырь, тот, который Гуннар Хаген рекомендовал ей беречь до последнего, если упрямец окажется совсем уж невозможным.

– Есть еще кое-что, – сказала Кайя и призвала на помощь все свое мужество.

Харри приподнял одну бровь, может быть, почувствовал что-то в ее интонации.

– Речь идет о твоём отце, Харри. – Она слышала, как профессионально переходит на «ты», и тут же уверила сама себя, что говорит искренне, а не только ради того, чтобы произвести впечатление на собеседника.

– Моем отце? – Он произнес это, будто удивляясь, что тот у него есть.

– Да. Мы связались с ним, чтобы выяснить, не знает ли он, где ты. Оказалось, он болен.

Она сидела опустив глаза в стол.

Слышала его дыхание.

В голосе его опять появился наждак.

– Болен серьезно?

– Да. И мне жаль, что именно я вынуждена сообщить это тебе.

Она по-прежнему не смела поднять на него глаза. Ей было стыдно. Она ждала. Слушала похожие на кряканье звуки кантонского диалекта из телевизора, висевшего за стойкой Ли Юаня. Сидела и ждала. Ей обязательно надо поспать.

– Когда самолет?

– В восемь, – ответила она. – Я заеду за тобой сюда через три часа.

– Сам доберусь, мне до этого еще парочку дел надо уладить.

Он протянул к ней руку. Она вопросительно посмотрела на него.

– Мне для этого нужен паспорт. А тебе надо поесть. А то совсем отощaeшь.

Она колебалась. Потом протянула ему паспорт и билет на самолет.

– Я на тебя надеюсь, – произнесла она.

Он посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

И ушел.

Часы над выходом на посадку С4 в аэропорту Чхеклапкок показывали без четверти восемь, и Кайя была на грани отчаяния. Разумеется, он не пришел. Это же естественный рефлекс и у животных, и у людей: прятаться, когда тебя ранили. А Харри Холе ранен, сомневаться не приходится. В отчетах по делу Снеговика в деталях описывались все убийства женщин. Но Гуннар Хаген рассказал ей то, чего в отчетах не было. Что бывшая возлюбленная Харри Холе – Ракель – и ее сын Олег оказались в лапах безумного убийцы. И что она вместе с сыном сразу же покинула страну, как только дело было закончено. И что Харри подал рапорт об увольнении и тоже уехал. Он просто был ранен сильнее, чем ей казалось.

Кайя отдала свой посадочный талон, направилась в «рукав», уже думая, что ей писать в рапорте о невыполненном задании, когда увидела его. Он бежал по зданию терминала, освещенному солнцем. На плече у него висела сумка, в руках пакет из дьюти-фри, и он лихорадочно пыхтел сигаретой. Он остановился у стойки. Но вместо того чтобы отдать свой посадочный талон на контроле, отставил в сторону сумку и посмотрел на Кайю полными отчаяния глазами.

Она вернулась к стойке.

– Что-то случилось?

– Сорри, – сказал он. – Я не могу лететь.

– Почему?

Он указал на пакет из дьюти-фри:

– Только что вспомнил, что в Норвегию беспошлинно разрешается ввозить только по одному блоку сигарет на рыло. А у меня два. Так что, если... – Лицо его оставалось невозмутимым.

Она поморгала, стараясь не выглядеть чересчур радостной:

– Давай сюда.

– Огромное спасибо, – сказал он, открыл пакет, в котором, как она успела заметить, не было бутылок, и протянул ей блок «Кэмела», в котором уже не хватало одной пачки.

На посадку она шла перед ним, чтобы он не видел, как она улыбается.

Кайя не засыпала довольно долго, так что запомнила и взлет, и Гонконг, исчезающий под ними, и взгляд Харри, прикованный к приближающейся тележке стюардессы, в которой соблазнительно звенели бутылки. И увидела, как он закрыл глаза, и слышала, как он еле слышно отвечает стюардессе:

– No, thank you^[15].

Она размышляла, прав ли Гуннар Хаген, неужели сидящий рядом с ней человек – действительно тот, кто им нужен.

А потом отключилась, как будто куда-то провалилась. Ей привиделось, что она стоит перед закрытой дверью и слышит одинокий, холодный крик птицы в лесу, и он казался таким странным, потому что солнце светило и светило... И что она открыла дверь...

Она проснулась и обнаружила, что уткнулась головой ему в плечо. Во рту пересохло. Голос командира экипажа сообщил, что они заходят на посадку в Лондоне.

Глава 5

Парк

Марит Ульсен любила кататься на лыжах в горах. Но терпеть не могла бегать трусцой. Она ненавидела себя за то, что начинала задыхаться, пробежав всего какую-то сотню метров, ей казалось, что земля дрожит – как при землетрясении, – стоит ей только поставить на нее ногу. Она не выносила недоуменные взгляды гуляющих и то, как выглядела в их глазах: трясущиеся подбородки, колыхающиеся складки жира, обтянутые тренировочным костюмом, подчеркивающим все ее жировые отложения, беспомощное, глупое выражение лица – как у выброшенной на сушу рыбы. Она сама неоднократно подмечала такое выражение у людей с избыточным весом, когда они занимались спортом. Именно поэтому – хотя и не только поэтому – она регулярно, трижды в неделю, бегала во Фрогнер-парке в десять вечера. Тогда там практически никого не было. А те, кто был, едва ли могли разглядеть, как она, пыхтя, бежит в темноте среди немногочисленных фонарей на дорожках, исчертивших самый большой парк в городе вдоль и поперек. А если кто-то и обращал на нее внимание, то вряд ли бы узнал депутата стортинга от Рабочей партии и Финнмарка. Хотя узнать можно лишь того, кого видел раньше. А Марит Ульсен вообще видели немногие. Когда она выступала с заявлениями – как правило, от имени своего фюлька, – то не привлекала того внимания, которое СМИ проявляли по отношению к другим, более фотогеничным ее коллегам. Кроме того, в течение своего депутатского срока она пока не сказала и не сделала ничего особенного. Во всяком случае, себе она это объясняла именно так. Объяснение редактора газеты «Финнмарк дагблад», что политически она – легковес, было просто игрой слов, иронией над ее физическими параметрами. Но редактор тем не менее не исключал, что в один прекрасный день ее можно будет увидеть в правительстве Рабочей партии, – ведь она вполне удовлетворяет трем важнейшим требованиям: без высшего образования, не мужчина и не из столицы.

Да, он прав: сила ее не в пространных, сложных и в то же время легковесных рассуждениях. Она – человек из народа, тот, кто знает, как живут простые мужчины и женщины, и ее голос – это их голос в парламенте, где сидят самодовольные, поглощенные исключительно собой жители столицы. Потому что Марит Ульсен говорила от своего нутра и о том, что она чувствовала, так сказать, печенкой. И это стало ее главным козырем, тем, благодаря чему она – вопреки всему – оказалась там, где оказалась. Со своей рассудительностью и юмором – его жители юга Норвегии часто называли «северным» и «соленым» – она с легкостью побеждала в тех немногих дебатах, к участию в которых ее допускали. Так что внимание на нее обратят, это вопрос времени. Только бы сбросить хоть немного из этих чертовых килограммов. Согласно исследованиям, люди меньше доверяют тучным, подсознательно воспринимая лишние килограммы как неспособность взять себя в руки.

Предстоял небольшой подъем, она стиснула зубы и побежала короткими шагами, она фактически перешла на шаг, если быть совсем честной. Шаг за шагом – вверх. Да. Именно так. Марш по направлению к власти. Уменьшая вес и увеличивая шансы на переизбрание.

Она услышала хруст гравия позади и почувствовала, как спина автоматически выпрямилась, а сердце забилося чаще. Те же шаги, что она слышала во время своей прошлой пробежки три дня тому назад. И еще за два дня до этого. В прошлый раз Марит обернулась и

увидела черный спортивный костюм и черный капюшон, как будто за ее спиной бежал боец командос. Вот только с какой стати кому-то, а тем более бойцу командос, бежать так же медленно, как Марит Ульсен?

Конечно, она не могла с уверенностью утверждать, что человек был тот же самый, но что-то в звуке его шагов говорило ей, что это именно так. Оставалось подняться еще чуть-чуть, потом будет Монолит, а потом станет легче, дальше придется бежать вниз, домой, в Шейен, к мужу и к надежному в своей свирепости раскормленному ротвейлеру. Шаги приближались. И внезапно ей перестало казаться, что это так уж хорошо, что на часах десять вечера и что парк темен и безлюден. Вообще-то Марит Ульсен боялась много чего, но больше всего она боялась иностранцев. Ну да, она знала, что ксенофобия идет вразрез с программой ее партии, но, в конце концов, страх перед неизвестным – разумная стратегия выживания. И пресловутая печенка Марит Ульсен категорически отказывалась принимать все законопроекты, расширяющие права приезжих.

Но тело ее двигалось слишком медленно, мышцы ног отчаянно болели, легким не хватало воздуха, и она знала, что еще немного, и она вообще не сможет сделать ни шага. Мозг пытался побороть страх, пытался внушить ей, что она не тянет на потенциальную жертву насилия.

Страх гнал ее наверх, она наконец взобралась на холм и могла теперь видеть то, что было с той стороны Мадсрюд-алле. Из ворот одной из вилл выезжал автомобиль. Она могла бы успеть, их разделяла какая-то сотня метров. Марит Ульсен бежала по скользкой траве, вниз по склону, она едва держалась на ногах. Она уже не слышала шагов за спиной, она слышала только собственное дыхание. Машина задом выехала на дорогу, раздался скрежет коробки передач, когда водитель переключился с заднего хода. Марит Ульсен была уже почти внизу, до дороги, до спасительного света передних фар оставалось всего несколько метров. Она неслась вниз, и все ее лишние килограммы сейчас помогали ей, они заставляли ее тело неумолимо двигаться вперед. А вот ноги слушаться отказывались. Она споткнулась, падая вперед, на дорогу, к свету. Она ударилась об асфальт животом, упакованным в мокрый от пота полиэстер, и поехала, покатила вниз. А потом Марит Ульсен лежала неподвижно, ощущая во рту горький привкус дорожной пыли, а ладони саднило от мелких камушков.

Кто-то подошел и наклонился над ней. Коснулся плеча. Она со стоном перевернулась на бок и подняла руку перед собой, защищаясь. Это был не боец командос, а просто какой-то пожилой мужчина в шляпе. Дверь в машине за его спиной была открыта.

– Все в порядке, фрекен? – спросил он.

– А вы как думаете? – ответила вопросом на вопрос Марит Ульсен, чувствуя, как ее охватывает ярость.

– Постойте-ка! Я вас раньше где-то видел.

– Подумаешь, – проворчала она, отталкивая его руку и со стоном поднимаясь на ноги.

– Ведь это же вы участвуете в той развлекательной программе?

– Точно, – призналась она, пристально всматриваясь в пустынную и молчаливую тьму парка и потирая правый бок, там, где печенка. – Только мне насрать на это, дедуля.

Глава 6

Возвращение домой

«Вольво-амазон», последняя машина, выкатившаяся с конвейера завода «Вольво» в 1970 году, остановилась перед пешеходным переходом возле зала прилета аэропорта Гардермуен в Осло.

Мимо автомобиля прошествовала цепочка детсадовцев, одетых в шуршащие дождевики. Кое-кто из ребятишек во все глаза смотрел на древнюю чудную машину с двумя гоночными полосками на кузове и на двух человек, сидевших позади дворников, смахивающих капли утреннего дождя.

Мужчина на пассажирском месте, комиссар Гуннар Хаген, понимал, что при виде детей, держащих друг друга за руки, следовало бы улыбнуться и подумать о единении, заботе и об обществе, где люди поддерживают друг друга. Но первой ассоциацией Хагена было прочесывание местности, когда идут цепочкой, чтобы найти человека, который предположительно убит. Вот что делает с человеком работа в убийном отделе. Или, как один остряк написал на двери кабинета Холе, «I see dead people»^[16].

– Какого черта детский сад делает в аэропорту? – поинтересовался человек, сидящий за рулем. Его звали Бьёрн Холм, и «амазон» был самой большой его драгоценностью. Одни лишь запахи – от шумной, но невероятно мощной печки, от пропитанных потом сидений из искусственной кожи и от пыли в бардачке – наполняли его душу умиротворением. Особенно тогда, когда мотор работал на полную катушку, то есть машина шла со скоростью примерно восемьдесят километров в час по ровной дороге, а из кассетника звучал Хэнк Уильямс. Бьёрн Холм из экспертно-криминалистического управления в Брюне вообще был кантри из Скрейи^[17] – ковбойские сапоги змеиной кожи, круглая как блин физиономия и немного выпученные глаза, придававшие ему неизменно удивленное выражение. Это выражение нередко вводило в заблуждение руководство следственных групп при первой встрече с Бьёрном Холмом. На самом деле Бьёрн Холм был самым выдающимся криминалистическим талантом после Вебера в его лучшие годы. Холм был одет в мягкую замшевую куртку с бахромой и вязаную растаманскую шапочку, из-под которой выбивались самые густые и рыжие бакенбарды, какие только видел Хаген по эту сторону Северного моря. Они закрывали щеки почти полностью.

Холм завел свой «амазон» на кратковременную парковку, машина со всхлипом остановилась, и мужчины вышли. Хаген поднял воротник плаща, что конечно же никак не спасало от дождя, бомбардировавшего его лысый череп. Лысину обрамляли такие густые черные волосы, что некоторые подозревали, что на самом деле у Гуннара Хагена волосы растут прекрасно, вот только парикмахер немного эксцентричный.

– Слушай, неужели твоя куртка совсем не пропускает воду?» – спросил Хаген, когда они шли ко входу.

– Совсем, – ответил Холм.

Когда они еще были в машине, им позвонила Кайя Сульнес и сообщила, что самолет SAS рейсом из Лондона приземлился на десять минут раньше. И что Харри Холе она упустила.

Они прошли через вертящуюся входную дверь, Гуннар Хаген принялся внимательно смотреть по сторонам, увидел Кайю, сидящую на чемодане у стойки такси, кивнул ей и

направился к двери, из которой выходили прилетевшие пассажиры. Внутри они с Холмом проникли, когда она открылась, пропуская выходящих. Охранник хотел было остановить их, но кивнул и чуть ли не поклонился, когда Хаген помахал своим удостоверением и коротко рявкнул: «Полиция!»

Хаген повернул направо и, не останавливаясь, пошел мимо таможенников с их собаками, мимо сверкающих металлических стоек, напомнимших ему стойки, на которые судмедэксперты выкладывают трупы, и дальше, толкнул дверь закутка в самом углу.

И остановился как вкопанный, так что Холм буквально налетел на него сзади, и услышал, как хорошо знакомый хрипловатый голос сквозь зубы произнес:

– Привет, шеф. Извините, что не могу встать по стойке «смирно».

Бьёрн Холм попытался заглянуть через плечо шефа.

То, что он увидел, он не мог забыть потом еще долго.

Наклонившись над спинкой стула, стоял мужчина, успевший стать живой легендой не только в Управлении полиции Осло; любой полицейский в Норвегии наверняка слышал о нем что-то хорошее или плохое, но неизменно невероятное. Мужчина, с которым Холму и самому доводилось тесно сотрудничать. Но не так тесно, как таможеннику, который в данный момент стоял позади живой легенды, засунув руку в латексной перчатке в бледный зад легенды.

– Он мой, – сказал Хаген таможеннику и снова помахал удостоверением. – Отпустите его.

Таможенник уставился на Хагена, казалось, ему не хотелось прекращать исследование, и, только когда вошел его начальник, пожилой и с золотыми полосками на погонах, и чуть кивнул, прикрыв веки, таможенник крутанул руку еще раз, а потом вытащил ее. Жертва издала тихий стон.

– Надевай штаны, Харри, – сказал Хаген и отвернулся.

Харри натянул штаны и повернулся к таможеннику, стягивающему с руки перчатку:

– Тебе тоже было хорошо?

Кайя Сульнес поднялась с чемодана, увидев трех своих коллег, выходящих из двери. Бьёрн Холм пошел за машиной, а Гуннар Хаген отошел в киоск – купить что-нибудь попить.

– Тебя часто так останавливают? – спросила Кайя.

– Да каждый раз, – ответил Харри.

– Мне кажется, меня таможенники еще никогда не останавливали.

– Кто бы сомневался.

– Почему?

– Потому что есть целая куча признаков, по которым они определяют, кого надо досмотреть, а у тебя нет ни одного из них. А у меня есть по крайней мере половина.

– Ты думаешь, таможенники настолько пристрастны?

– Слушай, а ты когда-нибудь ввозила то, что запрещено?

– Нет. – Кайя засмеялась. – Ладно. Но если уж они такие проницательные, то должны бы знать, что ты полицейский. И пропустить.

– А кто сказал, что они не знали?

– Да ладно. Это только в фильмах они сразу видят, кто из полиции.

– Думаешь? – спросил Харри и полез за сигаретами. – Посмотри на стойку такси, только незаметно. Там стоит узкоглазый мужик, глаза немного раскосые. Видишь?

Кайя кивнула.

– Он уже два раза подтягивал ремень, пока мы здесь стоим. Как будто на нем что-то тяжелое висит. Пара наручников или дубинка резиновая. Это движение становится совершенно автоматическим, если ты пару лет работал на патрульной машине или кого-то арестовывал.

– Я работала на патрульной машине, но я никогда...

– А сейчас наверняка работает в отделе по борьбе с наркотиками и высматривает людей, которые, пройдя таможню, выглядят так, словно у них гора с плеч свалилась. Или тех, кто сразу кинется к туалету, потому что прямая кишка больше не в состоянии держать товар. Наблюдает, не поменяются ли чемоданами какой-нибудь любезный пассажир и контрабандист, как раз и попросивший этого лоха помочь пронести багаж мимо таможни.

Кайя склонила голову набок и посмотрела на Харри с легкой улыбкой:

– А может, это просто обычный парень, у которого штаны спадают и который ждет мамочку? И ты ошибаешься?

– Ну конечно, – буркнул Харри, глянул на свои часы, а потом на часы на стене наверху. – Причем всегда. Неужели и правда уже день?

«Вольво-амазон» выкатилась на шоссе, когда уже зажглись фонари.

Сидевшие впереди Холм и Кайя Сульнес оживленно беседовали, куда Таунс Ван Зандт сдержанно рыдал на кассете. На заднем сиденье Гуннар Хаген провел рукой по сумке из свиной кожи, лежащей у него на коленях.

– Жаль, не могу сказать, что ты хорошо выглядишь, – тихо произнес он.

– Да это из-за разницы во времени, шеф, – ответил Харри, полулежа на сиденье.

– Что у тебя со скулой?

– Это длинная и скучная история.

– Ну ладно. Добро пожаловать домой. Извини за недоразумение.

– Мне казалось, я подал рапорт об увольнении.

– Ты это и раньше делал.

– Еще написать?

Гуннар Хаген взглянул на своего бывшего старшего инспектора и еще больше понизил голос и опустил глаза:

– Я уже извинился за неласковую встречу на родине. И я прекрасно понимаю, чего тебе стоило последнее дело. Что и ты сам, и дорогие тебе люди оказались втянуты в это настолько, что... ну да, что тебе захотелось начать другую жизнь. Но ведь все это – твоя работа, Харри, и ты умеешь ее делать.

Харри чихнул, как будто уже успел простудиться, едва вернувшись на родину из теплых краев.

– Два убийства, Харри. Мы даже не знаем, как жертвы были убиты, только то, что убиты они одинаковым способом. Но наш прошлый опыт, который нам так дорого обошелся, говорит об одном. – Начальник отдела замолчал.

– Продолжай, не бойся, шеф.

– Уж теперь и не знаю.

Харри смотрел за окно, где волнами катились поля, коричневые, бесснежные, то поднимаясь, то опускаясь.

– Уже несколько раз кричали: «Волки!» Но выяснилось, что серийные убийцы встречаются довольно редко.

– Да знаю я, – кивнул Хаген. – На моей памяти в этой стране был только Снеговик. Но

на этот раз мы почти уверены. У жертв нет ничего общего, а в их крови обнаружено одно и то же обезболивающее.

– Ну, это уже что-то. Желаю удачи.

– Харри...

– Я знаю еще пару-тройку, кто вполне справится с этой работенкой, шеф.

– Ты справишься.

– Я просто развалился на куски.

Хаген вздохнул:

– Соберем.

– Beyond repair^[18], – парировал Харри.

– Ты здесь единственный, у кого есть соответствующая квалификация и опыт раскрытия серийных убийств.

– Задействуйте какого-нибудь американца.

– Ты знаешь, что толку не будет.

– Ну, тогда очень жаль.

– Жаль? Пока убиты двое, Харри. Обе – молодые женщины...

Харри сделал протестующий жест, когда Хаген открыл сумку и вытащил из нее коричневую папку.

– Я серьезно, шеф. Спасибо, что выкупили мой паспорт и вообще, но я покончил с фотографиями мертвецов и всеми этими дерьмовыми отчетами.

Хаген с обидой взглянул на Харри, но тем не менее положил папку ему на колени.

– Посмотри – это единственное, о чем я тебя прошу. И еще, не говори никому о том, что мы занимаемся этим делом.

– То есть? Почему?

– Все непросто. Не проболтайся никому, ладно?

Сидевшие впереди замолчали, и Харри стал смотреть на затылок Кайи. Поскольку «амазон» Бьёрна Холма изготовили задолго до того, как придумали термин «травма шейных позвонков при столкновении», подголовников не было. И Харри видел ее тонкую шею под собранными в пучок волосами, видел светлый пушок на шее и думал, насколько же все это уязвимо, как быстро все меняется и сколько всего может разрушиться за какие-то секунды. Что жизнь – это, собственно, и есть процесс распада, разрушение того, что изначально являлось совершенством. Важно только одно: как именно все это разрушается – внезапно или медленно. Грустная мысль. Но он не мог не думать об этом. Он думал об этом, пока они не въехали в Ибсеновский туннель, серую безликую трубку транспортного механизма, которая могла бы находиться в каком угодно городе мира. А потом он почувствовал радость. Отчаянную и безотчетную радость оттого, что он здесь. В Осло. Дома. И это чувство настолько захватило его, что на несколько секунд он даже забыл, почему вернулся.

Харри смотрел на дом 8 на улице Софиес-гате, «амазон» уже отъехал от дома и пропал из вида. Граффити на фасаде стало больше, чем когда он уезжал, но дом все еще синего цвета.

Так, он сказал, что этим делом заниматься не станет. И что у него отец в больнице, и это – единственная причина, по которой он вернулся. Правда, он не сказал им, что, если бы у него был выбор – узнать о болезни отца или нет, – он предпочел бы не узнавать. Потому что приехал не от любви к отцу. А от стыда.

Харри взглянул на два черных окна на третьем этаже – это были его окна.

Он открыл ворота и направился на задний двор. Контейнер для мусора стоял там же, где и всегда. Харри отодвинул крышку. Он пообещал Хагену посмотреть папку с материалами. Но исключительно для того, чтобы шеф сохранил лицо, ведь его паспорт обошелся отделу в кругленькую сумму. Харри положил папку под крышку контейнера, она упала вниз и лежала теперь среди лопнувших пластиковых пакетов, из которых вытекала кофейная гуща, торчали памперсы, вываливались гнилые фрукты и картофельные очистки. Он вдохнул этот запах, отметив, насколько же удивительно интернационален запах мусора.

В его двухкомнатной квартире все было по-прежнему, но что-то все-таки изменилось. Пыльно-серый отсвет, словно кто-то только что был и ушел, но пар от его дыхания все еще висит в воздухе. Харри прошел в спальню, поставил на пол сумку и вытащил неоткрытый блок сигарет. В комнате было все как всегда, серое, как кожа двухдневного трупа. Он рухнул на постель. Закрыв глаза. Услышал знакомые звуки. Как из дырявого желоба на крыше капает вода на жестяной откос под окном. Это были не те медленные, успокаивающие звуки капель с крыши, как в Гонконге, нет, здешние капли лихорадочно барабанили, сплошным потоком, как напоминание о том, что время идет, секунды мчатся, конец приближается. Вспомнился мистер Линия из итальянских мультимедийных короткометражек, который неизменно падает, пробыв на экране четыре минуты, исчезает там, где у него из-под ног исчезает линия, проведенная художником-создателем.

Харри знал, что под мойкой у него есть полбутылки «Джима Бима». Знал, что он может начать в этой квартире с того, чем закончил. Черт, до чего же он был пьян уже когда садился в такси в аэропорт в тот день, полгода назад. Стоит ли удивляться, что до Манилы он так и не добрался?

А еще он мог пройти в кухню и вылить содержимое бутылки в раковину.

Он даже застонал.

Неправда, что он не понял, на кого она похожа. Он знал, на кого она похожа. Она похожа на Ракель. Они все похожи на Ракель.

Глава 7

Виселица

– Но я боюсь, Расмус, – сказала Марит Ульсен. – Ей-богу!

– Знаю, – произнес Расмус Ульсен глуховатым приятным голосом, которым успокаивал жену на протяжении двадцати пяти лет, наполненных политическими выборами, экзаменами на права, вспышками ярости и разного рода приступами паники. – Это совершенно естественно, – продолжил он и обнял Марит. – Ты много работаешь. Так что твоя голова просто не успевает справляться с подобными мыслями.

– Подобными мыслями? – переспросила она, повернувшись на диване и посмотрела на него. Она уже давно потеряла всякий интерес к фильму, который они смотрели на видео – «Love Actually»!. – Подобные – в смысле дурацкие, ты это имел в виду?

– Важно не то, что я имел в виду, – произнес он, водя кончиками пальцев по ее телу. – Важно то...

– Важно то, что *ты* думаешь, – передразнила она. – Господи, Расмус, перестань же смотреть на доктора Филадельфия.

Он засмеялся нежным смехом:

– Я просто хочу сказать, что ты как депутат конечно же имеешь право попросить выделить тебе охрану, если чувствуешь, что тебе угрожают, и она будет таскаться за тобой повсюду. Тебе это надо?

– М-м-м, – простонала она, когда его пальцы начали поглаживать именно там, где ей нравилось больше всего, – и она знала, ему это известно. – Что значит «тебе это надо»?

– Подумай хорошенько. Что, по-твоему, из этого получится?

Марит Ульсен задумалась. Закрывала глаза и чувствовала только, как его пальцы словно бы втирают в ее тело покой и гармонию. Она встретила Расмуса, когда работала в центре занятости в Альте. Ее выбрали доверенным лицом местного профсоюза, и профсоюз норвежских госслужащих направил ее на курсы для профсоюзных работников в профсоюзную школу в Сёрмарку. Там к ней в первый же вечер подошел худощавый мужчина с живыми синими глазами под высокими залысинами. Его манера говорить напомнила ей откровения христиан-сектантов в молодежном клубе в Альте. Разница была лишь в том, что он говорил о политике. Он работал в секретариате фракции Рабочей партии, где помогал парламентским депутатам всякими практическими вещами, организовывал поездки, а бывало, и писал им тексты выступлений.

Тогда Расмус угостил ее пивом, спросил, не хочет ли она потанцевать, и после четырех танцев под все более спокойные классические мелодии, во время которых их тела сближались все больше и больше, он предложил ей пойти с ним. Он имел в виду не свою комнату, а свою партию.

Вернувшись домой, она стала ходить на партийные собрания в Альте, а по вечерам они с Расмусом вели долгие телефонные разговоры о том, чем они оба занимались и что думали в тот день. Конечно, Марит никогда не признавалась вслух, но иногда ей казалось, что это и было лучшее их время, когда они находились в двухстах милях друг от друга. Потом ей однажды позвонили из комитета по выдвижению кандидатов, включили в список, и она и не заметила, как оказалась в совете коммуны в Альте. Двумя годами позже она стала заместителем председателя организации Рабочей партии в Альте, еще через год вошла в

президиум отделения партии в фюльке, а потом ей снова позвонили, в этот раз это был комитет по выдвижению кандидатур в стортинг.

И вот теперь у нее был крошечный офис в стортинге, гражданский муж, который помогал ей с речами, и перспектива дальнейшего продвижения, если все пойдет как планировалось. И если она не наделает ошибок.

— Они тогда приставят ко мне полицейского, чтобы за мной приглядывать, — сказала она. — А пресса захочет узнать, почему это за депутаткой стортинга, о которой никто и слыхом не слыхивал, должен повсюду таскаться телохранитель, причем за счет налогоплательщиков. А когда они выяснят, что да почему, — что, мол, ей *показалось*, что ее кто-то преследует в парке, — то сразу понапишут, мол, на *таком* основании каждая вторая баба в Осло с тем же успехом может затребовать себе телохранителя за счет госбюджета. Не надо мне никаких охранников. Забудь.

Расмус беззвучно засмеялся. Его пальцы, продолжая поглаживать ее тело, говорили, что он согласен. Растерявшие листву деревья Фрогнер-парка насквозь продувал ветер. По ночной, черной поверхности пруда скользила утка, втянув голову в перья. Во Фрогнербадет гнилая листва приклеилась к стенкам пустых бассейнов. Это место казалось покинутым раз и навсегда, это был какой-то затерянный мир. В глубоком бассейне ветер закручивался вихрем и пел, монотонно и заунывно, под десятиметровой белой вышкой для прыжков в воду, которая вырисовывалась на ночном небе, точно виселица.

Глава 8

«Snow Patrol»

Когда Харри проснулся, было уже три часа дня. Он открыл сумку, натянул чистую одежду, нашел в шкафу шерстяное пальто и вышел на улицу. Мелкий дождик разбудил его окончательно, так что он выглядел вполне трезвым, входя в коричневые и прокуренные залы ресторана «Шрёдер». Его столик оказался занят, поэтому Харри прошел дальше через зал и сел за стол в самой глубине, под телевизором.

Огляделся... Увидел пару новых лиц, склонившихся над пивом, а так – время как будто остановилось. Подошла Нина и поставила перед ним белую чашку и стальной кофейник.

– Харри, – сказала она. Не для того чтобы поприветствовать его, но чтобы убедиться в том, что это действительно он.

Харри кивнул:

– Привет, Нина. Старые газеты есть?

Нина исчезла в подсобке и вернулась с кипой пожелтевших газет. Харри никогда не мог понять, зачем у «Шрёдера» хранят старые газеты, но это уже не раз выручало его и раньше.

– Long time^[19], – произнесла Нина и вновь исчезла.

И Харри тут же вспомнил, что ему так нравилось в «Шрёдере» помимо того, что это было ближайшее от его квартиры питейное заведение. Тут говорят короткими предложениями. И уважают частную жизнь клиентов. Тут просто констатируют, что ты вернулся, и не нужно никаких отчетов за тот срок, когда тебя не было.

Харри выпил две чашки на удивление невкусного кофе, быстро просматривая газеты, чтобы получить представление о том, что же произошло в королевстве за последние месяцы. Как обычно, ничего особенного. Именно это ему больше всего и нравилось в Норвегии.

Кто-то победил в эстрадном телеконкурсе «Идол», какая-то звезда вылетела из танцевального конкурса, какой-то футболист из третьего дивизиона попался на кокаине, а Лене Галтунг, дочь судовладельца Андерса Галтунга, авансом получила несколько миллионов в счет наследства и обручилась с гораздо более красивым, чем сама она, но вряд ли столь богатым предпринимателем по имени Тони. Редактор «Либерала», Арве Стёп, полагал, что для нации, которая хочет быть верной социал-демократическим идеалам, сохранение монархии становится все менее приемлемым. Все как всегда.

Первые заголовки, имеющие отношение к убийствам, Харри обнаружил только в газетах за декабрь. Он узнал место преступления благодаря описанию Кайи: подвал в строящемся офисном комплексе в Ньюдалене. Неизвестно, что повлекло за собой смерть, но полиция не исключает, что речь идет об убийстве.

Харри пролистал газету и с большим удовольствием прочитал про одного политика – как тот хвастается, что оставил министерский пост для того, чтобы больше времени проводить с семьей.

Газетный архив у «Шрёдера» был конечно же неполным, но в газете, датированной двумя неделями позже, всплыло второе убийство.

Женщина была обнаружена возле разбитого «датсуна», который стоял на краю лесной опушки у озера Даушеен в Маридалене. Полиция не исключает, что дело имеет «криминальную подоплеку», но и в данном случае о причине смерти ничего не говорилось.

Глаза Харри просканировали статью, и он констатировал, что молчание полиции

объяснялось делом обычным: у нее ничего нет, ну да, локатор вслепую шарит по открытым и пустым морским пространствам.

Только два убийства. Но Хаген был совершенно уверен, когда говорил, что речь идет о серийном убийце. Тогда в чем же связь? Чего не было в газетах? Харри почувствовал, как его мысли направились по старому доброму пути, выругался сам на себя, что никак не может от этого отделаться, и стал просматривать газеты дальше.

Когда стальной кофейник опустел, он бросил на стол скомканную купюру и вышел на улицу. Поплотнее запахнул пальто и прищурился, глядя в серое небо.

Он остановил свободное такси, которое как раз подъезжало к тротуару. Шофер потянулся по диагонали салона, и задняя дверь распахнулась. Такой фокус сейчас не часто увидишь, Харри решил вознаградить его чаевыми. И не только за то, что так удобнее сесть в машину, но еще за то, что в стекле дверцы отразилось лицо человека за рулем другого автомобиля, припаркованного позади такси.

– Государственная больница, – произнес Харри и пробрался на середину заднего сиденья.

– Будет исполнено, – ответил шофер.

Когда они отъезжали от края тротуара, Харри внимательно посмотрел в зеркало заднего вида.

– А вообще-то отвезите меня сначала на улицу Софиес-гате.

На Софиес-гате машина, кашляя дизельным мотором, осталась ждать, а Харри быстро, через две ступеньки, побежал вверх. В голове вертелись возможные варианты. Триады? Херман Клуйт? Или старая добрая паранойя? Наркота лежала там же, где он оставил ее, когда уезжал: в ящике с инструментами внутри разделочного столика. Просроченное полицейское удостоверение. Набор наручников фирмы «Хиатт» с пружинками для мгновенного защелкивания. И еще служебный револьвер, «смит-вессон» 38-го калибра.

Когда Харри вновь спустился на улицу, он не стал смотреть ни налево, ни направо, а сразу же уселся в такси.

– В Государственную больницу? – уточнил шофер.

– Во всяком случае, езжайте в этом направлении, – ответил Харри, внимательно вглядываясь в зеркало, пока они поворачивали на Стенгберггате и ехали дальше вверх по Уллеволсвейен. Он ничего не увидел. Что могло означать одно из двух. Либо это старая добрая паранойя. Либо следивший за ним был профи.

Харри помедлил, но потом все-таки произнес:

– Государственная больница.

Проезжая мимо Западно-Акерской церкви и Уллеволской больницы, он все-таки продолжал поглядывать в зеркало. Ни в коем случае нельзя привести их за собой туда, где ты наиболее уязвим. Туда, куда они всегда пытаются пробраться. К твоей семье.

Самая большая в стране больница нависала надо всем городом.

Харри расплатился с шофером, а тот поблагодарил за чаевые и повторил фокус с задней дверью.

Перед Харри вздымались фасады больничных корпусов, казалось, низкие облака ползут прямо по их крышам.

Он глубоко вздохнул.

Улав Холе улыбался с больничной подушки так приветливо и так бессильно, что у Харри

защемило сердце.

– Я был в Гонконге, – ответил Харри. – Надо было подумать.

– Получилось?

Харри пожал плечами.

– Что врачи говорят?

– Да практически ничего. Это вряд ли означает что-то хорошее, но я понял, что для меня так даже лучше. Ты ведь знаешь: способностью принять действительность как она есть в нашей семье никто особенно похвастаться не мог.

Интересно, будут они говорить о матери или нет. Харри надеялся, что нет.

– У тебя работа есть?

Харри покачал головой. Седые волосы отца так красиво лежали на лбу, что Харри подумал: это, наверное, не его волосы, ему их просто выдали – как пижаму и шлепанцы.

– Ничего?

– Мне предложили читать лекции в Полицейской академии.

Это была почти правда. Хаген предлагал ему это после дела Снеговика – как своего рода отпуск.

– Учить? – Отец засмеялся, тихо и осторожно, словно боясь разбиться от слишком громкого смеха. – А мне казалось, один из твоих принципов – никогда не делать того, что делал я.

– Такого никогда не было.

– Да ладно, ты всегда поступал по-своему. Все эти полицейские штучки... Ладно, хорошо хотя бы, что ты не повел себя как я. Потому что я не пример для подражания. Ты же знаешь, после того как умерла твоя мать...

Харри просидел в белой больничной палате от силы двадцать минут, но уже испытывал отчаянное желание убежать.

– После того как умерла твоя мать, мне никак не удавалось сделать так, чтобы все стало как раньше. Я ушел в себя, общение с другими людьми стало мне не в радость. Мне казалось, если я буду один, то стану ближе к ней. Но это не так, Харри. – Отец улыбнулся ангельской улыбкой. – Я знаю, что потерять Ракель было тяжело, но ты не должен поступать так, как я. Ты не должен прятаться, Харри. Не должен запираť дверь и выбрасывать ключ.

Харри взглянул на свои руки и, кивнув, почувствовал, как по всему телу бегут мурашки. Надо срочно что-то принять, не одно, так другое.

Вошел медбрат, представился Олтманом, поднял шприц, сказал, немного пришепечывая, что ему надо только сделать «Улаву» укол, чтобы тот лучше спал. Харри подмывало спросить, не найдется ли и для него чего-нибудь.

Отец лег на бок, кожа на лице обвисла, теперь он выглядел старше, чем когда лежал на спине. Он посмотрел на Харри тяжелым, ясным взглядом.

Харри поднялся так резко, что ножки стула скрежетнули о пол.

– Ты куда? – пробормотал отец.

– Пойду покурю, – сказал Харри. – Сейчас вернусь.

Харри встал на низкий бордюр, откуда ему была видна парковка, и закурил «Кэмел». По другую сторону шоссе виднелся кампус Блиндерн и здания университета, где учился отец. Считается, что сыновья – в большей или меньшей степени переодетые варианты своих отцов, что ощущение того, что ты вырвался из этой цепочки, – не больше чем иллюзия, что ты все

равно возвращаешься, что притяжение крови не просто сильнее, чем воля; оно и есть воля. Харри всегда казалось, что сам он доказывает нечто прямо противоположное. Так почему же при виде отца, его костлявого, обнаженного лица на подушке Харри казалось, что он смотрится в зеркало? А его голос казался собственным голосом? Слышать его мысли, слова... словно сверло зубного врача, с непоколебимой уверенностью попадающее точно в нерв Харри. Потому что Харри ведь его копия. Черт! Взгляд Харри нашел белую «короллу» на парковке.

Вечно этот белый цвет, самый безликий. Цвет «короллы» перед «Шрёдером», лицо человека за рулем, то же лицо, что меньше суток тому назад пялилось на него своими раскосыми узкими глазами.

Харри выкинул сигарету и ринулся внутрь больничного здания. Оказавшись в коридоре, ведущем к палате отца, он замедлил шаг. Повернул туда, где коридор расширялся, превращаясь в холл для посетителей, и сделал вид, что что-то ищет в стопке журналов на столе, а сам боковым зрением сканировал всех, кто сидел в холле.

Тот человек укрылся за номером «Либерала».

Харри взял номер «Се о хёр»^[20] с фотографией Лене Галтунг и ее жениха и вышел.

Улав Холе лежал с закрытыми глазами. Харри приложил ухо к его губам. Дыхание было едва слышным, но чувствовалось щекой.

Харри сидел на стуле возле кровати и смотрел на отца, а в голове у него крутились отрывочные воспоминания детства – в случайной последовательности и никак между собой не связанные, не считая того, что они все сохранились в памяти.

Потом он поставил стул у двери, чуть приоткрыл ее и стал ждать.

Только спустя полчаса он увидел, как тот человек вышел из холла и пошел по коридору. Плотный, маленького роста и с невероятно кривыми ногами – казалось, он идет зажав между коленками надувной матрас. Прежде чем зайти в дверь с понятным всем в мире обозначением мужского туалета, он подтянул ремень. Как будто на нем висело что-то тяжелое.

Харри встал и последовал за ним.

Остановился перед туалетом и вздохнул. Давно это было. Потом толкнул дверь и скользнул внутрь.

Туалет был, как и сама Государственная больница, чистый, нарядный, новый и грандиозных размеров. Вдоль одной стены шли в ряд шесть закрывающихся кабинок, все свободные. На торцевой стене – четыре раковины, а напротив кабинок – четыре фарфоровых писсуара на уровне бедер. Мужчина стоял у одного из них, спиной к Харри. Над его головой по стене проходила водопроводная труба, на вид крепкая. Достаточно крепкая. Харри вытащил пистолет и наручники. Международный этикет запрещает смотреть друг на друга в мужском туалете. За такой взгляд, даже случайный, могут убить. Поэтому незнакомец не обернулся, чтобы взглянуть на Харри. Даже когда Харри с огромной осторожностью защелкнул замок входной двери, даже когда он тихо приблизился, даже когда приставил пистолет к жирной складке там, где загривок переходит в шею, и прошептал то, что, по словам одного из коллег, полицейский должен иметь право произнести хотя бы раз за свою карьеру:

– Freeze^[21].

Именно это незнакомец и сделал. Харри увидел, как чисто выбритая складка покрылась гусиной кожей.

– Hands up^[22].

Мужчина поднял над головой короткие, мощные руки. Харри склонился к нему. И тут же понял, что свалил дурака. Реакция у незнакомца оказалась молниеносная. На тренировках, отрабатывая приемы рукопашного боя, Харри усвоил, что умение принимать удар не менее важно, чем умение его наносить. Задача заключается в том, чтобы расслабить мышцы, успев понять, что удара не избежать и надо его смягчить. И когда незнакомец вывернулся, гибкий как танцовщица, с поднятым вверх коленом, Харри в точности повторил его движение. Ему почти удалось переместить тело в том же направлении, в котором последовал удар. Но все равно мужчина сумел пнуть его в бедро. Харри потерял равновесие, упал и перекатился на спину по гладкому кафельному полу – туда, где он был вне зоны досягаемости. Там и остался, вздохнул и посмотрел в потолок, извлекая из кармана пачку сигарет. Потом сунул в рот сигарету.

– Speedcuffing^[23], – произнес он. – Я этому научился на курсах ФБР в Чикаго. Кабрини-Грин, та еще ночлежка. Если ты белый, то по вечерам тебе просто нечем заняться – иначе нападут и ограбят, не успеешь выйти из дома. Так что я сидел дома и отрабатывал две вещи. Разряжать и заряжать служебный пистолет в темноте на скорость. И защелкивать наручники на ножке стола.

Харри приподнялся на локтях.

Незнакомец по-прежнему стоял, подняв руки над головой. Потому что они были надежно прикованы наручниками к водопроводной трубе. Он смотрел на Харри безо всякого выражения на лице.

– Mister Kluit sent you?^[24] – поинтересовался Харри.

Немигающий взгляд в ответ.

– The Triade. I've paid my debts, haven't you heard?^[25] – Харри внимательно посмотрел на ничего не выражающее лицо мужчины. Мимика – точнее, ее отсутствие – возможно, и напоминала азиатскую, но у китайцев ни овал лица не такой, ни цвет кожи. Монгол, что ли?

– So what do you want from me?^[26]

Ответа не последовало. Это скверно, потому что, вероятнее всего, означает: мужчина явился не для того, чтобы что-то требовать. А для того, чтобы что-то сделать.

Харри встал и обошел его полукругом, чтобы подобраться сбоку. Приставив револьвер к виску незнакомца, он засунул левую руку в карман его пиджака. Прежде чем наткнуться на бумажник и вытащить его, пальцы ощутили холод револьверной стали.

Харри отступил на три шага.

– Let's see... mister Jussi Kolkka. – Харри поднес кредитку «Америкэн экспресс» к свету. – Finnish?^[27] Финн? Тогда, может, ты норвежский понимаешь?

И снова не получил ответа.

– Ты бывший полицейский, да? Когда я видел тебя в зале прилета в Гардермуене, я подумал, ты из наркоотдела. Откуда ты узнал, что я прилетел именно этим рейсом, Юсси? Ничего, что я с тобой так запросто – Юсси? По-моему, это более естественно – обращаться на «ты» и по имени к парню, который стоит перед тобой, вывесив член наружу.

В ответ послышалось харканье, и вылетевший плевок, вращаясь в воздухе, угодил Харри в грудь.

Харри скосил глаза вниз на свою майку. Черный от жевательного табака плевок перечеркнул на ней букву О, так что на майке теперь было написано «Snow Patrol».

– Норвежский, значит, понимаешь, – констатировал Харри. – Ну и на кого ты работаешь, Юсси? И чего тебе надо?

На лице Юсси не дрогнул ни один мускул. Кто-то в коридоре взялся за ручку двери, попытался открыть, выругался и ушел.

Харри вздохнул. Потом поднял пистолет – теперь тот был на одном уровне со лбом финна – и начал взводить курок.

– Ты, наверное, думаешь, что я обычный вменяемый человек, Юсси? Ну, послушай, насколько я вменяемый. Мой беспомощный отец валяется тут на больничной койке, ты об этом узнал, и у меня появилась проблема. И ее можно решить только одним способом. К счастью, ты вооружен, значит, я могу сообщить полиции, что это была просто самооборона.

Харри отвел курок еще дальше. И почувствовал, как к горлу подступает знакомая тошнота.

– КРИПОС.

Харри зафиксировал курок:

– Repeat?^[28]

– Я из КРИПОС. – Юсси выдавил из себя фразу по-шведски с тем финским акцентом, который так любят воспроизводить рассказчики анекдотов на норвежских свадьбах.

Харри вытащил из бумажника удостоверение и недоуменно уставился на него. В самом деле, мужчина, стоящий перед Харри, состоял в штате норвежской криминальной полиции – КРИПОС, центральной службе со штабом в Осло, которая курировала, а как правило, и осуществляла расследование убийств по всей стране.

– Какого черта от меня нужно КРИПОС, интересно знать?

– Бельмана спроси.

– А кто такой Бельман?

Финн издал какой-то короткий звук, не то кашель, не то смех:

– Комиссар Бельман, чтоб ты знал, бедняжка. Мой шеф. А сейчасними с меня наручники, cute boy^[29].

– Черт, – выругался Харри и вновь взглянул на удостоверение. – Черт, черт. – Он бросил бумажник на пол и поддал его ногой к двери.

– Эй, алло, послушай!..

Крик финна затих за спиной. Харри захлопнул дверь и пошел по коридору к выходу. Встреченный им медбрат, тот самый, что заходил к отцу, улыбнулся и кивнул, поравнявшись с Харри. Тот бросил ему ключик от наручников.

– Там у вас в сортире какой-то эксгибиционист, Олтман.

Медбрат машинально поймал ключ обеими руками. Идя к выходу, Харри почувствовал на себе его недоумевающий взгляд.

Глава 9

Пропать

Было без четверти одиннадцать вечера. Девять градусов тепла, и Марит Ульсен вспомнила, что, если верить прогнозу погоды, завтра будет еще теплее. Во Фрогнер-парке не видно ни души. Что-то в открытом бассейне перед ней заставило ее подумать о судах на приколе, о покинутых жителями рыбацких поселках, где ветер свистит в стенах домов, и о закрытых на зиму парках аттракционов. Отрывочные воспоминания из детства. Точно утонувшие рыбаки, появлявшиеся на Трондхолме, они по ночам выходили из моря с водорослями на голове и мелкими рыбешками во рту и ноздрях. Призраки, которые не дышали, но иногда издавали хриплые, холодные чайчи крики. Мертвецы с размокшими, раздувшимися конечностями, они застревали в ветках прибрежных кустов, но все равно с треском ломились вперед, по направлению к одинокому дому на Трондхолме. На острове, где жили бабушка и дедушка. Где она сама лежала в детской и дрожала от страха. Марит Ульсен дышала. Все еще дышала.

Внизу было безветренно, зато здесь, наверху, на десятиметровой вышке для прыжков в воду, порывы ветра ощущались очень сильно. Марит чувствовала, как стучит у нее в висках, в горле, в промежности, в каждой клеточке ее тела пульсировала кровь, свежая и живительная. Как прекрасно жить. Поднявшись по всем ступенькам лестницы на вышку, она даже почти не запыхалась, она только чувствовала, как колотится сердце, эта верная мышца. Марит посмотрела вниз, в пустой бассейн. Лунный свет придавал ему почти неестественный голубоватый оттенок. На часах в другом конце бассейна стрелки остановились на десяти минутах шестого. Время остановилось. Она могла слышать город, видеть огоньки машин на Киркевейен. Так близко и тем не менее так далеко. Слишком далеко, чтобы кто-то мог ее услышать.

Она дышала. Но все равно что умерла. Вокруг ее шеи была намотана веревка, толстая как канат, Марит могла слышать крики чаек, привидений, к которым ей вскоре суждено присоединиться. Но о смерти она не думала. Она думала о жизни, о том, с каким удовольствием теперь стала бы жить. Думала обо всех больших и маленьких делах, которые бы она сделала. Она бы отправилась в страны, которых никогда не видела, смотрела бы, как взрослеют ее племянники, увидела бы, что мир наконец одумался.

Сначала был нож, лезвие, блестящее в свете уличных фонарей, приставленное к ее горлу. Говорят, страх придает силы. У нее он все силы украл. Мысль о стали, которая будет кромсать ее тело, превратила Марит в дрожащую безвольную тряпку. И когда он приказал ей перелезть через забор, она не смогла – упала и осталась лежать, как мешок, лежала, а по щекам ее текли слезы. Потому что она знала, что произойдет дальше. И что она не сможет этому помешать, что будет делать все – только чтобы ее не резали этим ножом. Потому что ей так хочется пожить хоть немного еще. Еще несколько лет, еще несколько минут – та же арифметика, та же слепая, безумная логика, которая движет всеми людьми.

Марит заговорила, она хотела объяснить, что не может перелезть через забор, она забыла, что ей было приказано молчать. Нож ужалил ее, как змея, заполз ей в рот, повернулся так, что хрустнули зубы, а потом его вытащили. Кровь хлынула сразу. Человек что-то прошептал из-под маски, а потом пинками погнал ее вдоль забора. К месту за кустами, где в заборе была дырка, в которую он ее и протолкнул.

Марит Ульсен проглотила кровь, которая по-прежнему наполняла ее рот, и посмотрела на трибуны внизу. Они тоже словно купались в синем свете луны. Такие пустые, это – закрытый судебный процесс, без публики и присяжных, только судья. Казнь без зевак, только палач. Последнее выступление перед публикой, которое никто не удостоил своим присутствием. Марит Ульсен подумала, что в смерти ей, как и в жизни, не хватает популярности. А сейчас она и говорить не могла.

– Прыгай.

Она видела, как красив парк, даже сейчас, зимой. Ей хотелось, чтобы часы в дальнем конце плавательного бассейна шли и она могла бы видеть секунды жизни, которые ей удалось сейчас украсть.

– Прыгай, – повторил голос. Должно быть, он снял с себя маску, потому что голос изменился, она узнала его. Она обернулась и потрясенно уставилась на него. И почувствовала удар ногой в спину. Она закричала. Она больше не чувствовала опору под ногами, на какое-то мгновение став невесомой. Но земля тянула к себе, тело ускорило падение, и Марит успела заметить, как стремительно приближаются бело-синие фарфоровые плитки бассейна, еще мгновение, и она разmozжит о них голову.

На высоте трех метров над дном бассейна веревка, обмотанная вокруг шеи Марит Ульсен, натянулась. Это была старинная веревка, сплетенная из лыка липы и вяза, такие не растягиваются. Большое тело Марит Ульсен нимало не замедлило падения и, оторвавшись от головы, глухо ударилось о дно бассейна для прыжков в воду. А голова и шея остались висеть на веревке. Крови было немного. Потом голова выскользнула из петли, упала на синий спортивный костюм Марит Ульсен и стуча покатила по плиткам.

А потом в бассейне снова стало тихо.

Часть вторая

Глава 10

Самоедство

Было три часа ночи, когда Харри отказался от идеи заснуть и встал.

Он включил кран в кухне и, подставив под струю стакан, держал его там, пока вода не стала переливаться через край, холодя запястье. Скула болела. Он не отрываясь смотрел на две фотографии, прикрепленные над разделочным столом.

На одной фотографии с неряшливыми полосками от сгиба была Ракель в голубом летнем платье. Но, судя по осенним цветам листвы, снимок был сделан не летом. Ее черные волосы ниспадали на открытые плечи. Взгляд словно искал кого-то по ту сторону объектива – возможно, фотографа. Может, это он сам ее фотографировал? Странно, что он не помнит.

На другом снимке был Олег. Харри снимал его на мобильный телефон в Валле Ховине^[30] во время тренировки конькобежцев прошлой зимой. Олег был тогда еще совсем тощий мальчишка, но если бы он продолжил тренироваться, то красная трикотажная форма вскоре сидела бы на нем как влитая. Что-то он сейчас поделявает? Где он вообще? Смогла ли Ракель создать для него дом там, где они сейчас, дом, в котором они могут чувствовать себя в большей безопасности, чем здесь, в Осло? Появились ли в их жизни какие-то новые люди? Называет ли Олег его хоть иногда по-прежнему папой, забывшись или устав?

Харри закрыл кран. Коленка уперлась в дверцу мойки. С той стороны дверцы шепотом звал «Джим Бим».

Харри натянул брюки и майку, вошел в гостиную и включил «Kind of Blue» Майлза Дэвиса. Это был оригинал записи, еще до обработки – записывающее оборудование в студии работало с легким отставанием, что придавало звучанию оттенок нереальности.

Харри немного послушал, потом прибавил звук, чтобы заглушить этот шепот с кухни. Закрыв глаза.

КРИПОС. Бельман.

Он никогда не слышал это имя. Конечно, он мог бы позвонить Хагену и справиться, но был не в силах. Поскольку догадывался, что услышит. Пусть все остается как есть.

Харри дослушал до последней песни, «Flamenco Sketches», и сдался. Поднялся и пошел из гостиной в коридор. В коридоре повернул налево, сунул ноги в «мартенсы» и вышел на улицу.

Он нашел ее под дырявым мусорным пакетом. Всю обложку папки покрывало нечто, похожее на застывший гороховый суп.

Харри уселся в удобное зеленое кресло с подголовником и, дрожа от холода, принялся за чтение.

Первую женщину звали Боргни Стем-Мюре, тридцати трех лет, родом из Левангера. Одинокая, бездетная, проживала в районе Сагене в Осло. Работала стилистом, имела большой круг общения, особенно среди парикмахеров, фотографов и журналистов из модной прессы. Часто ходила по ресторанам, и не только самым «правильным». Помимо этого, любила природу и загородные прогулки – как пешком, так и на лыжах.

«Она все равно отчасти оставалась девушкой из Левангера», – было написано в рапорте после допросов ее коллег. Харри подумал, что наверняка это мнение тех коллег, которым, на их взгляд, удалось истребить в себе все, что выдавало их собственное провинциальное

происхождение.

«Мы все ее любили, она была одной из немногих настоящих профи в этом бизнесе».

«Это просто непостижимо, мы не понимаем, кому могло прийти в голову ее убить».

«Она была слишком послушной. И рано или поздно все мужчины, которые ей нравились, этим пользовались. Она становилась для них игрушкой. Проще говоря, она высоко метила».

Харри взглянул на снимок. Единственный, на котором она еще живая. Блондинка, может быть крашенная. Стандартная красотка, но не красавица, Обычная, хорошенькая, одета в экстравагантную камуфляжную куртку и кепку. Экстравагантность и покорность – как это вяжется одно с другим?

Она находилась в музыкальном кафе «Моно», где была небольшая вечеринка по случаю презентации и «первого чтения» очередного выпуска модного журнала «Шенесс». Дело было между семью и восемью часами, и Боргни сказала коллеге/подруге, что собирается домой, надо подготовиться к завтрашней фотосессии, участники которой, по задумке фотографа, должны быть одеты в духе «торчок встречает панка, как это было в восьмидесятых».

Предполагалось, что она дойдет до ближайшей стоянки такси, но никто из таксистов, находившихся в тот момент поблизости (компьютерная распечатка из «Норгестакси» и «Осло-такси» прилагается) и видевших ее фотографию, не видел Боргни Стем-Мюре и не вез пассажиров в Сагене. Короче говоря, после того как она ушла из «Моно», ее не видел никто. До того самого момента, когда двое каменщиков-поляков не пришли на работу, не увидели, что замок на железной двери, ведущей в подвал, срезан, и не вошли внутрь. Боргни лежала на полу посреди помещения в неестественной позе и полностью одетая.

Харри посмотрел на фотографию. Та же камуфляжная куртка. Лицо выглядело так, словно на него нанесли слой белого грима. Вспышка фотоаппарата резко высвечивала стены подвала. Экстравагантная фотосессия.

Судебный медик без колебаний констатировал, что смерть Боргни Стем-Мюре наступила между 22.00 и 23.00. В крови были обнаружены следы вещества под названием кетаномин, сильного анестетика, который действует быстро, даже если вводится внутримышечно. Но непосредственно смерть наступила оттого, что умершая захлебнулась кровью, вытекшей из ран во рту. Именно здесь и начиналось самое удивительное. Во рту судебный медик обнаружил двадцать четыре колотые раны, расположенные симметрично и – если не считать сквозных на лице – имеющие равную глубину – семь сантиметров. Никаких предположений о том, каким оружием или инструментом раны могли быть нанесены, у дознавателей нет. Они просто-напросто никогда не видели ничего подобного. Технических улик ровным счетом никаких: ни отпечатков пальцев, ни ДНК, даже следов ботинок или сапог, поскольку бетонный пол днем раньше тщательно отмыли, там собирались класть пол с системой подогрева. В рапорте Кима Эрика Локкера, эксперта-криминалиста, который, очевидно, поступил на работу уже после ухода Харри, была фотография двух черно-серых мелких камушков, найденных на полу и не похожих на гравий вокруг места преступления. Локкер обращает внимание на то, что мелкие камушки нередко намертво застревают в толстой подошве обуви при ходьбе по твердой поверхности, такой как этот бетонный пол. Еще он отмечает, что эти камушки довольно необычные и что если по ходу расследования где-то появятся такие же, например на какой-нибудь гравийной дорожке, то, возможно, они окажутся оттуда. К рапорту приложено дополнение, уже после подписи и даты: на внутренней стороне одного из двух коренных зубов обнаружены незначительные следы

железа и колтана.

Харри уже знал, что будет дальше. Он продолжил чтение.

Другую девушку звали Шарлотта Лолле. Отец француз, мать норвежка. Место жительства – Ламберсете́р в Осло. Двадцать девять лет. По образованию юрист. Жила одна, имела бойфренда, но он – некто Эрик Фоккеста́д – вне подозрений, он находился на геологическом семинаре в Йеллоустоунском национальном парке в Вайоминге, США. Шарлотта должна была отправиться вместе с ним, но она тогда разбирала серьезный имущественный спор по поводу недвижимости и предпочла остаться.

В последний раз коллеги видели ее на работе во вторник вечером, часов в девять. Вероятно, до дома она так и не добралась, кейс с документами по делу был обнаружен рядом с трупом за брошенным автомобилем на опушке леса в Маридалене. Ни одна из сторон имущественного спора, кстати, тоже не попадает под подозрение. Согласно рапорту о вскрытии, под ногтями Шарлотты Лолле были обнаружены частицы автомобильного лака и ржавчины, это соответствует описанию места преступления, где говорится о царапинах вокруг замка на крышке багажника, словно бы девушка пыталась ее поднять. Более тщательный осмотр замка, однако, показал, что его открывали по меньшей мере один раз. Но вряд ли это сделала Шарлотта Лолле. Харри отметил для себя, что она наверняка была прикована к чему-то лежащему в багажнике, что именно поэтому она пыталась его открыть. К чему-то, что убийца потом унес с собой. Но что? Как? И почему?

Цитата в протоколе допроса, говорит сотрудница той же адвокатской конторы: «Шарлотта была девушка амбициозная, она всегда работала допоздна. Хотя не знаю, насколько эффективно. Всегда приветливая, но вовсе не такая общительная, как могло показаться из-за ее улыбчивости и южной внешности. Так сказать, вещь в себе. Например, она очень редко что-то рассказывала о своем парне. Но начальству она нравилась».

Харри так и видел перед собой эту сцену: коллега посвящает Шарлотту в одну интимную подробность своей личной жизни за другой, не получая в ответ ничего, кроме улыбки. В его мозгу следователя словно включился автопилот: а вдруг Шарлотта скрывала, что состоит в каком-то тайном женском монашеском ордене, может, ей было что скрывать. Может...

Харри посмотрел на фотографию. Черты лица чуть резковатые, но красивые. Темные глаза, как у... черт! Он прикрыл глаза. Снова открыл. Пролистал дальше, до рапорта судмедэксперта. Взгляд его скользнул вниз по странице.

Ему пришлось вновь вернуться к самому верху страницы, чтобы убедиться, что там стоит имя Шарлотты, что он не читает рапорт о Боргни еще раз. Обезболивающее средство. Двадцать четыре раны во рту. Захлебнулась. Других следов насильственной смерти нет, сексуальному насилию также не подверглась. Единственное различие состояло во времени смерти, между двадцатью тремя часами и полуночью. Но и в этом рапорте есть дополнение о том, что на одном из зубов жертвы обнаружены следы железа и колтана. Вероятно, потому что криминалистический отдел, поразмыслив, решил, что, пожалуй, это важно, поскольку отмечено в обоих случаях. Колтан. Разве не из него был сделан Терминатор Шварценеггера?

Харри отметил, что ему совершенно не хочется спать, что он сидит на краю стула. Его била дрожь, он ощущал невероятное волнение. И тошноту. Такое бывает, когда выпиваешь первую рюмку, ту, от которой сжимается желудок, потому что организм ее отчаянно отвергает. А потом просит еще и еще. Все больше и больше. Пока ты сам не пропадешь и все вокруг тебя не пропадет. Так и тут. Харри вскочил так резко, что у него потемнело в глазах,

схватил папку, он понимал, что она слишком толстая, но все равно ему удалось разорвать ее пополам.

Он собрал остатки бумаги и снова понес их к мусорному контейнеру. Бросил в контейнер, приподняв пластиковые мешки с мусором, чтобы материалы дела беспрепятственно провалились на самое дно. А завтра приедет мусорная машина, ну или послезавтра.

Харри вернулся в дом и вновь уселся на стул.

Когда ночь за окном стала серой, он услышал первые звуки просыпающегося города. Но за ровным гулом утренней автомобильной пробки на Пилестредет он расслышал далекий и тонкий звук сирены полицейского автомобиля. Это могло означать все что угодно. И еще кое-что. Не все что угодно.

Зазвонил телефон.

Харри поднял трубку.

– Это Хаген. Нам только что сообщ...

Харри положил трубку.

Телефон зазвонил снова. Харри выглянул в окно. Сестрёнышу он еще не звонил. А почему? Потому что не хотел показываться младшей сестре – своей самой рьяной и самой безоглядой почитательнице? Той, у которой был, как она сама говорила, «намек на синдром Дауна» и которая тем не менее справлялась с житейскими невзгодами гораздо лучше, чем он сам. Она была единственным человеком, разочаровать которого он не мог себе позволить.

Телефон замолчал. И снова зазвонил.

Харри схватил трубку:

– Нет, шеф. Мой ответ – нет. Я не буду этим заниматься.

На другом конце провода на секунду стало тихо. А потом незнакомый голос произнес:

– Это из Энергетической компании Осло. Господин Холе?

Харри выругался про себя.

– Слушаю вас.

– Вы не оплатили счета, которые мы вам направляли, вы также никак не отреагировали на наше предупреждение. Я звоню сообщить вам, что сегодня с двенадцати часов мы отключаем электричество в вашей квартире по адресу Софиес-гате, пять.

Харри молчал.

– Электричество будет включено вновь, как только на наш счет будет переведена соответствующая сумма.

– И она составляет?..

– Учитывая проценты, пени и плату за отключение, она составляет четырнадцать тысяч четыреста шестьдесят три кроны.

Пауза.

– Вы слушаете?

– Да, я слышу. У меня сейчас нет таких денег.

– Недостаточная сумма будет взыскана по суду. Надеемся, температура на улице не опустится ниже нуля. Или как?

– Или как, – подтвердил Харри и положил трубку.

Звук сирены на улице стал громче, а потом пропал.

Харри снова лег. Четверть часа он лежал с закрытыми глазами, потом сдался, снова натянул на себя одежду и покинул квартиру, чтобы сесть на трамвай, идущий к

Государственной больнице.

Когда я проснулся сегодня утром, я знал, что снова побывал там. Во сне все всегда бывает так: мы лежим на земле, кровь течет, а когда я поворачиваю голову, то вижу, что там стоит она и смотрит на нас. Она смотрит на меня с печалью во взоре, как будто она только сейчас поняла, кто я, разоблачила меня, увидела, что я не тот, кто ей нужен.

С аппетитом позавтракал. Под телетекст. «Тело женичины – депутата стортинга обнаружено во Фрогнер-парке в бассейне для прыжков в воду». Газетные сайты в интернете переполнены информацией. Распечатать, вырезать, вырезать.

Скоро на главных страницах сайтов газет появится имя. До сих пор так называемое полицейское следствие было таким посмешищем, такой любительщиной, что скорее раздражало, чем захватывало. Но сейчас-то они подключат все свои ресурсы и перестанут играть в сыщиков, как в случаях с Боргни и Шарлоттой. Все же Марит Ульсен была депутатом стортинга. Пора им братья за ум. Потому что я наметил себе новую жертву.

Глава 12

Место преступления

Харри стоял перед зданием больницы и курил. Небо над его головой было бледно-голубым, но город, лежащий под ним в котловине между низкими зелеными холмами, накрыл туман. Харри вспомнилось детство в Оппсале, пригороде Осло, когда они с Эйстейном прогуливали первый урок в школе и отправлялись к немецким бункерам в Нурдстранне. Оттуда они видели смог цвета горохового супа, застилавший центр столицы. Но с годами утренний смог постепенно покинул Осло, поскольку из города исчезла промышленность, а дровами топить перестали.

Харри раздавил окурок каблуком.

Улав Холе выглядел лучше. А может, просто другое освещение. Он спросил, почему Харри улыбается. И что стряслось с его скулой.

Харри сказал что-то насчет собственной неуклюжести, а про себя подумал: в каком же возрасте происходит эта перемена, когда дети начинают защищать родителей от действительности? С ним это, пожалуй, случилось лет в десять.

– У меня была твоя младшая сестра, – сказал отец.

– Как у нее дела?

– Хорошо. Когда она узнала, что ты вернулся, то сказала, что теперь ей надо о тебе заботиться. Потому что она теперь большая. А ты маленький.

– М-м-м... Какая умная барышня. А как ты сегодня?

– Хорошо. Очень хорошо, правда. Думаю, что мне самое время отсюда выбираться.

Он улыбнулся, и Харри улыбнулся ему в ответ.

– А что говорят врачи?

Улав Холе по-прежнему улыбался:

– Чересчур много они говорят. Давай лучше о чем-нибудь другом.

– Ладно. О чем ты хочешь поговорить?

Улав Холе подумал.

– Я хочу поговорить о ней.

Харри кивнул. Он сидел молча и слушал, как встретились его отец и мать. Как они поженились. О том, как мать заболела, когда Харри был еще мальчишкой.

– Ингрид мне всегда помогала. Всегда. Но я так редко бывал ей нужен. До тех пор, пока она не заболела. Иногда мне приходило в голову, что ее болезнь была на самом деле чуть ли не благом.

Харри вздрогнул.

– В смысле, возможностью хоть как-то, чем-то отплатить, понимаешь? И я старался. Я делал все, о чем она просила. – Улав Холе пристально уставился на сына. – Все, Харри. Почти.

Харри кивнул.

Отец продолжал говорить. О Сестрёныше и Харри, какой хорошей и милой была Сестрёныш. И какая у Харри была невероятная сила воли. Что он боялся темноты, но никому не хотел об этом говорить, и когда они с матерью иногда подходили к его двери, то слышали, как он то плачет, то ругает невидимых чудовищ. Но войти в комнату и успокоить, утешить его родители не могли. Иначе он пришел бы в ярость и стал кричать, чтобы они убирались.

– Ты всегда считал, Харри, что сражаться с чудовищами надо только самому.

Улав Холе вновь пересказал старую историю про то, что Харри не говорил ни слова, пока ему не исполнилось почти пять лет. Но когда в один прекрасный день он заговорил, то фразы словно сами полились из него. Длинные, серьезные, со взрослыми словами. Родители недоумевали: откуда он их знает?

– Но Сестрёныш права, – улыбнулся отец. – Ты снова стал маленьким. И почти перестал говорить.

– М-м-м... Ты хочешь, чтобы я говорил?

Отец покачал головой:

– Ты уж лучше слушай. Но на сегодня довольно. Приходи как-нибудь еще.

Харри пожал левую руку отца своей правой и встал.

– Ничего, если я поживу в Оппсале пару дней?

– Спасибо, что сам предложил. Я не хотел тебя обременять, но ведь дому нужен присмотр.

Харри решил не уточнять, что в его собственной квартире собираются отключить электричество.

Отец позвонил, вошла молодая медсестра, обратилась к отцу по имени, невинно кокетничая с ним. А Харри отметил, что отец понизил голос, когда стал объяснять, что Харри нужно взять ключи от дома из чемодана, обратил внимание на то, как лежащий больной старик пытается распушить перед ней перья. И почему-то эти попытки не выглядели жалкими, казалось, так и должно быть.

Вместо прощания отец повторил:

– Все, о чем она меня просила. – И прошептал: – Кроме одного.

Пока медсестра вела Харри к комнате, где хранились вещи пациентов, она сообщила, что с ним хочет поговорить врач. Харри нашел ключи в чемодане, а потом постучал в дверь, которую показала ему медсестра.

Врач кивком указал ему на стул, сам откинулся на спинку кресла и сложил ладони домиком.

– Хорошо, что вы вернулись домой. Мы пытались вас найти.

– Знаю.

– Рак распространился дальше.

Харри кивнул. Кто-то когда-то говорил, что в этом и состоит основное занятие раковых клеток: распространяться.

Врач изучающе посмотрел на него, словно размышляя, стоит ли сделать следующий шаг.

– Да, – произнес Харри.

– Да?

– Да, я готов услышать все остальное.

– Сейчас мы уже обычно не говорим, сколько, по нашему мнению, пациенту осталось. Потому что случаются ошибки, и вообще знать такие вещи – слишком тяжелый груз. Но я считаю, в данном случае будет корректным сказать, что он живет уже дольше, чем ему отпущено.

Харри кивнул. Посмотрел в окно. Туман там, внизу, был все таким же плотным.

– У вас есть мобильный, чтобы мы в случае чего могли вас найти?

Харри покачал головой. Внизу, из тумана, слышался звук сирены. Или ему показалось?

– Может, вы тогда скажете, кто мог бы вам сообщить?

Харри вновь покачал головой:

– Не беспокойтесь. Я буду сюда звонить и навещать его каждый день. Ладно?

Врач кивнул и посмотрел вслед Харри, когда тот вскочил и понесся к выходу.

Когда Харри добрался до Фрогнербадет, было уже девять. Территория самого Фрогнер-парка – полтысячи квадратных километров, но бассейн занимает только небольшую часть этой территории и к тому же обнесен забором, поэтому для полиции не составило труда оградить место происшествия. Они просто-напросто протянули ленту с внешней стороны забора и посадили полицейского у ворот, где продавались билеты в бассейн. Вся стая стервятников, криминальных обозревателей, уже слетелась, и сейчас они клекотали у входа, жаждая только одного: взглянуть на тело. Как-никак депутат стортинга, значит, общественность имеет право увидеть столь выдающийся труп.

В «Каффепикене» Харри взял чашку «американо». Столики у них стояли на улице весь февраль, и Харри уселся, закурил сигарету и стал разглядывать толпу перед входом в бассейн.

Какой-то мужчина опустил на соседний стул.

– Неужели сам Харри Холе? Где это вы пропадали?

Харри поднял глаза. Рогер Йендем, криминальный репортер из «Афтенпостен», тоже закурил и махнул рукой в сторону Фрогнер-парка:

– Наконец-то Марит Ульсен получила что хотела. К восьми вечера она станет звездой. Повеситься на вышке для прыжков во Фрогнербадет? Good career move^[31]. – Он повернулся к Харри и скорчил рожу: – А что у вас со скулой? Выглядите паршиво.

Харри не ответил. Прихлебывал кофе и ничего не делал, чтобы прервать болезненную паузу, надеясь – совершенно напрасно, – что журналист поймет, что его общество нежелательно. Из тумана над ними слышалось хлопанье – звук вертолетного винта. Рогер Йендем прищурился и посмотрел вверх.

– Наверняка «Вердене ганг»^[32], это совершенно в их духе – нанять вертолет. Надеюсь, туман не рассеется.

– Ну... Значит, лучше, чтобы никто не увидел фотографии, только бы их не сделала «Вердене ганг»?

– Ясное дело! А вам что-то уже известно?

– Да уж явно поменьше, чем вам, – ответил Харри. – Тело нашел один из зрителей на рассвете и сразу же позвонил в полицию. А вы что знаете?

– Голова оторвана полностью. Похоже на то, что мадам сиганула с самого верха вышки с веревкой вокруг шеи. А была не худенькая... Весовая категория до ста пятидесяти кило. На заборе нашли нитки, возможно из ее спортивного костюма. И решили, что именно там она и перелезла. Никаких других следов не нашли, поэтому они думают, что она была одна.

Харри глубоко затянулся. *Голова оторвана полностью.* Ох уж эти журналисты! Они и говорят как пишут – в порядке обратном логическому, или, как они сами выражаются, начиная с ударной новости.

– И что, это случилось ночью? – закинул удочку Харри.

– Или вчера вечером. По словам мужа Марит Ульсен, она без четверти десять ушла из дома на пробежку. Как обычно.

– Поздновато для пробежек.

– Судя по всему, она бегала именно в это время. Хотела быть в парке одна.

– М-м-м...

– Я, кстати, пытался найти зрителя, который ее обнаружил.

– Зачем?

Йендем с удивлением посмотрел на Харри:

– Ясное дело: чтобы получить информацию из первых рук.

– Ясное дело, – повторил Харри и затянулся.

– Но он, похоже, ото всех спрятался, его нет ни здесь, ни дома. Наверняка все еще в шоке, бедняга.

– Ну уж! Ведь он не в первый раз находит труп в бассейне. Думаю, это руководители следствия позаботились, чтобы не дать вам этого зрителя на растерзание.

– Не в первый раз? Что вы имеете в виду?

Харри пожал плечами:

– Меня сюда уже вызывали пару раз. Из-за мальчишек, которые как-то забрались сюда ночью. Один раз было самоубийство, другой – несчастный случай. Четверо приятелей возвращались с вечеринки домой и решили по пьяному делу малость поразвлечься – посмотреть, у кого хватит духа ближе всех подойти к краю вышки. Тому, кто встал на самый край, было девятнадцать. А самый старший из них был его родной брат.

– Вот черт, – произнес Йендем принужденным тоном.

Харри взглянул на часы, как будто куда-то спешил.

– Ничего себе веревка была, наверное, – заметил Йендем. – Раз – и головы нет. Слышали о чем-нибудь подобном?

– Том Кетчум, – ответил Харри, залпом допил остатки кофе и встал.

– Кетчуп?

– Кетчум. Банда «Hole in the Wall»^[33]. Повешен в Нью-Мексико в тысяча девятьсот первом. Самая обычная виселица, только веревка чересчур длинная была.

– Ой. И насколько длинная?

– Чуть больше двух метров.

– Всего-то? Наверное, он был поперек себя шире.

– Отнюдь. Это я к тому, как просто, оказывается, потерять голову, правда?

Йендем что-то прокричал вслед, но Харри не расслышал. Он пересек парковку с северной стороны бассейна, прошел по парку и повернул налево, через мост по направлению к главному входу. Забор везде был два с половиной метра в высоту. *Весовая категория до ста пятидесяти кило*. Может, Марит Ульсен и пыталась перелезть, но вряд ли смогла это сделать самостоятельно.

Перейдя мост, Харри повернул налево и снова подошел к бассейну с другой стороны. Он перешагнул через оранжевую ленту полицейского ограждения и остановился на вершине склона перед зарослями кустарника. За последние годы Харри забыл очень много всего. Но что-то все равно упрямо сидело в голове. Он по-прежнему помнил имена тех четырех мальчишек с вышки для прыжков. И взгляд старшего брата, обращенный в тысячеметровое никуда, когда парень лишенным всякого выражения голосом отвечал на вопросы Харри. И его руку, которая указывала на место, где они пролезли в бассейн.

Осторожно ступая, чтобы не уничтожить возможные следы, Харри отогнул ветки кустарника. Похоже, служба паркового хозяйства Осло поставила перед собой неподъемные планы – если она их вообще перед собой ставит. Как бы то ни было, дырка в сетке забора по-прежнему на месте.

Харри присел на корточки и стал внимательно осматривать острые концы проволоки. Увидел темные нитки. Как будто кто-то не проскользнул, а с силой протиснулся в дырку. Или же его протолкнули. Он поискал другие следы. На самом верху дырки он увидел длинную черную шерстяную нитку. Высота у дырки была приличная – надо выпрямиться в полный рост, чтобы коснуться головой ее верхнего края. Головой. Шерсть – значит, вязаная шапка. Интересно, Марит Ульсен носила шерстяную шапку? По словам Рогера Йендема, Марит Ульсен вышла из дома без четверти десять, чтобы побегать в парке. Как обычно, так он сказал.

Харри попытался вызвать перед собой мысленную картинку. Необычно теплый вечер в парке. Полная, потеющая женщина бежит трусцой. Никакой шерстяной шапки на ней он не увидел. И вообще ни на ком. Потому что было совсем не так холодно. Может быть, этот человек не хотел, чтобы его заметили или узнали? Черная шерстяная шапочка. Возможно, лыжная маска.

Он осторожно вышел из кустарника.

Как они подошли, он не слышал.

В руке у одного из мужчин был пистолет – вероятнее всего, «штейр», австрийский, полуавтоматический. Направленный на Харри. Держал пистолет блондин с открытым ртом и выдающейся нижней челюстью, а когда он вдобавок ко всему издал хрюкающий смешок, Харри тут же вспомнил прозвище Трульса Бернтсена из КРИПОС. Бивис. Как в мультсериале про Бивиса и Баттхеда.

Другой мужчина был маленький, на редкость кривоногий и держал руки в карманах пальто, прикрывающего собой, как уже было известно Харри, огнестрельное оружие и удостоверение КРИПОС на имя, похожее на финское. Но внимание Харри привлек третий мужчина, одетый в серый элегантный плащ. Он стоял немного в стороне, слева от своих спутников, но было что-то в позах и жестах Бивиса и финна, в том, как оба поглядывали то на Харри, то на этого третьего, говорящее, что они – его продолжение, словно *на самом деле* пистолет держит этот мужчина. Больше всего Харри поразила в незнакомце даже не его почти женственная красота. Не то что и верхние, и нижние ресницы были такими длинными, что казалось, он их красит тушью. Не красивые очертания носа, подбородка и щек. Не волосы – густые, темные, с проседью, хорошо подстриженные и гораздо длиннее, чем предписывалось принятыми в ведомстве стандартами. И не множество мелких белых пятен на загорелой коже, будто после кислотного дождя. Харри поразила ненависть. Ненависть в устремленном на него взгляде незнакомца, ненависть такая сильная, что Харри показалось, что он физически ощущает ее, как что-то белое и тяжелое.

Мужчина ковырял в зубах зубочисткой. Голос его оказался выше и мягче, чем Харри мог ожидать.

– Вы проникли на территорию, которая перекрыта в интересах следствия, Холе.

– Бесспорный факт, – сказал Харри и оглянулся.

– Зачем?

Харри уставился на собеседника, перебирая в голове один вариант ответа за другим и отбрасывая неподходящие, пока не понял, что ответа у него просто нет.

– Вижу, вы меня знаете, – сказал Харри. – А с кем я имею удовольствие разговаривать?

– Сомневаюсь, чтобы это кому-то из нас доставило особое удовольствие, Холе. Так что я предлагаю вам немедленно покинуть это место и никогда больше не показываться поблизости от мест преступлений, где работает КРИПОС. Понятно?

– Ладно. Понятно, хотя и не совсем. А что, если я мог бы оказать некоторую помощь полиции в случае с Марит Ульсен, подсказать...

– Единственное, чем вы осчастливили полицию, – эта ваша плохая репутация, – перебил его мягкий голос. – По моим данным, вы – пьяница, злостный правонарушитель и просто вредное насекомое, Холе. Так что я бы вам советовал уползти немедленно под тот же камень, откуда вы выползли, – пока вас не раздавили каблуком.

Харри взглянул на мужчину и почувствовал, что и ум, и нутро подсказывают ему одно и то же: оставь, уходи. Крыть тебе нечем. Будь хитрее.

Быть бы и вправду хитрее – вот уж точно не повредило бы! Харри вытащил пачку сигарет.

– Это ты меня собрался раздавить, Бельман? Потому что ты ведь Бельман. Не так ли? Тот самый гений, который подослал ко мне эту мартышку из сауны? – Харри кивнул на финна. – Судя по той попытке, ты не в состоянии раздавить каблуком и... и... – Харри лихорадочно искал сравнение, но оно никак не находилось. Чертова смена часовых поясов.

Бельман опередил его:

– Убирайся, Холе. – И указал большим пальцем назад, поверх плеча: – Давай-давай. И побыстрее.

– Я... – начал Харри.

– Ладно, – произнес Бельман и широко улыбнулся: – Ты арестован, Холе.

– Что?

– Тебя трижды предупредили, чтобы ты убрался с места происшествия, но ты не подчинился приказу. Руки за спину.

– Послушай! – рявкнул Харри, все больше ощущавший себя подопытной крысой в лабораторном лабиринте, чьи действия бесконечно предсказуемы. – Я хочу только...

Бернтсен, он же Бивис, дернул его за локоть так, что сигарета упала на влажную землю. Харри нагнулся, чтобы поднять ее, но от удара Юсси ногой в спину рухнул ничком. Ударился лбом и ощутил вкус земли и желчи. И услышал мягкий голос Бельмана прямо над ухом:

– Ты оказываешь сопротивление при аресте, Холе. Я просил тебя завести руки за спину, разве не так? Просил тебя положить их сюда...

Бельман легко коснулся рукой зада Харри. Тот тяжело сопел, не шевелясь. Потому что прекрасно понимал, чего добивается Бельман. Сопротивление полиции. Два свидетеля. Статья 127-я. До пяти лет. Игра окончена. И хотя Харри это было совершенно ясно, он знал, что Бельман скоро добьется своего. Поэтому он сосредоточился на другом, абстрагировался от хрюкающего смеха Бивиса и одеколонного запаха Бельмана. Он думал о ней. О Ракель. Он завел руки за спину, поверх руки Бельмана, и повернул голову. Ветер наконец разогнал туман, и там, на фоне серого неба, белела изящная вышка для прыжков в воду. С переднего края ее платформы что-то свешивалось и качалось на ветру, возможно, это была веревка.

Мягко щелкнули наручники.

Бельман стоял на парковке у улицы Миддельтунс-гате и смотрел, как они отъезжают. Ветер трепал полы его плаща.

Дежурный в КПЗ читал газету и не сразу обратил внимание на то, что перед ним стоят трое.

– Привет, Туре, – произнес Харри. – Есть номер для некурящих с приличным видом?

– Привет, Харри. Давненько не виделись. – Дежурный выудил ключ из шкафа у себя за

спиной и протянул его Харри. – Сьют для молодоженов.

Харри видел, в какое замешательство пришел Туре, когда Бивис наклонился, выхватил ключ и рявкнул:

– Дед, он арестован.

Харри виновато смотрел на Туре, ощущая, как руки Юсси обшаривают карманы и извлекают оттуда ключи и бумажник.

– Будет здорово, если ты позвонишь Гуннару Хагену, Туре. Он...

Юсси дернул наручники так сильно, что металл врезался в кожу, и Харри заковылял задом наперед по направлению к предварилровке.

Они заперли его в маленькой камере два на полтора метра, потом Юсси пошел к Туре подписать бумаги, а Бивис остался стоять снаружи и смотрел на Харри в глазок. Харри видел, что он хочет что-то сказать, и ждал. И тот наконец выдал – голосом, дрожащим от плохо скрытой ярости:

– Ну, как ощущения? Такой был крутой, двух серийных убийц вычислил, и по телику тебя показывали и вообще. А теперь сам сидишь в трюме и в дверь пялишься!

– Ты чего такой злой, Бивис? – тихо поинтересовался Харри и закрыл глаза. И почувствовал, что его качает, как будто он только что сошел на сушу после долгого путешествия по морю.

– Я не злой. Но уродов, которые пристреливают хороших полицейских, я просто терпеть ненавижу.

– Три ошибки в одном предложении, – заметил Харри и улегся на нары. – Во-первых, не «терпеть ненавижу», а просто «ненавижу», во-вторых, инспектор Волер не был хорошим полицейским, а в-третьих, я не стрелял, а оторвал ему руку. Вот здесь, у плеча. – И Харри показал где.

Бивис открыл рот и опять закрыл его, не сказав ни слова.

Харри снова прикрыл глаза.

Когда Харри снова открыл глаза, оказалось, что он пролежал на нарах в полицейской КПЗ уже два часа. Перед камерой стоял Гуннар Хаген и возился с ключами, пытаясь открыть дверь.

– Прости, Харри, я был на совещании.

– Да все в порядке, шеф, – успокоил его Харри, потянулся на нарах и зевнул. – Ну что, я теперь свободен?

– Я переговорил с полицейским прокурором^[34], и он сказал, все в порядке. Предварительное заключение – это превентивная мера, а не арест. Слышал, что тебя сюда упекли двое парней из КРИПОС. Что случилось?

– Надеюсь, это ты мне объяснишь.

– Я?

– КРИПОС следила за мной с того самого момента, как я приземлился в Осло.

– КРИПОС?

Харри сел на койке и провел рукой по волосам:

– Они вели меня до Государственной больницы. И арестовали на чисто формальных основаниях. Что происходит, шеф?

Хаген задрал подбородок и почесал шею.

– Черт, я должен был это предвидеть.

– Предвидеть что?

– Что возможна утечка. Насчет того, что мы пытаемся тебя разыскать. И что Бельман захочет этому помешать.

– А можно более подробно?

– Все это, как я тебе уже сказал, довольно сложно. В полиции идет сокращение и оптимизация. И дележка области компетенции. Убийный отдел с КРИПОС давно не ладят. А есть ли в такой маленькой стране возможность содержать две параллельные структуры, занимающиеся одним и тем же делом, – еще вопрос. Спор разгорелся не на шутку, когда в КРИПОС пришел новый зам. главного – некто Микаэль Бельман.

– Расскажи мне о нем.

– Бельман? После Полицейской академии совсем недолго проработал в Норвегии, а потом попал в Европол в Гааге. После чего вернулся домой эдаким вандербоем, которому другой дороги нет, кроме как вперед и выше. Шум начался с самого первого дня, когда он захотел взять на работу своего бывшего коллегу из Европола, иностранца.

– Не финна, случайно?

Хаген кивнул:

– Юсси Колкку. Получил базовое полицейское образование в Финляндии, но такой квалификации недостаточно, чтобы работать полицейским в Норвегии. Профсоюз просто встал на дыбы. Ну, решение конечно же нашли: Колкка был принят на работу временно, в рамках программы обмена. Следующим номером Бельман заявляет, дескать, правовые нормативы следует трактовать так: в случае громких убийств именно КРИПОС решает, кто будет ими заниматься, – они сами или местное полицейское управление. А не наоборот.

– И?

– И это конечно же совершенно неприемлемо. У нас в Полицейском управлении – самый большой в стране убойный отдел, и мы сами должны иметь право решать, какие убийства в Осло нам расследовать, в каких случаях нам нужна помощь и что мы хотим отдавать на откуп КРИПОС. Они вообще-то создавались, чтобы оказывать полицейским округам техническую помощь в расследовании убийств, но Бельман, ничтоже сумняшеся, придал своему подразделению статус императорского. В дело втянули и министерство юстиции. И там немедленно сообразили, что появился шанс сделать наконец то, от чего нам удавалось пока отбиваться: чтобы все убийства расследовались в одном месте. Наши возражения там просто не слышат – что возникает риск односторонности и бюрократического вырождения, что полицейские на местах лучше знают местные особенности, что они передают свои знания молодым, выращиваются новые кадры...

– Спасибо, но меня за это можно уже не агитировать.

Хаген поднял руку:

– Хорошо, но сейчас министерство юстиции готовит представление...

– И?..

– Они говорят, надо быть прагматиками. Что речь идет о том, как наилучшим образом использовать имеющиеся скудные ресурсы. И если КРИПОС удастся доказать, что они добиваются лучших результатов, когда им не надо оглядываться на местную полицию...

– ...тогда – вся власть Брюну, – заметил Харри. – Бельману – большой кабинет, и прости-прощай убойный отдел?

Хаген пожал плечами:

– Что-то в этом духе. А когда был обнаружен труп Шарлотты Лолле позади этого «датесуна» и стало ясно, что общая картина очень схожа с убийством другой девушки в подвале новостройки, то мы просто столкнулись лбами. В КРИПОС заявили, что, хотя трупы найдены в Осло, двойными убийствами занимается КРИПОС, а не полицейский округ Осло, и начали собственное расследование. Они поняли, что именно в этом деле решится вопрос, кого будет поддерживать министерство.

– Значит, придется управиться с делом раньше КРИПОС?

– Я уже сказал, что все очень непросто. КРИПОС отказывается делиться с нами информацией, хотя они и топчутся на месте. Вместо этого они сбегали в министерство. Оттуда сразу звонок к нам, начальнику управления, мол, на их взгляд, было бы целесообразнее, чтобы дело вела КРИПОС, – пока не примут решение о разделении сфер ответственности в будущем.

Харри медленно покачал головой:

– Начинаю понимать. Вы в отчаянии.

– Не хотелось бы употреблять это слово.

– Вы отчаялись настолько, что даже откопали старого охотника за серийными убийцами Холе. Аутсайдера, которого больше нет в вашей зарплатной ведомости, но который мог бы тихо-спокойно расследовать это дело. И поэтому я никому не должен был говорить об этом.

Хаген вздохнул:

– Ну, очевидно, Бельман все равно это выяснил. И пустил за тобой хвост.

– Чтобы посмотреть, как вы игнорируете вежливую рекомендацию Минюста. Поймать меня с поличным, когда я читаю старые донесения или допрашиваю старых свидетелей.

– Или еще более эффективно: вывести тебя из игры. Бельман знает, достаточно одного-единственного неверного шага, единственного бокала пива на службе, единственного

нарушения должностной инструкции, чтобы тебя отстранили.

– Хм-м... Или сопротивления при аресте. Он решил еще дальше пойти, этот козел.

– Я с ним поговорю. Он отстанет от тебя, когда я скажу, что ты все равно не захотел заниматься этим делом. Мы не втапываем полицейских в грязь без особой необходимости. – Хаген взглянул на часы. – Ну, у меня работы полно, давай-ка побыстрее вытащим тебя отсюда.

Они вышли из КПЗ, перешли парковку и остановились у входа в Управление полиции – здание из стали и бетона, возвышающееся над парком. Рядом, как пуповиной связанные со зданием Управления подземным туннелем, темнели серые крепостные стены Ботсена – окружной тюрьмы Осло. Ниже них в сторону фьорда и порта простирался район Грёнланн. Фасады были по-зимнему бледные и грязные, словно обсыпанные золой. Подъемные краны внизу в порту виселицами вырисовывались на фоне неба.

– Не самое красивое зрелище, правда?

– Да уж, – согласился Харри и вздохнул.

– И все равно, что-то в этом городе есть.

Харри кивнул:

– Верно.

Они немного постояли, держа руки в карманах.

– Прохладно что-то, – произнес Харри.

– На самом деле нет.

– Ну, значит, мой термостат все еще настроен на Гонконг.

– Понятно.

– У тебя там наверху чашка кофе найдется? – Харри кивнул в сторону шестого этажа. –

Хотя ты сказал, у тебя полно работы? Дело Марит Ульсен?

Хаген не ответил.

– Так, – подытожил Харри. – Значит, Бельман и КРИПОС и его себе заграбастали...

Идя по красной зоне шестого этажа, Харри то и дело отвечал на сдержанные приветственные кивки. Да, конечно, в этом здании он был легендой, но особой популярностью никогда не пользовался.

Они вошли в дверь, к которой был прикреплен лист А-4 с надписью: «I see dead people».

Хаген кашлянул:

– Пришлось отдать твой кабинет Магнусу Скарре, у нас тут такая теснота.

– Да ради бога, – произнес Харри.

На кухне для сотрудников они налили себе по бумажному стаканчику пресловутого местного кофе из кофеварки с фильтром.

В кабинете Хагена Харри уселся напротив письменного стола начальника – на стул, на котором ему так часто доводилось сидеть раньше.

– Я смотрю, он у тебя по-прежнему. – Харри кивнул на предмет на столе, на первый взгляд напоминающий белый восклицательный знак. Человеческий палец. Харри знал, он принадлежал японскому командиру времен Второй мировой войны. Во время отступления командир отрубил себе мизинец на глазах у своих солдат, прося прощения за то, что они не могут вернуться и забрать своих павших. Хаген любил использовать эту историю, когда объяснял подчиненным, руководителям среднего звена, что такое авторитет.

– А у тебя его по-прежнему нет. – Хаген кивнул на руку Харри, обхватившую стаканчик с кофе, на которой не хватало среднего пальца.

Харри кивнул и сделал глоток. Кофе был таким же, как и раньше. Расплавленный асфальт.

Харри сморщился.

– Мне нужна команда из трех человек.

Хаген медленно отхлебнул кофе и отставил стаканчик в сторону.

– Не больше?

– Ты всегда об этом спрашиваешь. Ты же знаешь, что я не работаю с большими группами.

– На этот раз я возражать не буду. Чем меньше людей, тем меньше у КРИПОС и Минюста шансов разнюхать, что мы расследуем двойное убийство.

– Тройное, – поправил его Харри и зевнул.

– Да ладно, мы же не знаем, была ли Марит Ульсен...

– Женщина, одна, вечером, ее доставляют в другое место, где лишают жизни необычным способом. И это третий случай в маленьком Осло. Тройное, уж поверь мне. Но сам знаешь: много нас или мало, придется хорошенько постараться, чтобы наши пути так или иначе не пересеклись с КРИПОС.

– Да, – сказал Хаген. – Я это знаю. И поэтому у меня условие: если ваше расследование и выплывет наружу, то к нашему отделу это не будет иметь никакого отношения.

Харри прикрыл глаза. А Хаген продолжал:

– Мы, конечно, выразим сожаление по поводу того, что в дело оказались втянуты отдельные наши сотрудники, но четко дадим понять, что это просто известный игрок-одиночка Харри Холм начал расследование совершенно самостоятельно, без ведома руководства отдела. И ты эту версию подтвердишь.

Харри вновь открыл глаза и уставился на Хагена.

Хаген встретил его взгляд:

– Вопросы есть?

– Да.

– Пожалуйста.

– Где происходит утечка информации?

– Не понял?

– Кто информирует Бельмана?

Хаген пожал плечами:

– Мне не кажется, что он следит за нашими делами постоянно. А о том, как до тебя добраться, он мог узнать из самых разных источников.

– Я знаю, что Магнус Скарре любит трепать языком к месту и не к месту.

– Не спрашивай меня больше ни о чем, Харри.

– О'кей. Где оборудуем штаб-квартиру?

– Да, вот именно, вот именно. – Гуннар Хаген несколько раз кивнул, как будто как раз об этом они уже говорили. – Что касается помещения...

– Ну?

– Я говорил, что тут все переполнено, так что надо найти что-то за пределами, но поблизости...

– Хорошо. Так где?

Хаген посмотрел в окно. На серые стены окружной тюрьмы.
– Шутишь, – сказал Харри.

Глава 14

Набор сотрудников

Бьёрн Холм вошел в переговорную криминалистического отдела в Брюне. Солнце за окном уже приготовилось скрыться за фасадами домов и отдать город во власть вечерних сумерек. На парковке перед зданием было полно машин, а перед входом в КРИПОС на другой стороне улицы стоял белый автобус со спутниковой тарелкой на крыше и логотипом Норвежской телерадиовещательной компании на борту.

Единственным человеком в переговорной, помимо него, была его начальница, Беата Лённ, исключительно бледная, хрупкая и тихая дама. Тому, кто не знал всего, могло показаться, что такой женщине непросто руководить целой оравой взрослых, очень профессиональных, самоуверенных экспертов-криминалистов, всегда имеющих свое особое мнение и не боящихся конфликтов. Но тому, кто знал все, было очевидно, что только она и могла с ними справляться. Не столько потому, что ее уважали за то, что она не сломалась, проводив на вечное дежурство двух полицейских: сначала собственного отца, а потом и отца своего ребенка. А просто она была лучшей из них и излучала такую безупречность, цельность и силу, что, когда Беата Лённ шепотом отдавала приказ, опустив глаза и покраснев, приказ этот исполнялся беспрекословно. Так что неудивительно, что Бьёрн Холм поспешил сюда, как только получил сообщение.

Она сидела в кресле, придвинутом почти вплотную к телевизору.

– Прямая трансляция с пресс-конференции, – произнесла Беата, не оборачиваясь. – Садись.

Холм тут же узнал людей на экране. И подумал, до чего же странно сидеть здесь и наблюдать телевизионный сигнал, проделавший тысячи километров в космос и обратно только для того, чтобы показать ему то, что как раз сейчас происходит на другой стороне улицы.

Беата Лённ прибавила громкость.

– Вы совершенно правильно поняли, – сказал Микаэль Бельман и наклонился к микрофону, стоящему перед ним на столе. – Пока у нас нет ни следа, ни подозреваемых. И хочу повторить это еще раз: мы не исключаем, что погибшая могла покончить жизнь самоубийством.

– Но вы сказали... – начала было одна из журналисток.

Бельман оборвал ее:

– Я сказал, что мы расследуем эту смерть как *подозрительную*. Вы конечно же знакомы с терминологией. А если нет, то вам следует... – Он не стал продолжать и показал на кого-то за камерой.

– «Ставангер афтенблад», – проблеял этот кто-то на диалекте Ругаланна. – Не связывает ли полиция эту смерть с двумя другими смертями на...

– Нет! Если вы слушали внимательно, то поняли, наверное, что мы всего лишь *не* *исключаем* взаимосвязи.

– Это я понял, – продолжал носитель ругаланнского диалекта так же невозмутимо и медленно. – Но всех собравшихся здесь гораздо больше интересует то, что вы считаете, а не то, чего вы *не* *исключаете*.

Бьёрн Холм видел, как пристально Бельман смотрит на журналиста, как нетерпеливо

поддерживаются углы его губ. Женщина в форме, сидевшая рядом с Бельманом, закрыла рукой микрофон, наклонилась к нему и что-то зашептала. Лицо старшего инспектора потемнело.

– Микаэль Бельман проходит экстренный курс общения с СМИ, – сказал Бьёрн Холм. – Урок первый: гладь их по шерстке, особенно региональные газеты.

– Да он только начал, – заметила Беата Лённ. – Еще научится.

– Думаешь?

– Да, Бельман из тех, кто учится.

– Насколько я слышал, смирению научиться нелегко.

– Настоящему – трудно. Но в современном искусстве коммуникации важно уметь в нужный момент стелиться перед СМИ. Именно это Нинни сейчас ему и говорит. И Бельман достаточно толковый, чтобы понять.

На экране Бельман откашлялся, изобразил приятную, почти мальчишескую улыбку и наклонился к микрофону:

– Прошу прощения, если это прозвучало несколько резко, но у всех нас был тяжелый день, и я надеюсь, вы понимаете, что нам не терпится вернуться к расследованию этого трагического события. Сейчас мы должны заканчивать, но, если у кого-то из вас еще остались вопросы, передайте их Нинни, и я обещаю, что постараюсь ответить всем вам лично в течение вечера. До подписания номеров. Ладно?

– Что я тебе говорила? – Беата засмеялась с видом победительницы.

– A star is born^[35], – заметил Бьёрн Холм.

Картинка на телеэкране поменялась, и Беата Лённ повернулась к Бьёрну:

– Звонил Харри. Хочет, чтобы я тебя к нему прикомандировала.

– Меня? – спросил Бьёрн. – Зачем это?

– Сам прекрасно знаешь зачем. Я слышала, что ты был с Гуннаром Хагеном в аэропорту, когда Харри прилетел.

– Упс. – Холм широко улыбнулся, демонстрируя и верхние, и нижние зубы.

– Полагаю, Хаген хотел использовать тебя в операции «уговоры», поскольку прекрасно знает, что ты один из тех, с кем Харри нравится работать.

– Нельзя сказать, чтобы мы особо преуспели. Харри заниматься этим делом отказался.

– Ну, значит, сейчас передумал.

– Да ну? Интересно, что же его заставило изменить мнение?

– Он не сказал. Сказал только, что считает, что будет правильнее действовать через меня.

– Само собой разумеется, ты ведь здесь начальник.

– Когда дело касается Харри, ничего само собой не разумеется. Ты ведь знаешь, мы с ним хорошо знакомы.

Холм кивнул. Он знал. Знал, что Джек Халворсен, возлюбленный Беаты и отец ее будущего ребенка, был убит, когда работал вместе с Харри. В холодный зимний день ему перерезали горло прямо на улице, в Грюнерлёкке. Холм оказался там сразу после того, как это произошло. Горячая кровь, плавающая серо-стальной лед. Смерть полицейского. Харри никто не винил. Кроме его самого, конечно.

Холм почесал щетинистую щеку.

– И что ты ему ответила?

Беата вздохнула и посмотрела на улицу, на журналистов и фотокорреспондентов, которые торопливо покидали штаб-квартиру КРИПОС.

– То же, что тебе сейчас говорю. Что министерство дало понять: полномочия теперь у КРИПОС, и, следовательно, у меня нет никакой возможности направлять экспертов-криминалистов, занятых в этом деле, к кому-то, кроме Бельмана.

– Но?

Беата Лённ постучала шариковой ручкой по столу.

– Но ведь есть и другие дела, не только это двойное убийство.

– Тройное убийство, – сказал Холм и добавил, когда Беата Лённ пристально посмотрела на него: – Поверь мне.

– Я точно не знаю, что там расследует старший инспектор Холе, но ни одним из этих убийств он точно не занимается, тут мы с ним договорились, – сказала Беата. – Однако для расследования тех, других дел – каких именно, мне неизвестно – я тебя отпускаю. На четырнадцать дней. Экземпляр первого рапорта по делу, по которому вы работаете, должен быть у меня на столе не позднее чем через пять дней считая с сегодняшнего. Ясно?

Кайя Сульнес внутренне просияла и почувствовала почти непреодолимое желание завертеться на своем офисном кресле.

– Если Хаген согласится, я конечно же возражать не буду, – сказала она, пытаясь казаться сдержанной, но и сама слышала ликование в собственном голосе.

– Хаген не возражает, – сказал мужчина, расположившийся по диагонали в дверном проеме, прислонившись к косяку головой и заложив за нее руку. – Значит, нас будет только трое: Холм, ты и я. И то, над чем мы работаем, строго конфиденциально. Начинаем завтра, сбор в семь у меня в кабинете.

– Э-э-э... в семь?

– Семь. Ноль семь-ноль-ноль.

– Хорошо. Какой кабинет?

Мужчина ухмыльнулся и объяснил какой.

Она недоверчиво взглянула на него:

– У нас будет штаб-квартира в тюрьме?

Диагональ покинула проем.

– Подготовься. Вопросы есть?

Вопросов у Кайи было много, но Харри Холе уже исчез.

Теперь этот сон посещает меня и днем. Где-то далеко я по-прежнему слышу, как оркестр играет «Love hurts»^[36]. Я вижу, как некоторые парни подошли ближе и окружили нас, но они не вмешиваются. Хорошо. Сам я смотрю на нее. Посмотри, что ты наделала, пытаюсь сказать я. Посмотри на него, неужели он тебе по-прежнему нужен? Господи, как же я ее ненавижу, мне так и хочется вырвать нож изо рта и всадить его в нее, пропороть кожу, увидеть, как из нее потечет кровь, полезут кишки, ложь, глупость, ее тупое самодовольство. Кто-то же должен показать ей, насколько она безобразна изнутри.

Я видел пресс-конференцию по телевизору. Бестолочи и неумехи! Никаких следов, никаких подозреваемых! Первые сорок восемь часов, золотое время, песок в часах скоро закончится, торопитесь, торопитесь. Чего вы хотите от меня? Чтобы я написал это кровью на стене?

Это вы, а не я делаете всё, чтобы убийства продолжались.

Письмо дописано.

Торопитесь.

Глава 15

Стробоскопический свет

Стине смотрела на парня, который только что заговорил с ней. Борода, светлые волосы, вязаная шапка. В помещении. Причем теплая шапка, закрывающая уши. Безумный сноубордист? Кстати, приглядевшись повнимательнее, Стине поняла, что это не парень, а мужчина. За тридцать. Во всяком случае, у него были белые морщинки на загорелом лице.

– И что с того? – ответила она, стараясь перекричать музыку, грохочущую внутри помещения на Краббе. Недавно открытый клуб заявил на весь свет, что это новое место сбора молодых и самых современных музыкантов, киношников и писателей из Ставангера, которых на самом деле было немало в этом повернутом на бизнесе и считающем нефтедоллары городе. Поживем – увидим, тусовщики еще не решили, заслуживает ли Краббе их благосклонности. Вот и Стине еще не решила, заслуживает ли ее благосклонности этот парень – или мужчина.

– Просто я считаю, тебе стоит послушать, что я расскажу, – сказал он, уверенно улыбнулся и посмотрел на нее своими голубыми, как ей показалось, слишком яркими глазами. Но, может, это тут такое освещение. Стробоскопический свет? Круто? Посмотрим. Он вертел в руке пивной бокал, облокотясь на барную стойку, так что Стине пришлось бы наклониться вперед, чтобы услышать, что он хочет ей сказать, – да не на ту напал. В толстой дутой куртке, но на лбу под нелепой шапкой не видно ни капли пота. А может, она крутая, эта шапка? – Потому что мало кто объехал на мотоцикле все районы дельты Иравади в Бирме и вернулся оттуда настолько живым, что в состоянии об этом рассказать, – сказал он.

Настолько живым. Одним словом, тепло. Она таких терпеть не может. Он ей кого-то напоминал. Какого-то героя американских классических боевиков или сериалов восьмидесятых.

– И вот я дал себе слово, что если вернусь в Ставангер, то пойду куда-нибудь посидеть, возьму пива, подойду к самой красивой девушке, которую увижу, и скажу именно то, что говорю сейчас. – Он развел руками, улыбнулся белозубой, широкой улыбкой. – Мне кажется, ты девушка у синей пагоды.

– Где?

– Это из Редьярда Киплинга, барышня. Ты – девушка, которая ждет британского солдата возле пагоды Мультмейна. Ну, что скажешь? Поедешь со мной? Будешь ходить босиком по мрамору Шведагона? Есть мясо кобры в Баго? Засыпать под молитвенные заклинания мусульман в Янгуне и просыпаться под буддистские в Мандалае? – Он перевел дух.

Она наклонилась вперед:

– Так значит, я тут самая красивая девушка?

Он огляделся.

– Нет, но у тебя самые большие буфера. Ты красивая, но конкуренция велика, вопрос в том, красивее ли ты всех. Пойдем отсюда?

Она засмеялась и покачала головой. Никак не могла определить, он смешной или просто ненормальный.

– Я здесь с подругами. Попытайся использовать этот фокус с кем-нибудь еще.

– Элиас.

– Что?

– Тебе интересно, как меня зовут. На тот случай, если мы еще увидимся. Меня зовут Элиас. Скуг. Фамилию ты забудешь, но Элиаса запомнишь. И мы еще увидимся. Раньше, чем ты это поймешь.

Она склонила голову набок:

– Ах вот как?

Он тоже склонил голову набок и передразнил:

– Да. Вот так.

Потом допил пиво, поставил бокал на стойку, засмеялся ей в лицо и ушел.

– Что за тип? – Это спросила Матильда.

– Понятия не имею, – сказала Стине, – он вообще-то ничего, но странный. Судя поговору, откуда-то из Восточной Норвегии.

– Странный?

– У него странные глаза. И зубы. Или здесь просто такой стробоскопический свет.

– Стробоскопический свет?

Стине рассмеялась.

– Такой свет, как в солярии, цвета зубной пасты. Из-за которого рожа сразу как у зомби.

Матильда покачала головой:

– Тебе надо выпить. Пойдем.

Стине последовала за ней, по дороге обернулась на дверь. Ей казалось, что она видела лицо за стеклом, но там никого не было.

Глава 16

«Speed King»

Было девять вечера, Харри шел по центру Осло. Весь день он провел, перетаскивая стулья и столы в новый кабинет. Во второй половине дня съездил в больницу, но отца не застал – его забрали на какие-то исследования. Так что пришлось вернуться. Он отксерил кое-какие рапорты, сделал пару звонков, заказал билет на самолет в Берген, забежал в Сити и купил USB-модем размером с сигаретный окуроч.

Харри шел широким шагом. Ему это всегда ужасно нравилось: идти пешком с востока на запад через этот компактный город, наблюдая по пути, как постепенно, но явно меняются люди, мода, этническая принадлежность, архитектурные стили, магазины, кафе, бары. Он заскочил в «Макдоналдс», съел гамбургер, сунул в карман три трубочки для коктейлей и пошел дальше.

Не прошло и получаса, как он вышел из похожего на гетто пакистанского Грёнланна – и вот он уже в красивой, немного стерильной и белой как мел западной части города. Кайя Сульнес жила на улице Людер-Сагенс-гате, ее дом был из числа тех больших старинных деревянных вилл, за которыми жители Осло выстраиваются в очередь, когда их изредка выставляют на продажу. И даже не для того, чтобы купить, – денег на это почти ни у кого нет, – но чтобы посмотреть, помечтать и получить подтверждение тому, что Фагерборг по-прежнему таков, каким хочет казаться, – район, где богатые богаты, но не слишком, где деньги не слишком новые и ни у кого нет ни плавательных бассейнов, ни автоматических ворот в гараже, ни других современных вульгарных наворотов. Потому что местные жители вели себя так же, как всегда. Летом сидели под яблонями в своих больших тенистых садах в старых плетеных креслах или на старых садовых скамейках, слишком громоздких и выкрашенных в черный цвет, как и сами виллы, из которых их вынесли. А когда садовую мебель заносили в дом и дни становились короче, за окнами из стеклянных мелких квадратиков зажигали свечи. На улице Людер-Сагенс-гате рождественское настроение царило с октября и до марта.

Калитка скрипнула так громко, что стало ясно: никакая собака здесь просто не нужна. Гравий хрустел под сапогами. Харри обрадовался, как ребенок, когда нашел эти сапоги в шкафу, но сейчас они уже промокли насквозь.

По лестнице он поднялся на крыльцо и нажал на звонок. Таблички с именем жильцов не было.

Перед дверью стояла пара изящных дамских туфель, а рядом с ними – пара мужских ботинок. Размера так сорок шестого, прикинул Харри. Похоже, что муж у Кайи – мужчина крупный. Потому что, разумеется, у нее есть муж, сейчас он даже не мог понять, как ему могло прийти в голову что-то другое. Пришло, и все, правда ведь? Ну и ладно, это не важно. Дверь открылась.

– Харри? – На ней была незастегнутая и слишком просторная шерстяная кофта, вытертые джинсы и войлочные тапки, такие старые, что Харри был готов держать пари, что на них уже выступили старческие веснушки. На лице – никакой косметики. Только удивленная улыбка. Тем не менее казалось, она знала, что он придет. Знала, что ему понравится, если он ее увидит именно такой. Конечно, он уже в Гонконге заметил в ее взгляде ту заинтересованность, которую у многих женщин вызывает мужчина с репутацией,

не важно, плохой или хорошей. Да он к тому же тоже не делал попытки как-то проанализировать те причины, которые, сложившись вместе, привели его к этой двери. И даже хорошо, что он этого не сделал. Ботинки сорок шестого размера. Или сорок шестого с половиной.

– Мне Хаген дал адрес, – сказал Харри. – От моей квартиры до тебя можно дойти пешком, и я решил, что лучше будет зайти, а не звонить.

Она неуверенно улыбнулась:

– У тебя нет мобильного.

– А вот и ошибаешься. – Он выудил из кармана красный телефон. – Мне его Хаген дал, но пин-код я уже забыл. Я не помешаю?

– Нет-нет. – Она распахнула дверь, и Харри вошел.

Смешно, но сердце его забилось быстрее, пока он ждал ее. Лет пятнадцать назад его бы это разозлило, но теперь он смирился, приняв тот банальный факт, что женская красота всегда будет иметь над ним некоторую власть.

– Я кофе сварю. Будешь?

Они вошли в гостиную. На стенах висели картины и книжные полки с таким количеством книг, что он засомневался, что она успела бы собрать их одна. В комнате царил совершенно явный мужской дух. Громоздкая угловатая мебель, глобус, кальян, виниловые пластинки на полках, карты и фотографии высоких, покрытых снегом гор. Из чего Харри сделал вывод, что неведомый муж прилично старше Кайсы. Телевизор был включен, но без звука.

– Марит Ульсен – первая новость во всех выпусках, – сказала Кайя, подняла пульт, и экран телевизора погас. – Выступали два лидера оппозиции и требовали немедленного расследования, говорили, что правительство систематически сокращает ряды полиции. Ясно, что КРИПОС в ближайшие дни скучать не придется.

– Да, кофе я бы выпил, – сказал Харри, и Кайя удалилась на кухню.

Он уселся на диван. На журнальном столике рядом с женскими очками для чтения вверх обложкой лежала раскрытая книга Джона Фанте. А рядом – несколько фотографий, сделанных во Фрогнербадет. Не самого места преступления, но зевак, которые собрались по ту сторону ограждения, чтобы поглазеть. Харри хмыкнул, довольный. Не только тем, что Кайя взяла домой работу, но еще и потому, что группа, выезжающая на место преступления, все еще делает такие снимки. Именно он, Харри, в свое время обязал их всегда фотографировать тех, кто приходит на место преступления. Кое-что он усвоил на курсах ФБР по расследованию серийных убийств: в частности, то, что преступника тянет вернуться на место преступления, – отнюдь не миф. И братья Кинг в Сан-Антонио, и убийца из супермаркета «К-Март» были арестованы именно потому, что не утерпели и пришли полюбоваться на дело рук своих, насладиться вызванным переполохом и собственной неуязвимостью. Фотографы в криминалистическом отделе называли это шестой заповедью Холе. Ну конечно, было еще и девять других. Харри стал просматривать фотографии.

– Тебе молока не добавить? – прокричала Кайя из кухни.

– Да.

– В смысле? Ведь в Хитроу...

– Я имею в виду, что ты права. Я пью без молока.

– Ага. Ты перешел на кантонский.

– Что?

– Ты перестал использовать двойное отрицание. Кантонский диалект более логичен. Тебе нравится логика.

– И это как раз тот случай? С кантонским диалектом?

– Не знаю, – засмеялась она там, на кухне. – Это я просто пытаюсь быть остроумной.

Харри заметил, что фотографии довольно нечеткие, снимались от бедра и без вспышки. Все внимание публики обращено на вышку для прыжков. Туповатые взгляды, приоткрытые рты – скучающие зеваки в ожидании чего-то ужасного, такого, о чем потом можно написать в мемуарах или рассказать перепуганным соседям. Один из собравшихся поднял вверх мобильный телефон, которым, вне всякого сомнения, делал снимки. Харри взял лупу, лежавшую на стопке рапортов, и принялся рассматривать лица одно за другим. Он и сам не знал, что ищет, в голове было пусто, а это самый лучший способ не упустить того, что возможно, есть на этих снимках.

– Нашел что-нибудь? – Она стояла у него за спиной и наклонилась, чтобы посмотреть. Он ощутил слабый запах лавандового мыла, так же от нее пахло и в самолете, когда она заснула и голова ее легла ему на плечо.

– М-м-м... А ты думаешь, тут что-то может быть? – спросил он и взял протянутую кружку с кофе.

– Нет.

– А зачем ты тогда взяла эти фотографии домой?

– Потому что девяносто пять процентов всего расследования состоит в том, чтобы искать не в том месте.

Она только что процитировала третью заповедь Харри.

– А еще эти девяносто пять процентов нужно научиться любить. Иначе на стенку полезешь.

Четвертая заповедь.

– А рапорты? – поинтересовался Харри.

– У нас есть, конечно, собственные рапорты по делу об убийствах Боргни и Шарлотты, но из них ничего не вытянешь. Никаких физических улик, никаких свидетелей, которые могли бы сообщить о чем-то необычном. Ни заклятых врагов, ни ревнивых любовников, ни алчных наследников, ни преследователей, которым помешали, – нетерпеливых пушеров и прочих кредиторов. Короче говоря...

– Никаких следов, никаких явных мотивов, никакого орудия убийства. Я бы начал с допросов по делу Марит Ульсен, но, как тебе известно, мы по этому делу не работаем.

Кайя улыбнулась:

– Нет, конечно. Кстати, я сегодня говорила с одним репортером из отдела политики «Вердене ганг». Он сказал, что никто из журналистов, аккредитованных в стортинге, не знает, бывали ли у Марит Ульсен депрессии, психологические срывы или мысли о самоубийстве. И они ничего не могут сказать о том, были ли у нее враги, будь то в профессиональной или в частной жизни.

– М-м-м...

Взгляд Харри скользил дальше по лицам собравшихся. Женщина со взглядом лунатички и ребенком на руках...

– Что нужно этим людям?

На заднем плане: спина мужчины, покидающего место преступления. Дутая куртка, вязаная шапочка.

– Им нужен шок. Потрясение. Развлечение. Очищение...

– Маловероятно.

– И ты читаешь Джона Фанте. Тебе нравятся старые вещи? – Он кивнул на комнату, дом вообще. Он и имел в виду комнату, дом вообще. Но рассчитывал при этом, что она скажет что-нибудь про мужа, если тот действительно настолько старше ее, как предполагал Харри.

Она с интересом взглянула на него:

– Ты читал Фанте?

– Когда я был молод и увлекался Буковски, я читал его книги, но названия не помню. Я покупал их большей частью потому, что Чарльз Буковски – явный его фанат. – Он демонстративно взглянул на часы: – Ой, пора домой.

Кайя удивленно посмотрела сначала на него, а потом на его нетронутую кружку с кофе.

– Да все эта разница во времени... – улыбнулся Харри и встал. – Можем поговорить об этом, когда увидимся завтра.

– Ну конечно.

Харри похлопал себя по карманам:

– Да, вот еще – сигареты кончились. Тот блок «Кэмела», который я тебе отдал, чтобы не отобрали за превышение нормы...

– Подожди, – улыбнулась она.

Когда она вернулась с распечатанным блоком сигарет, Харри уже стоял в коридоре в куртке и сапогах.

– Спасибо, – сказал он. Вытащил одну пачку и открыл ее.

Когда они вышли на лестницу, она произнесла, прислонясь к дверному косяку:

– Можешь не отвечать, но у меня такое чувство, что это была какая-то проверка.

– Проверка? – переспросил Харри и закурил.

– Я не буду тебя спрашивать, в чем она состояла. Скажи только: я прошла проверку?

Харри коротко хохотнул:

– Да нет, я только из-за сигарет пришел. – Он пошел вниз по лестнице, помахивая блоком: – Значит, в семь ноль-ноль.

Харри запер дверь. Повернул выключатель и убедился в том, что электричество еще не вырубили. Снял пальто, вошел в гостиную, включил «Deer Purple» – это была его самая любимая группа в категории «довольно забавно, но все равно жутко здорово». «Speed King», Иэн Пэйс, ударник. Харри сел на диван, прижав кончики пальцев к вискам. Псы рвались с цепей. Они выли, хрипели, брызгали слюной, зубами вгрызались во внутренности. Если он спустит их на этот раз, пути назад уже не будет. На этот раз – нельзя. Потому что раньше всегда были достаточно веские причины, чтобы остановиться. Ракель, Олег, работа, может, даже отец. Теперь ничего из этого у него больше нет. Нельзя... Алкоголь – под запретом. Значит, нужно что-то альтернативное. Отключка, которую он может контролировать. Спасибо, Кайя. И ему не стыдно? Конечно же стыдно. Но гордость – это роскошь, которую можно себе позволить далеко не всегда.

Он сорвал целлофан с блока сигарет. Вынул пачку в самом низу. Почти не заметно, что она была распечатана. Таких женщин, как Кайя, никогда не останавливают на таможенном контроле. Он открыл пачку, вынул фольгу. Развернул и взглянул на коричневый комочек. Втянул ноздрями сладкий запах.

И приступил к необходимым приготовлениям.

Харри испробовал всевозможные способы курения опиума, начиная с ритуалов в опиумных курильнях, по сложности не уступающих китайской чайной церемонии, включая разные виды курения с помощью трубки и, наконец, самый простой: поджечь комочек, приставить к нему соломинку и изо всех сил затянуться, пока наркотик в буквальном смысле слова превращается в дым. Способов много, но цель всегда одна: добиться того, чтобы активное вещество – будь то морфин, тебаин, кодеин или целый букет прочих химических друзей – попало в кровь. Метод Харри был прост. Примотать скотчем стальную ложку к краю стола, отщипнуть от комка кусочек размером не больше спичечной головки, положить в ложку и поднести под нее пламя зажигалки. Когда запахнет опиумом, подержать над ложкой обычный стакан и собрать дым. А потом сунуть в стакан трубочку – лучше такую, которая сгибается, – и затянуться. Харри отметил, что пальцы совсем не дрожат. В Гонконге он регулярно проверял степень своей зависимости и, можно сказать, был самым дисциплинированным торчком и алкашом из всех ему известных. Он мог заранее наметить себе порцию алкоголя и не выпивал больше ни глотка, даже если напивался в стельку. В Гонконге иногда не курил опиум неделю или две, ограничиваясь парой таблеток паральгина-форте: абстинентный синдром он, конечно, не снимал, но какое-то психологическое воздействие оказывал, поскольку Харри знал, что это лекарство содержит капельку морфина. Так что никакая это не зависимость. Ну, может, от алкоголя и есть малость, но от опиума – вряд ли. Хотя понятно, что критерии тут довольно размытые. Потому что едва Харри начал приматывать ложку скотчем к столу, как почувствовал, что псы успокоились. Поняли, что скоро получат свое.

И отстанут. До следующего раза.

Раскаленная зажигалка уже обжигала Харри пальцы. На столе лежали трубочки из «Макдоналдса».

Через минуту он сделал первую затяжку.

Подействовало сразу. Исчезли боли, даже те, о которых он и не подозревал. Вернулись ассоциации, зрительные образы. Сегодня ночью он сможет уснуть.

Бьёрну Холму не спалось.

Он пытался читать книгу Эскотта о короткой жизни и долгой смерти легенды кантри Хэнка Уильямса, слушал компакт-диск с записью концерта Люсинды Уильямс в Остине, считал техасских коров лонгхорнской породы – ничего не помогало.

Дилемма. В ней все дело. Проблема, у которой нет однозначно верного решения. Эксперт-криминалист Холм такие проблемы ненавидел.

Он свернулся калачиком на своем диване, который был для него коротковат. Диван приехал из Скрейи вместе с ним самим, собранием виниловых пластинок Элвиса, «Sex Pistols», «Jason & The Scorchers», тремя костюмами, сшитыми портным в Нашвилле, американской Библией и кухонной мебелью, пережившей три поколения Холмов. Но ему так и не удалось сосредоточиться.

Дилемма заключалась в том, что при осмотре веревки, на которой была повешена – или повесилась – Марит Ульсен, лишившаяся головы, он кое-что обнаружил. Может, из этого вовсе ничего не следует, но вопрос в другом – кому об этом сообщать, КРИПОС или Харри? Бьёрн Холм обнаружил на веревке крохотные ракушки, причем в тот момент он еще выполнял задание КРИПОС. И с биологом, изучающим подводный мир пресноводных водоемов в Биологическом институте при Университете Осло, тоже беседовал, когда был

подотчетен КРИПОС. Но Беата Лёни передала его в распоряжение Харри прежде, чем он успел написать обо всем в рапорте, и завтра, когда он сядет за компьютер, рапорт придется адресовать Харри.

О'кей, в техническом плане дилеммы никакой нет, информация принадлежит КРИПОС. Предоставить ее кому-то еще значит проявить халатность. А чем он, если честно, обязан Харри Холе? От него ведь сплошные неприятности. Стиль работы у него своеобразный и довольно бесцеремонный. А уж когда Харри напьется, то становится просто опасен для жизни. Зато правильный мужик, когда трезвый. На него можно положиться, он не из тех, что потом напомнят – «you owe me»^[37]. Тот еще враг, но хороший друг. Славный мужик. Чертовски славный. Пожалуй, чем-то даже похож на Хэнка.

Бьёрн Холм застонал и повернулся к стене.

Стине проснулась, как будто ее кто-то толкнул.

В темноте что-то мурлыкало и урчало. Она перевернулась на бок. Потолок был слабо освещен, свет шел от пола у кровати. Который час? Часа три ночи? Она потянулась и взяла мобильник.

– Да? – сонным голосом сказала она.

– Объехав дельту, я понял, что мне смертельно надоели змеи и комары, и мы с моим байком отправились вдоль побережья Бирмы на север, в Аракан.

Его голос она узнала сразу.

– На остров Сай-Чунг, – продолжал он. – Там есть действующий грязевой вулкан, и я слышал, что скоро будет извержение. Оно и началось на третью ночь после моего приезда. Я-то думал, будет только грязь, но нет, он извергал и старую добрую лаву. Густую лаву, которая так медленно текла по городу, что от нее можно было спокойно уйти.

– Сейчас ночь, – зевнула она.

– Но тем не менее она текла, не останавливалась. Когда она такая вязкая, ее называют холодной лавой, хотя она сжигает все на своем пути. Деревья со свежей, зеленой листвой за четыре секунды превращались в рождественские елки, а потом в золу и исчезали. Бирманцы пытались убежать в своих машинах, доверху нагруженных скарбом, который они успели собрать в такой спешке, но собирались они слишком долго – зачем слишком торопиться, когда лава подползает так медленно! А когда они выносили свои телевизоры, лава была уже возле стен их домов. Они бросались в машины, но из-за жары покрышки начинали лопаться. А потом загорался бензин, они выбегали из машин, как живые факелы. Ты помнишь, как меня зовут?

– Послушай, Элиас...

– Я же говорил, что ты запомнишь.

– Мне надо поспать. Мне завтра в школу.

– Я сам как извержение, Стине. Я – холодная лава. Я не тороплюсь, но меня не остановить. И я приду туда, где ты.

Она пыталась вспомнить, говорила ли ему, как ее зовут. И случайно взглянула на окно. Оно было открыто. На улице шумел ветер, ровно и успокаивающе.

Голос в трубке был тихим, он почти шептал:

– Я увидел собаку, которая пыталась убежать, но запуталась в колючей проволоке. Прямо на пути лавы. Но тут поток лавы повернул налево, казалось, он ее обогнет. Словно бы милосердный Бог сжалился над псом. Но лава прошла прямо по нему. Половина пса просто

испарилась. Прежде чем загорелась другая половина. И тоже превратилась в пепел. Все становится пеплом.

– Фу, я кладу трубку.

– Взгляни на улицу. Видишь, я уже у стены твоего дома.

– Прекрати!

– Да ладно, я просто пошутил. – Он громко и заливисто засмеялся ей в ухо.

Стине стало не по себе. Он, наверное, пьян. Или псих. Или и то и другое.

– Спокойной ночи, Стине. Скоро увидимся.

Связь прервалась. Стине уставилась на телефон. Потом вырубила его совсем и бросила в изножье кровати. И выругалась, потому что поняла. Поняла, что сегодня ночью ей уже не заснуть.

Глава 17

Волокна

Было 6.58. Харри Холе, Кайя Сульнес и Бьёрн Холм шли по «Кишке» – подземному переходу длиной четыреста метров, соединяющему здание Управления полиции и окружающую тюрьму Осло. Иногда переход использовали для того, чтобы доставлять заключенных на допрос в Управление полиции, иногда для тренировок по бегу в зимнее время, а в старые недобрые времена – для сугубо неофициального избиения особо строптивых заключенных.

С потолка капала вода, капли падали на бетонный пол с чмокающим звуком, похожим на поцелуи, эхом отдававшимся в темном, плохо освещенном коридоре.

– Это здесь, – сказал Харри, когда они дошли до конца коридора.

– ЗДЕСЬ? – переспросил Бьёрн Холм.

Им пришлось наклонить головы, чтобы пройти под лестницами, ведущими в камеры. Харри повернул ключ в замке и открыл железную дверь. В нос ему ударил горячий, влажный и затхлый запах.

Он нажал на выключатель. Квадратная бетонная комната с серо-синим линолеумом на полу и голыми стенами осветилась синим, холодным светом люминесцентных ламп.

В помещении не было окон, не было обогревателя, ничего из того, что ожидаешь увидеть в помещении, которое должно функционировать как рабочий кабинет для трех человек.

Кроме столов с креслами и компьютером для каждого из них. На столе стояла бурая от старости кофеварка и канистра с водой.

– Тут за стенкой бойлерная, обогревающая всю тюрьму, – сказал Харри. – Поэтому так тепло.

– На самом деле тут даже уютно, – сказала Кайя, усаживаясь за один из столов.

– Еще бы, даже немножко напоминает преисподнюю, – согласился Холм, стянул с себя замшевую куртку и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. – А мобильный здесь берет?

– Еле-еле, – ответил Харри. – И интернет есть. У нас есть все, что нам нужно.

– Кроме кофейных чашек, – заметил Холм.

Харри покачал головой. Из карманов плаща он извлек три белые чашки, которые и расставил по столам. Потом из внутреннего кармана выудил пачку кофе и пошел к кофеварке.

– Ты взял их в столовой, – констатировал Бьёрн и поднял чашку, которую Харри поставил перед ним. – «Хэнк Уильямс»?

– Написано фломастером, так что аккуратней, – предупредил Харри и зубами надорвал пакет с кофе.

– «Джон Фанте», – прочла Кайя на своей чашке. – А у тебя самого что?

– Пока ничего, – ответил Харри.

– А почему?

– Потому что там должно стоять имя нашего главного подозреваемого.

Никто из них ничего на это не ответил. Кофеварка жадно заглатывала воду.

– До того как кофе будет готов, я хотел бы услышать три версии, – заявил Харри.

Не успела наполниться вторая чашка, как уже прозвучала шестая версия, и тут Харри прервал сеанс.

– О'кей, это была разминка, просто чтобы мозги разогреть.

Кайя только что предположила, что убийства совершены по мотивам сексуального характера и преступник был уже осужден за подобные действия, знал, что у полиции есть образец его ДНК, и поэтому не разбрызгивал сперму по земле, а онанировал в пакет или куда-то еще, прежде чем покинуть место преступления, так что им для начала стоит просмотреть списки осужденных и поговорить с коллегами из отдела нравов.

– Неужели тебе не кажется, что в этом что-то есть? – спросила она.

– Мне вообще ничего не кажется, – отвечал Харри. – Я пытаюсь сохранить пустоту в мозгах – для чистоты восприятия.

– Но у тебя же должно быть какое-то мнение?

– Да. Я думаю, что три убийства совершены одним и тем же человеком или одними и теми же людьми. И я думаю, что мы можем найти связь между убийствами, которая, в свою очередь, может привести нас к мотиву, который, в свою очередь, – это если нам чертовски повезет, – приведет нас к одному или нескольким виновным.

– Чертовски повезет? Ты хочешь сказать, шансы у нас неважные?

– Ну... – Харри откинулся в кресле, заложив руки за голову. – Специальная литература о серийных убийцах измеряется многими метрами книжных полок. В кино полиция обычно зовет на помощь психолога, а тот, прочитав пару рапортов, воссоздает по ним образ, который точнехонько соответствует действительности, всегда и без исключения. Люди думают, что фильм «Генри: портрет убийцы-маньяка» – это такое универсальное описание, приложимое к любому серийному убийце. Но, к сожалению, в действительности эти убийцы такие же разные, как и все люди вообще. Есть только одно, что отличает их от других преступников.

– И это?

– Их не удастся поймать.

Бьёрн Холм рассмеялся, хотя это было совсем не к месту, и опять замолчал.

– Но ведь это же неправда? – с надеждой спросила Кайя. – А что тогда...

– Ты думаешь о тех случаях, когда удастся установить почерк, а по нему понять, кто за этим стоит. Но вспомни обо всех нераскрытых убийствах, которые по-прежнему считаются единичными, поскольку между ними так и не удалось обнаружить никакой связи. Их тысячи.

Кайя взглянула на Бьёрна. Тот глубокомысленно кивал.

– По-твоему, в данном случае связь существует? – спросила она.

– Ага, – сказал Харри. – И мы должны ее найти, не прибегая к расспросам, чтобы самим не засветиться.

– А тогда как?

– В службе наблюдения, анализируя картинки с угрозами, мы, никого не опрашивая, сосредотачивались исключительно на поиске возможных связей. У нас уже был натовский поисковик, когда никто еще слыхом не слыхивал про Яху или Гугл. С ним мы могли проникать всюду и изучать все, что хоть как-то было отражено в интернете. Здесь придется делать то же самое. – Он взглянул на часы. – Именно поэтому я уже через полтора часа лечу в Берген. И через три часа буду беседовать с одной безработной коллегой, которая, как я надеюсь, сможет нам помочь. Так что давайте закругляться. Кайя и я уже высказались. Бьёрн, что у тебя?

Бьёрн Холм встрепенулся в своем кресле, как будто его только что разбудили:

– Что? У меня?.. Боюсь, немного...

Харри осторожно потрогал скулу:

– Но что-то у тебя есть.

– Да нет. Ни мы в криминалистическом отделе, ни следователь не нашли практически ничего ни по Марит Ульсен, ни по двум другим жертвам.

– За два месяца, – заметил Харри. – Давай выкладывай.

– Могу повторить, – сказал Бьёрн Холм. – В течение двух месяцев мы анализировали, просвечивали насквозь и вглядывались до боли в глазах во все то, что у нас имеется, – фотографии, анализы крови, фрагменты волос, ногтей и так далее. Мы обсудили двадцать четыре версии того, как ему удалось проделать двадцать четыре дырки в глотке у первых двух жертв, так, что линии всех проколов сходятся в одной и той же точке. Но ответа не получили. У Марит Ульсен во рту тоже была рана, но ножевая и рваная, жуткая. Короче говоря, ничего.

– А что с теми камешками в подвале, где была найдена Боргни?

– Проанализировали. Много железа и магния, немножко алюминия и кремния. Так называемая базальтовая порода. Пористая и черная. Ну что, теперь понятнее?

– И у Боргни, и у Шарлотты с внутренней стороны зубов обнаружены следы железа и колтана. Что это означает?

– Что обе они были убиты с помощью одного и того же дьявольского приспособления, но это не приближает нас к разгадке, мы так и не знаем, что это было.

Пауза.

Харри кашлянул:

– Ладно, Бьёрн, выкладывай.

– Что?

– То, что тебе покоя не дает все время, что мы здесь торчим, я же вижу.

Эксперт-криминалист почесал щетину на подбородке, не отрывая глаз от Харри. Кашлянул разок. Потом еще раз. Бросил взгляд на Кайю, как бы прося ее о помощи. Открыл рот, снова его закрыл.

– Хорошо, – сказал Харри. – Тогда переходим к...

– Это насчет веревки.

Двое других посмотрели на Бьёрна.

– Я нашел на ней моллюсков.

– Ого! – спросил Харри.

– Но не нашел соли.

Они все еще смотрели на него.

– Это довольно необычно, – продолжал Бьёрн. – Ракушки в пресной воде.

– То есть?

– То есть я переговорил с биологом, который занимается пресноводными водоемами. Ракушка принадлежит моллюску под названием горошина, одному из самых мелких подвидов, который встречается в Норвегии только в двух озерах.

– И эти озера?

– Эйерен и Люсерен.

– Оба в Эстфолде, – сказала Кайя. – Рядом. Крупные озера.

– В густонаселенном фюльке, – продолжил Харри.

– Сорри, – сказал Холм.

– М-м-м... А веревка – есть какие-то признаки, указывающие, где ее купили?

– Нет, в том-то все и дело, – сказал Холм. – Никаких. И она вообще не похожа ни на одну веревку из тех, что я видел. Только натуральные волокна, ни нейлона, ни каких-то других

искусственных материалов.

– Конопля, – сказал Харри.

– Что? – спросил Холм.

– Конопля. Веревки и гашиш делают из одного и того же растения. Если захочется курнуть, можно просто заскочить в порт и поджечь швартовы у парома в Данию.

– Это не конопля, – сказал Бьёрн Холм, не реагируя на смех Кайи. – Луб вяза и липы. Больше вяза.

– Настоящая кустарная норвежская веревка, – заметила Кайя. – Именно так раньше делали веревки на хуторах.

– На хуторах? – удивился Харри.

Кайя кивнула:

– В каждой деревне был хотя бы один человек, который делал веревки. На месяц опускаешь бревно в воду, чтобы они там размокали, потом снимаешь кору и берешь лыко. А потом ссучиваешь. Получается веревка.

Харри и Бьёрн повернулись на своих креслах к Кайе.

– Что такое? – растерялась она.

– Слушай, – сказал Харри. – По-твоему, это известно каждому?

– А, вот ты о чем... – протянула Кайя. – Просто мой дедушка делал веревки.

– Ага. И для веревок используют вяз и липу?

– В принципе можно использовать лубяные волокна любых деревьев.

– А в какой пропорции?

Кайя пожала плечами:

– Я, конечно, не специалист, но мне кажется, довольно необычно свить в одну веревку лыко от разных пород деревьев. Я помню, Эвен, мой старший брат, говорил, что дедушка использовал только липу, потому что она плохо впитывает воду. И поэтому ему не приходилось смолить свои веревки.

– Что думаешь, Бьёрн?

– Если такие веревки – редкость, тогда, конечно, легче выяснить, где ее сделали.

Харри встал и принялся ходить по комнате взад-вперед. Под резиновыми подошвами линолеум всякий раз жалобно всхлипывал.

– Значит, мы можем предположить, что производство было ограниченным, а продажа – локальной. Как, Кайя, тебе такая версия кажется приемлемой?

– Пожалуй.

– И мы также можем предположить, что места, где веревка была сделана и где ею пользовались, находились друг от друга неподалеку. Эти кустарные веревки вряд ли уезжали далеко от дома.

– По-прежнему звучит вполне правдоподобно, но...

– Давайте примем эту точку зрения за исходный пункт. Вы начинаете искать кустарных производителей веревок рядом с озерами Люсерен и Эйерен.

– Но сейчас такие веревки уже больше никто не делает, – запротестовала Кайя.

– Постарайтесь, – сказал Харри, взглянул на часы, схватил пальто, висевшее на спинке кресла, и пошел к двери. – Выясните, где сделали эту веревку. Я исхожу из того, что Бельман не знает про этих горошин. Или как, Бьёрн?

Вместо ответа Бьёрн выдавил улыбку.

– Ничего, если я проработаю версию насчет убийств на сексуальной почве? – спросила

Кайя. – Я могла бы переговорить кое с кем из отдела нравов. У меня там есть знакомые.

– Ответ отрицательный, – сказал Харри. – Общее распоряжение держать язык за зубами насчет того, чем мы занимаемся, в особенности относится к нашим дорогим коллегам из Управления полиции. Похоже, кто-то в Управлении сливает информацию в КРИПОС, так что здесь мы разговариваем только с Гуннаром Хагеном.

Кайя открыла было рот, но взгляд Бьёрна заставил ее промолчать.

– Но ты можешь заняться кое-чем еще, – сказал Харри. – Найти эксперта-вулканолога. И отправить ему результаты анализа этих мелких камешков.

Светлые брови Бьёрна поползли на лоб.

– Пористый черный камень, базальтовая горная порода, – напомнил Харри. – Бьюсь об заклад, что это лава. Вернусь из Бергена часа в четыре.

– Передавай привет Управлению полиции в Бэ-э-эйгтене, – проблеял Бьёрн и поднял вверх чашку с кофе.

– Я не в Управление, – сказал Харри.

– Да? А куда же?

– В больницу «Саннвикен».

– Сан...

Дверь за Харри захлопнулась. Кайя посмотрела на Бьёрна Холма, который, открыв рот, все смотрел на закрывшуюся дверь.

– А что ему там делать? – поинтересовалась она. – Он к судебному медику?

Бьёрн покачал головой:

– «Саннвикен» – больница для душевнобольных.

– Да? Значит, он поехал к специалисту по серийным убийствам или что-то в этом роде?

– Так я и знал, что надо было отказаться, – сказал Бьёрн. – Если начальство узнает, чем мы тут занимаемся, мы рискуем работой, а коллега в Бергене...

– Что?

– Она и вправду не в себе.

– Ты хочешь сказать, что она...

– На принудительном лечении в закрытом отделении, вот что я хочу сказать.

Глава 18

Пациентка

Если высокий полицейский делал один шаг, то Хьерсти Рёдсмуен приходилось делать два. И все равно она отставала, идя за ним по коридорам больницы «Саннвикен». За высокими узкими окнами, смотрящими вниз, на фьорд, хлестал дождь. Сосны и ели были такими зелеными, что казалось, вместо зимы пришла весна.

Вчера, едва услышав голос полицейского по телефону, Хьерсти Рёдсмуен сразу же его узнала. Как будто ждала, что он позвонит. И попросит именно о том, о чем он и попросил: поговорить с Пациенткой. Пациентку называли Пациенткой, чтобы обеспечить ей максимальную анонимность после дела об убийствах почти годичной давности, которое она расследовала, из-за чего и оказалась там, откуда вышла: в психиатрической клинике. По правде говоря, оправилась она на удивление быстро, снова вернулась домой, но пресса, которая по-прежнему билась в истерику по поводу этого Снеговика, хотя дело давно было закрыто, не оставляла ее в покое. И однажды вечером три месяца назад Пациентка позвонила Рёдсмуен и спросила, нельзя ли ей опять в больницу.

– Значит, она в приличной форме? – поинтересовался полицейский. – На лекарствах?

– Отвечаю «да» на первый вопрос, – сказала Хьерсти Рёдсмуен. – А на второй не отвечу, поскольку обязана молчать.

Правда же состояла в том, что Пациентка была настолько здорова, что ей не нужны были ни лекарства, ни госпитализация. Тем не менее Рёдсмуен сомневалась, следует ли разрешить полицейскому навестить Пациентку, ведь он тоже участвовал в раскрытии дела Снеговика и может вновь вытащить на свет божий старое и забытое. В свое время Хьерсти Рёдсмуен как психиатр имела возможность убедиться в благотворности вытеснения, в том, что травме надо дать инкапсулироваться, уйти в забвение. Правда, коллегами эта точка зрения недооценивалась. С другой стороны, встреча с человеком, который расследовал то же дело, могла бы стать для Пациентки хорошей проверкой на степень выздоровления.

– У вас полчаса, – предупредила Рёдсмуен, прежде чем открыть дверь в общую гостиную. – И помните: душа уязвима.

Когда Харри увидел Катрину Братт в прошлый раз, он ее не узнал. Вместо красивой женщины под тридцать, темноволосой, с огнем под кожей и в глазах, на него смотрело существо, напоминавшее засохший цветок: безжизненное, безумное, хрупкое, бесцветное. Он испугался тогда, что сломает ей руку, если пожмет ее чуть сильнее.

Тем отраднее было видеть ее сейчас. Она выглядела старше, а может быть, просто устала. Когда она улыбнулась и поднялась ему навстречу, он увидел в ее глазах знакомый огонек.

– Харри Хо! – сказала она и обняла его. – Как дела?

– Ничего, плюс-минус, – ответил Харри. – А ты как?

– Ужасно, – ответила она. – Но теперь гораздо лучше.

Она засмеялась, и Харри понял, что она снова здесь. По крайней мере, большая ее часть.

– А что у тебя со скулой? Болит?

– Только когда говорю или ем, – сказал Харри. – И еще когда просыпаюсь.

– Знакомая песня. Ты стал еще противней, чем я тебя помню, но я все равно рада тебя

видеть.

– Аналогично.

– Ты хочешь сказать, что я стала еще противней?

Харри улыбнулся:

– Конечно.

Он огляделся. Другие пациенты в комнате сидели и смотрели кто в окно, кто вниз, на сложенные руки, а кто и просто в стену. Но не похоже было, чтобы они с Катриной вызывали чей-то интерес.

Харри рассказал о том, что произошло со времени их прошлой встречи. Что Ракель и Олег уехали за границу и адрес их неизвестен. О Гонконге. О болезни отца. О деле, которым он занимается. Она засмеялась, когда он предупредил, чтобы она никому об этом не рассказывала.

– Что с тобой? – спросил Харри.

– По правде говоря, меня хотят выпроводить отсюда, тут считают, что я здорова и просто занимаю место. Но мне здесь нравится. Еда оставляет желать лучшего, но здесь безопасно. У меня есть телевизор, и я могу приходить и уходить, когда захочу. Может, через месяц-другой я и вернусь домой, кто знает?

– Кто знает?

– Никто. Безумие приходит и уходит. Что тебе надо?

– А что бы тебе хотелось?

Она долго смотрела на него, прежде чем ответить:

– Помимо того что мне хотелось бы, чтобы ты захотел меня трахнуть, я хотела бы тебе помочь.

– Именно это мне и нужно.

– Трахнуть меня?

– Чтобы ты мне помогла.

– Черт. Ну ладно. О чем речь?

– У вас тут есть компьютер с выходом в интернет?

– У нас есть общий компьютер в общей гостиной, но он не подключен к интернету, они не рискуют. Так что его используют исключительно для раскладывания пасьянсов. Но у меня в палате есть мой собственный компьютер.

– Воспользуйся общим. – Харри сунул руку в карман и вытащил USB-модем. Перебросил через стол. – Это «мобильный офис», так сказали в магазине. Его надо только воткнуть...

– ...в один из разъемов для USB, – сказала Катрина, взяла модем и сунула в карман. – А кто платит за абонентское обслуживание?

– Я. То есть Хаген.

– Эх, порезвлюсь я сегодня в Сети. Есть какие-нибудь новые горячие порносайты, о которых мне следует знать?

– Вероятно. – Харри перекинул по столу папку. – Вот здесь рапорты. Три убийства, три имени. Мне хочется, чтобы ты сделала то же самое, что и в деле Снеговика. Нашла связи, которые мы пропустили. Ты слышала что-нибудь об этом деле?

– Да, – ответила Катрина Братт, не глядя на папку. – Все они женщины. Вот и связь.

– Ты читаешь газеты...

– Иногда. А почему ты думаешь, что тут не просто случайные жертвы?

– Я ничего не думаю, я ищу.

– Но не знаешь, что именно?

– Верно.

– Однако ты уверен, что преступник в случае Марит Ульсен тот же, что и в двух других?

Насколько я поняла, способ убийства совсем другой.

Харри улыбнулся: Катрина пытается скрыть, что всегда очень внимательно отслеживает все детали в газетах.

– Нет, Катрина, я не уверен. Но как я понял, ты сделала тот же вывод, что и я.

– Ясное дело. Мы же с тобой два сапога пара, забыл?

Она засмеялась и тут же стала прежней Катриной, а не просто тенью той блестящей эксцентричной сыщицы, с которой он едва успел познакомиться, как все рухнуло. К своему удивлению Харри почувствовал ком в горле. Проклятая разница часовых поясов.

– Как думаешь, сможешь помочь?

– Найти то, на что КРИПОС потратила два месяца? С древним компьютером в общей гостиной местной психушки? Я даже не знаю, почему ты меня об этом просишь. В Управлении полиции есть люди, которые гораздо лучше умеют искать в интернете.

– Я знаю, но у меня есть то, чего нет у них. То, что я не могу им дать. Пароль в пропасть.

Она посмотрела на него непонимающе. Харри огляделся, чтобы убедиться, что их никто не может услышать.

– Когда в свое время я работал в Службе наблюдения, то получил доступ к искалкам, которые использует норвежская Служба безопасности для слежки за террористами. Они применяют секретные системы доступа в интернет, которые MILNET, американская военная сеть, придумала еще до того, как в восьмидесятых годах ее отдали для коммерческого использования через ARPANET. Как тебе известно, ARPANET стала интернетом, но тайные ходы остались. Такие поисковики используют трояны, которые сами подбирают пароли и коды и скачивают обновления. Заказ билетов на самолет, бронирование номеров в гостиницах, проезд по платным дорогам, банковские операции в Сети – эти поисковики найдут все, что угодно.

– Я слышала про эти поисковики, но, честно говоря, не верила, что они действительно существуют, – сказала Катрина.

– Существуют. Введены в восемьдесят четвертом. Оруэлловский кошмар стал явью. Но самое замечательное – мой пароль все еще действителен. Я проверял.

– Так зачем тебе я? Ты ведь можешь сделать это и сам.

– Систему может использовать только Служба безопасности и, как я уже сказал, лишь в кризисной ситуации. Дело в том, что в ней, как и в Гугле, можно проследить, кто ищет информацию. И если окажется, что я или кто-то другой в Управлении полиции использует поисковик, нам грозит судебное преследование. Но если будут искать того, кто отправил запрос, и обнаружат, что след ведет к общему компьютеру в психиатрической клинике...

Катрина Братт засмеялась. Это был иной смех – злой смех ведьмы.

– Начинаю понимать. Я нужна здесь не как гениальная сыщица Катрина Братт, но... – она взмахнула рукой, – как пациентка Катрина Братт. Ведь ее все равно нельзя привлечь к суду, поскольку она невменяемая.

– Верно, – улыбнулся Харри. – И потом, ты одна из тех немногих, про которых я точно знаю, что они не будут болтать. И вот что еще: если ты и не гениальна, то, во всяком случае, сообразительность у тебя выше средней.

– Иди ты в задницу!

– Никто не узнает, чем мы занимаемся. Но я тебе гарантирую, что мы с тобой тут – The Blues Brothers^[38].

– On a mission from God!^[39]

– Я пароль на обороте симки написал.

– А почему ты уверен, что я смогу разобраться с этими искомками?

– Они устроены как Гугл. Даже я в них разобрался, когда сидел в Службе безопасности. – Он криво улыбнулся. – Ведь их разрабатывали для полицейских.

Она глубоко вздохнула.

– Спасибо, – поблагодарил Харри.

– Я ничего не обещала!

– Как думаешь, когда у тебя что-то для меня будет?

– Пошел ты знаешь куда! – Она стукнула кулаком по столу.

Харри увидел, что санитар внимательно посмотрел на них. Харри выдержал дикий взгляд Катрины. Подождал.

– Я не знаю, – прошептала она. – Скажем так: вряд ли я буду среди бела дня сидеть в общей гостинной и использовать нелегальные искомки.

Харри встал.

– О'кей, я свяжусь с тобой через три дня:

– Ты ничего не забыл?

– А что?

– Рассказать мне, what's-in-it-for-me?^[40]

– Ладно, – сказал Харри и застегнул плащ. – Теперь я знаю, что ты хочешь.

– Что я хо... – Удивление на ее лице сменилось смущением, и она прокричала вслед Харри, который уже шел к двери: – Наглец чертов! Навоображал себе там!

Харри сел в такси, произнес «Аэропорт», выудил из кармана телефон, увидел, что было три неприятных звонка с одного из всего двух номеров в его списке контактов. Отлично, значит, у них что-то появилось.

Он перезвонил.

– Люсерен, – сказала Кайя. – Там была веревочная мастерская, но ее закрыли пятнадцать лет тому назад. После обеда ленсман в Утре-Энебакке покажет нам это место. У него в районе есть несколько типов с криминальным прошлым, но все по мелочи: кража со взломом и угоны. Плюс еще один, который отсидел за избиение жены. Но он переслал нам весь список, и я его сейчас сверяю со списком лиц, имеющих судимость за сексуальные преступления.

– Хорошо. Подхватите меня в Гардермуене, это по дороге к Люсерен.

– Вовсе не по дороге.

– Ты права. Все равно подхватите.

Глава 19

Белая невеста

Скорость была невелика, «вольво-амазон» Бьёрна Холма кряхтел и пыхтел на узкой дороге, которая вилась между полями и равнинами Эстфолда.

Харри спал на заднем сиденье.

– Так что вокруг Люсерена – никаких преступлений на сексуальной почве, – сказал Бьёрн.

– Это задержан никто не был, – поправила его Кайя. – Ты не смотрел опрос в «Вердене ганг»? Только один человек из двадцати признается, что совершал то, что сейчас может быть охарактеризовано как сексуальное домогательство.

– А что, люди, участвующие в таких опросах, говорят правду? Если бы я зашел с дамой слишком далеко, то у меня хватило бы ума, чтобы потом выбросить это из головы.

– А ты что, заходил слишком далеко?

– Я? – Бьёрн повернул и промчался мимо трактора, поддав газа. – Не-е. Я – из тех девятнадцати. Утре-Энебакк. Черт, как же его зовут-то, этого придурка из телика, который родом отсюда? Этого деревенского придурка с разбитым стеклом в очках и мопедом? Такой-то из Утре-Энебакка. Обхохочешься прямо.

Кайя пожала плечами. Бьёрн посмотрел в зеркало, но увидел только открытый рот Харри.

Ленсман из Утре-Энебакка стоял у очистных сооружений у Вёйентанген и ждал их, как и было условлено. Они припарковались, он представился: Скай, что особенно понравилось Бьёрну Холму, а потом они пошли за ним вниз к плавучей пристани, у которой примерно дюжина лодок покачивалось на спокойной воде.

– Рано еще вытаскивать лодки на воду, – заметила Кайя.

– В этом году льда так и не было, да и не будет уже, – сказал ленсман. – Это впервые. Я тут родился, а такого не припомню.

Они ступили в широкую плоскодонку. Бьёрн – немного осторожнее, чем остальные.

– Да здесь мелко, – сказала Кайя, а ленсман оттолкнул плоскодонку от причала.

– Йес, – ответил он, глянул вниз на воду и завел мотор, решительно дернув за шнур. – Но веревочная мастерская на другом берегу, там глубоко. Можно доехать и по суше, дорога туда почти доходит, но там склон такой крутой, что иначе чем на лодке не доберешься. – Он поставил переключатель на переднюю скорость. Птица неизвестного вида поднялась с дерева в глубине ельника и предостерегающе прокричала – неизвестно что.

– Ненавижу море, – признался Бьёрн.

Харри едва смог расслышать его из-за грохота двухтактного навесного мотора. Они скользили в сером предвечернем свете по полосе чистой воды между стенами камыша высотой метра в два, миновали кучу веток, – Харри предположил, что это бобровая хатка, – и дальше, по каналу среди полузатопленных деревьев, похожих на мангровые заросли.

– Это озеро, – заметил Харри. – А не море.

– Хрен редьки, – сказал Бьёрн и отодвинулся от борта на середину банки. – По мне, ничего нет лучше суши, где-нибудь подальше от моря, чтоб только коровий навоз и горы.

Канал расширился, и озеро Люсерен наконец открылось их взору. Лодка, пыхтя, проплывала мимо каменных утесов и островков с покинутыми на зиму дачками – их черные

окна, казалось, следили за ними бдительным взглядом.

– Дачки от Герхардсена^[41], – прокомментировал ленсман. – Здесь у тебя никогда не будет стресса, как на Золотом берегу, где ты просто вынужден соревноваться с соседом – у кого яхта больше или роскошнее пристройка к даче. – Он сплюнул в воду.

– Как же его все-таки зовут, этого смешного придурка по телевизору, который из Утре-Энебакка? – спросил Бьёрн, стараясь перекричать шум мотора. – У него еще очки разбиты. И мопед.

Ленсман безо всякого выражения посмотрел на Бьёрна Холма и медленно покачал головой.

– Веревочная мастерская, – сказал он.

Впереди, на берегу, почти у самой воды Харри увидел старое удлиненное деревянное строение, одиноко стоящее под крутым склоном холма. С двух сторон к нему вплотную подступал лес. Рядом с мастерской вдоль отвесной стены горы шли рельсы и исчезали в черной воде. Сурик на стенах дома облупился, а окна и двери зияли открытыми проемами без стекол. Харри прищурился. Наступали сумерки, и казалось, что в одном из окон стоит одетый в белое человек и смотрит на них.

– Черт, настоящий дом с привидениями, – засмеялся Бьёрн.

– Да, так говорят, – сказал ленсман Скай и выключил мотор.

Во внезапно наступившей тишине они услышали, как смех Бьёрна эхом отозвался на другом берегу, а следом раздался звон одинокого овечьего колокольчика, долетевший до них через все озеро.

Кайя прыгнула на берег и с проворством, говорящим о том, что это было для нее делом привычным, привязала причальный конец к полусгнившему позеленевшему столбику, торчащему между водяных лилий.

Они сошли с плоскодонки на огромные валуны, которые использовались в качестве причала. Шагнули в дверной проем и оказались в очень длинном, узком и пустом помещении, пахнущем рыбьим жиром и мочой. Снаружи здание выглядело короче, часть его скрывал густой лес. Если ширина дома составляла чуть больше двух метров, то от торца до торца было метров шестьдесят.

– Тут вставляли с двух концов мастерской и ссучивали веревку, – объяснила Кайя прежде, чем Харри успел задать вопрос.

В одном углу валялись три пустые пивные бутылки, и было видно, что кто-то пытался развести костер. На противоположной стене, перед парой оторванных досок, висели сети.

– После Симонсена желающих взять себе эту мастерскую не оказалось, – пояснил ленсман и огляделся. – Так и пустует с тех пор.

– А для чего тут рельсы? – поинтересовался Харри.

– Ну, во-первых, для того, чтобы спускать и поднимать лодку, на которой привозили бревна. И еще для того, чтобы держать бревна под водой, когда они отмокают. Он привязывал стволы к вагонеткам, которые наверняка все еще стоят там наверху, в сарае. А потом пускал вагонетки в воду и поднимал наверх через несколько недель, когда дерево уже доходило до нужной кондиции. Он практичный был, Симонсен.

Все вздрогнули, когда в лесу, прямо за стеной домика, вдруг раздалось блеяние.

– Овца, – сказал ленсман. – А может, олень.

Они последовали за ним по узкой лестнице на второй этаж. Посреди комнаты стоял огромный длинный стол. Оба конца похожей на коридор комнаты терялись в темноте. Под

подоконниками валялись осколки разбитого оконного стекла, в окна задувал ветер и, тихо посвистывая, трепал изъеденную молью подвенечную вуаль на женщине, глядящей на озеро. Это был манекен, ниже торса виднелся скелет: черный железный штатив на колесиках.

– Симонсен использовал ее как пугало, – сказал Скай и кивнул в сторону фигуры.

– Жутковато, – отметила Кайя, подошла поближе к ленсману и, поеживаясь, закуталась в куртку поплотнее.

Он взглянул на нее и криво улыбнулся:

– Вся здешняя ребятня боялась ее до смерти. Взрослые говорили, что в полнолуние она бродит по окрестностям и ищет своего возлюбленного, который бросил ее в день свадьбы. И что ее появление сопровождается скрипом несмазанных колесиков. Я ведь и сам вырос недалеко отсюда, в Хаге.

– Правда? – удивилась Кайя, а Харри подавил улыбку.

– Йес, – сказал Скай. – Это, кстати, единственная известная женщина в окружении Симонсена. Он был такой одинокий волк. Но веревки делать умел.

Бьёрн Холм, находившийся у них за спиной, поднял кусок веревки, висящий на гвозде.

– А что, разве я сказал, что тут можно что-то трогать? – спросил ленсман, не оборачиваясь.

Бьёрн поспешил повесить веревку на место.

– О'кей, шеф, – сказал Харри и улыбнулся Скаю, не разжимая губы. – Можно тут что-то трогать?

Ленсман окинул Харри оценивающим взглядом.

– Вы мне еще не рассказали, в чем дело.

– Это строго конфиденциально, – сказал Харри. – Прошу прощения. Экономические преступления. Сами понимаете.

– Вот как? Если вы – тот самый Харри Холм, как мне кажется, то вы работаете с убийствами.

– Ну, – ответил Харри, – на сей раз это инсайд, незаконная покупка акций, уклонение от уплаты налогов и подлог. Не все ж в дерьме копать.

Ленсман Скай прищурил глаз. Птица прокричала снова.

– Вы конечно же правы, Скай, – сказала Кайя и вздохнула. – Именно я должна была позаботиться о том, чтобы получить в Управлении разрешение на обыск, но вы же знаете, у нас людей не хватает, и мы бы сэкономили кучу времени, если бы только смогли... – Она улыбнулась своей милой улыбкой, обнажив мелкие острые зубки, и кивком показала на веревку.

Скай взглянул на нее. Покачался взад-вперед на каблуках своих резиновых сапог. Потом кивнул.

– Буду ждать в лодке, – сказал он.

Бьёрн сразу же принялся за дело. Положил кусок веревки на длинный стол, открыл маленький рюкзак, с которым приехал, включил карманный фонарик со шнурком, на конце которого был рыболовный крючок, и закрепил крючок между двумя досками на потолке. Достал свой лэптоп, переносной микроскоп, формой и размером напоминающий молоток, подключил его к USB-порту на лэптопе, проверил, передает ли микроскоп картинки на экран, а потом открыл снимок, который перенес на лэптоп перед отъездом.

Харри встал рядом с невестой и посмотрел вниз на озеро. В лодке мерцал огонек сигареты. Он взглянул на рельсы, уходящие в воду. Глубоко. Харри никогда не любил купаться

в пресной воде, особенно после того случая, когда они с Эйстейном решили прогулять школу, поехали на озеро Хауктьерн в Эстмарке и прыгнули там с Чертова обрыва, про который говорили, что он двенадцать метров высотой. И Харри – как раз тогда, когда он, прыгнув, уже должен был войти в воду, – вдруг увидел прямо перед собой в воде гадюку, а потом над его головой сомкнулась стеклянно-зеленая ледяная тьма. В панике он выхлебал, наверное, половину озерца и уже решил, что больше никогда не увидит дневного света и не будет дышать воздухом.

Харри почувствовал знакомый аромат и понял, что Кайя стоит у него за спиной.

– Бинго, – услышали они тихий голос Бьёрна Холма у себя за спиной.

Харри повернулся к нему:

– Тот же тип веревки?

– Вне всякого сомнения, – ответил Бьёрн, держа свой молоткообразный микроскоп у конца веревки и нажимая на клавиши. – Липа и вяз. Та же толщина и длина волокон. Но самое примечательное – свежий срез на конце веревки.

– Что?

Бьёрн показал на экран.

– Слева картинка, которую я привез с собой. Она показывает конец веревки во Фрогнербадет, увеличенный в двадцать пять раз. А на этой картинке у меня великолепное...

Харри закрыл глаза, чтобы еще лучше насладиться словом, которое, как он знал, вот-вот последует:

– ...совпадение.

Глаза его были по-прежнему закрыты. Вербка, на которой была повешена Марит Ульсен, не просто изготовлена здесь, она отрезана от той, которая сейчас лежала перед ними. И срез совсем свежий. Значит, убийца совсем недавно стоял там, где сейчас стояли они. Харри принялся.

На улице было темно хоть глаз коли. Харри едва-едва мог различить в проеме окна что-то белое, когда они отплывали.

Кайя села рядом с Харри на носу лодки. Чтобы он мог ее расслышать сквозь рев мотора, ей пришлось наклониться к нему вплотную.

– Человек, забравший отсюда веревку, должен хорошо знать эти места. И между этим человеком и убийцей не может быть слишком много звеньев...

– Я думаю, что этих звеньев просто нет, – произнес Харри. – Срез совсем свежий. И маловероятно, чтобы веревка переходила из рук в руки.

– Значит, этот человек знает здешние места, может, у него здесь дача, – подумала Кайя вслух. – Или же он здесь вырос.

– Но зачем надо ехать в такую даль, в заброшенную веревочную мастерскую, чтобы разжиться несколькими метрами веревки? – спросил Харри. – Сколько в магазине стоит длинная веревка? Пару сотен?

– Может, он случайно оказался здесь поблизости и знал, что тут есть веревка.

– О'кей, но тогда это значит, он жил здесь на одной из ближайших дач. Потому что всем остальным, чтобы добраться до мастерской, нужно плыть на лодке. Ты составишь...

– Да, я составлю список ближайших соседей. Кстати, я разыскала тебе вулканолога. Один ботан в Геологическом институте. Феликс Рёст. Занимается вулканами. Из тех, кто ездит по всему миру, смотрит на вулканы, извержения и все такое.

– Ты с ним говорила?

– Только с сестрой, они живут вместе. Она попросила меня написать ему на мейл или послать эсэмэску. По-другому он просто ни с кем не общается, так она сказала. Кроме того, его в тот момент не было дома, где-то в шахматы играл. Я перешлю ему камни и информацию.

Они скользили по зеленому каналу по направлению к пристани. Бьёрн держал карманный фонарик, который освещал им путь и указывал дорогу – над водой уже сгустился туман. Ленсман выключил мотор.

– Смотрите! – прошептала Кайя и еще плотнее прижалась к Харри. Он взглянул туда, куда она указывала пальцем, и почувствовал ее запах. В камыши за пристанью из тумана скользнул большой белый одинокий лебедь – прямо в пучок света от карманного фонарика.

– Боже, как... красиво, – завороченно прошептала она, засмеялась и быстро сжала его руку.

Скай проводил их до очистных сооружений. Они сели в «амазон» и уже собирались отъехать, как вдруг Бьёрн лихорадочно опустил стекло и прокричал ленсману:

– ФРИТЬОФ!

Скай остановился и медленно повернулся. Свет одного из фонарей падал на его груботесаное, лишенное всякого выражения лицо.

– Этот придурок из телевизора, – прокричал Бьёрн. – Фритьоф из Утре-Энебакка.

– Из Утре-Энебакка? – переспросил Скай и сплюнул. – Первый раз слышу.

Когда «амазон» через двадцать пять минут свернул на шоссе у мусоросжигательного завода в Грёнму, Харри принял решение.

– Мы должны организовать утечку этой информации в КРИПОС, – сказал он.

– Что? – спросили хором Бьёрн и Кайя.

– Я говорил с Беатой. Она направит вверх рапорт о том, что это ее люди из криминалистического отдела выяснили все про веревку, а не мы.

– Почему? – поинтересовалась Кайя.

– Если убийца живет в районе Люсерена, нужно будет проводить обыск во всех домах, а у нас для этого нет ни возможностей, ни людей.

Бьёрн Холм стукнул кулаком по рулю.

– Знаю, – сказал Харри. – Самое главное – взять его, а кто именно это сделает, не так и важно.

Дальше они ехали в полном молчании. Фальшь только что сказанных слов повисла в воздухе, точно эхо.

Электричество все-таки отключили. Стоя в темноте в коридоре, Харри пару раз нажал выключатель. Потом то же самое проделал в гостиной.

Потом сел в кресло с подголовником и уставился в темноту.

Он все еще сидел в кресле, когда зазвонил мобильник.

– Холе.

– Феликс Рёст.

– Как? – переспросил Харри. Если судить по голосу, говорила маленькая хрупкая женщина.

– Это Фрида Ларсен, его сестра. Он попросил меня позвонить вам и сказать, что камни, которые вы нашли, – мафическая базальтовая лава. Ясно?

– Погодите! Что это означает? Мафическая?

– Это горячая лава, больше тысячи градусов, низкой вязкости, поэтому при извержении растекается и распространяется довольно далеко.

– Она может быть из Осло?

– Нет.

– А почему? Осло ведь стоит на лаве.

– На старой лаве. А эта лава свежая.

– Насколько свежая?

Он слышал, что она закрыла трубку рукой и говорит с кем-то. Или с чем-то, другого голоса он не слышал. Судя по всему, ей ответили, потому что она почти сразу же сказала:

– Он сказал – от пяти до пятидесяти лет. Но если вы хотите найти, из какого вулкана эта лава, вам предстоит большая работа. В мире больше тысячи пятисот действующих вулканов. И это только те, которые известны. Если у вас есть еще вопросы, с Феликсом можно связаться по электронной почте. У вашей ассистентки есть адрес.

– Но...

Она уже положила трубку.

Он подумал, не стоит ли перезвонить, но передумал и набрал другой номер.

– «Осло-такси».

– Привет, Эйстейн, это Харри Хо.

– Иди в жопу. Харри Хо умер.

– Не совсем.

– Ладно, тогда это я умер.

– Не хочешь ли подвезти меня с Софиес-гате до отчего дома?

– Нет, не хочу, но все равно отвезу. Сейчас только выполню этот заказ. – Эйстейн засмеялся и закашлялся. – Харри Хо. Черт... Перезвоню, когда приеду.

Харри положил трубку, прошел в спальню, в свете уличного фонаря, светившего в окно, сложил сумку, забрал пару компакт-дисков из гостиной, светя себе мобильным телефоном. Блок сигарет, наручники, служебный пистолет.

Потом вновь уселся в кресло и воспользовался темнотой для того, чтобы повторить упражнение с револьвером. Завел будильник на наручных часах, повернул барабан на своем «смит-вессоне», разрядил и зарядил его. Четыре патрона вынул, четыре вставил, никакой

спешки, только проворство пальцев. Снова крутанул барабан, чтобы первый патрон шел первым. Стоп. Девять шестьдесят шесть. Почти на три секунды больше, чем его же личный рекорд. Он открыл барабан. Промех. Первая камора, которая была готова к выстрелу, оказалась одной из двух пустых. Значит, он убит. Он повторил упражнение. Девять пятьдесят. И снова он убит. Когда Эйстейн перезвонил через двадцать минут, он уже укладывался в восемь секунд и был убит шесть раз.

– Иду, – сказал Харри.

Он вышел на кухню. Посмотрел на дверцу под мойкой. Поколебался. Потом взял фотографии Ракель и Олега и сунул во внутренний карман.

– Гонконг? – фыркнул Эйстейн Эйкеланн. Он повернул свое пропитое лицо с брутальным носом-рубильником и печальными висячими усами к Харри, сидящему на заднем сиденье. – Какого черта ты туда уехал?

– Ну, ты ж меня знаешь, – сказал Харри, когда Эйстейн остановился на красный свет у гостиницы «Рэдиссон-САС».

– Ни черта я тебя не знаю, – сказал Эйстейн и принялся скручивать папиросу. – Почему я должен тебя знать?

– Ну, мы же выросли вместе. Забыл?

– И чего? Ты уже тогда был одна сплошная загадка, Харри.

Распахнулась задняя дверь, и мужчина в пальто плюхнулся на сиденье:

– Аэроэкспресс, Бюпортен. Быстро.

– Занято, – сказал Эйстейн, не оборачиваясь.

– Ерунда, у вас не выключен огонек на крыше.

– Гонконг – это круто. А чего ты вернулся, собственно говоря?

– Извините, – сказал мужчина на заднем сиденье.

Эйстейн сунул папиросу в рот и прикурил.

– Звонил Валенок, зовет на дружескую вечеринку сегодня вечером.

– У Валенка нет друзей, – возразил Харри.

– Ну! Я так его и спросил: «А кто у тебя друзья?» «Ты», – сказал он и спросил: «А у тебя, Эйстейн?» «Ты», – ответил я. Так что нас двое. Мы просто-напросто забыли про тебя, Харри. Так бывает, когда ты уезжаешь в... – Он сложил губы в трубочку и смешно произнес: – Гонконг!

– Эй, але, – послышалось с заднего сиденья. – Если вы закончили, то мы, наверное, можем...

Загорелся зеленый, и Эйстейн нажал на газ.

– Так ты приедешь? Это будет дома у Валенка.

– Там такая вонь, Эйстейн.

– Но у него полон холодильник.

– Сорри, у меня нет настроения для вечеринок.

– Настроения для вечеринок? – фыркнул Эйстейн и стукнул ладонью по рулю: – Что ты знаешь о настроении для вечеринок, Харри? Ты всегда от всех вечеринок увиливал. Помнишь? Мы купили пива, собрались ехать на какую-то хату в Нурстранне, где была масса телок. И вдруг ты предлагаешь, чтобы ты, я и Валенок вместо этого поехали в бункеры и напились бы там сепаратно.

– Эй, эта дорога не идет к аэроэкспрессу, – взвизгнули на заднем сиденье.

Эйстейн вновь затормозил на красный, отбросил с лица свои жидкие волосы, достигающие ему до плеч, и повернулся к заднему сиденью:

– Там мы и остались. Надрались, как сволочи, и вот он начал петь «No Surrender»^[42], а Валенок стал бросать в него пустые бутылки.

– Послушайте! – захныкал мужчина и ткнул пальцем в стекло часов «Таг Хоер». – Мне *необходимо* успеть на последний самолет в Стокгольм.

– Хорошо было у бункеров, – сказал Харри. – Лучший вид на город.

– Ага, – согласился Эйстейн. – Если бы союзники только попробовали, то немцы бы их всех положили.

– Точно, – ухмыльнулся Харри.

– Понимаешь, у нас есть клятва, которую никто не отменял, – у него, меня и Валенка, – объяснил Эйстейн человеку в костюме, который отчаянно вглядывался в темноту за стеклом машины, пытаясь высмотреть свободное такси. – Что, если придут эти чертовы союзники, мы их всех изрешетим. Вот так. – Эйстейн поднял воображаемый автомат, наставил его на мужчину в костюме и нажал на спуск. Мужчина в ужасе посмотрел на ненормального шофера такси, издал какие-то квохчущие звуки, так что мелкие белые капли пенистой слюны упали на темные отглаженные брюки. И, с судорожным вздохом распахнув дверцу машины, вывалился в дождь.

Эйстейн заржал.

– Ты заскучал по дому, – сказал он. – Тебе снова захотелось потанцевать с Killer Queen в ресторане «Экеберг».

Харри засмеялся и покачал головой. В боковое стекло он видел, что мужчина рванул в сторону Национального театра.

– Дело в моем отце. Он болен. Ему недолго осталось.

– Черт. – Эйстейн снова нажал на газ. – Он хороший мужик.

– Спасибо. Я подумал, ты должен знать.

– Ясное дело. Скажу моим старикам.

– Ну, приехали, – произнес Эйстейн, когда они припарковались у гаража возле желтого деревянного особняка в Оппсале.

– Ага, – сказал Харри.

Эйстейн затянулся так резко, что казалось, сигарета сейчас вспыхнет, – глубоко, до самых легких, и выпустил дым с длинным булькающим хрипом. Потом склонил голову на плечо и смахнул пепел в пепельницу. У Харри сладко кольнуло в сердце. Сколько раз он видел Эйстейна именно за этим занятием, видел, как тот отклоняется в сторону, словно сигарета настолько тяжела, что иначе он просто потеряет равновесие. Эта склоненная набок голова. Пепел на пол в курилке в школе, в пустую бутылку из-под пива на вечеринке, куда они явились незваными, на холодный сырой бетон в бункере.

– Жизнь чертовски несправедлива, – сказал Эйстейн. – Твой отец не пил, по воскресеньям ходил на прогулки и работал учителем. А мой папаша пил, работал на фабрике «Кадок», где все заработали себе астму и странную сыпь, и не двигался ни на миллиметр, едва добравшись до дивана. И папашка здоров как бык.

Харри помнил фабрику «Кадок». Или «Кодак», если читать обратно. Владелец, родом из Сюннмёре, прочитал, что Истмен назвал свою фабрику по производству фотоаппаратов «Кодак», потому что это название легко запомнить и произнести на любом языке мира. Но

«Кадок» закрыли и забыли много лет тому назад.

– Всему приходит конец, – сказал Харри.

Эйстейн кивнул, как будто следил за ходом его мыслей.

– Позвони, если нужно будет, Харри.

– Ладно.

Харри подождал, пока стихнет шуршание колес по гравию, потом открыл дверь и вошел. Он включил свет и постоял, покуда дверь за ним не захлопнулась. Запах, тишина, свет, упавший на гардероб, – все разговаривало с ним, это было как погружение в бассейн с воспоминаниями. Они окутали его, согрели, так что перехватило горло. Он стянул с себя плащ и сбросил ботинки. А потом начал обход. Из комнаты в комнату. Из года в год. От отца с матерью к Сестрёнышу и, наконец, – к самому себе. Его мальчишечья комната. Плакат с «The Clash», тот самый, с гитарой, которую вот-вот разобьют о землю. Он лег на постель и вдохнул запах матраса. И заплакал.

Глава 21

Белоснежка

Было без двух минут восемь. Микаэль Бельман шел вверх по улице Карл-Юханс-гате, одной из самых скромных главных улиц города в мире. Он находился в самом сердце норвежского королевства, в нулевой точке, перекрестье осей. Слева – университет и наука, справа – Национальный театр и культура. За спиной, в Дворцовом парке – правящий королевский дом. А прямо впереди – власть. Через триста шагов, ровно в 20.00, он поднялся по каменной лестнице к главному входу в стортинг. Здание, как и большинство зданий в Осло, не было ни особо большим, ни особо впечатляющим. И охранялось весьма скромно. На охранников тянули разве что два льва из грорюдского гранита справа и слева от пригорка, поднимающегося к входу.

Бельман подошел к двери, которая бесшумно открылась еще до того, как он успел ее толкнуть. Он вошел и остановился, оглядываясь по сторонам. Перед ним возник охранник и приветливо, но решительно показал головой в сторону рамки металлоискателя марки «Джилардони». Через десять секунд она показала, что Микаэль Бельман не вооружен и металлическая у него только пряжка на ремне.

Расмус Ульсен ждал его, прислонившись к стойке бюро пропусков. Тощий муж Марит Ульсен пожал комиссару руку и двинулся вперед, как машина на автопилоте. И включив голос гида:

– Стортинг, триста восемьдесят сотрудников аппарата, сто шестьдесят девять депутатов. Построен в тысяча восемьсот шестьдесят шестом по проекту Эмиля Виктора Ланглета. Он, кстати, был швед. Это Лестничный зал. Мозаика из камня называется «Общество», создана Эльсе Хаген в тысяча девятьсот пятидесятом. Портреты королей написаны...

Они поднялись в вестибюль, который Микаэль не раз видел по телевизору. Несколько человек торопливо прошли мимо – никого из них он не знал. Расмус объяснил, что только что закончилось заседание одной из комиссий, но Бельман его не слушал. Он думал о том, что все это – коридоры власти. Он был разочарован. Ну ладно, все золотое и красное, но где же величие, парадность, то, что должно наполнять сердца почтительным трепетом перед теми, кто принимает решения? Проклятая непритязательность и умеренность, порок, от которого эта маленькая и совсем еще недавно такая бедная демократия на севере Европы никак не может отделаться! Но он, Бельман, сюда вернулся. И если уж ему не удалось добраться до вершины там, среди волков Европола, он точно добьется этого здесь, победив карликов и недоумков.

– Во время войны все здание занимала контора Тербовена^[43]. Сейчас ни у кого здесь таких огромных офисов нет.

– Что вы можете сказать о своем браке?

– Простите?

– Вы с Марит. Вы ссорились?

– Э-э-э... нет. – Расмус Ульсен выглядел растерянно. Он пошел быстрее. Как будто желая убежать от полицейского или во всяком случае уйти подальше от тех, кто мог их услышать. Только когда они уже сидели за закрытой дверью офиса Ульсена в секретариате фракции, он вздохнул полной грудью. – У нас конечно же бывало всякое. Вы женаты, Бельман?

Микаэль Бельман кивнул.

– Тогда вы наверняка понимаете, что я имею в виду.

– Она вам изменяла?

– Нет. Мне кажется, что это я со всей определенностью могу исключить.

«Поскольку она была такая жирная?» – хотелось спросить Бельману, но он не стал, он получил то, зачем, собственно, и пришел. Растерянность, подергивание век, почти незаметное сужение зрачков.

– А вы, Ульсен, вы сами ей изменяли?

Та же реакция. Плюс алые пятна на лбу под глубокими залысинами. Последовал короткий и упрямый ответ:

– Нет, правда нет.

Бельман склонил голову набок. Он не подозревал Расмуса Ульсена. Так почему же он терзает человека вопросами подобного рода? Ответ столь же прост, сколь и неприятен. Потому что допрашивать больше некого, никаких других зацепок у КРИПОС нет. Он просто выплеснул на беднягу собственное бессилие.

– А вы, комиссар?

– Что я? – спросил Бельман и подавил зевок.

– Вы изменяете жене?

– Моя жена слишком красива, – улыбнулся Бельман. – К тому же у нас двое детей. Вы с женой были бездетны, а от этого иной раз тянет... позабавиться. По моим источникам, у вас с женой какое-то время тому назад были проблемы.

– Подозреваю, это соседка. Марит иногда разговаривала с ней, да. Пару месяцев назад жена меня слегка приревновала. На курсах для лидеров профсоюза я сагитировал вступить в партию одну молоденькую девушку Именно так я в свое время познакомился с Марит, и она...

Голос Расмуса Ульсена вдруг сел, и Бельман увидел, что глаза его наполнились слезами.

– Ничего не было. Но Марит на пару дней отправилась в горы, чтобы подумать. А потом все опять стало хорошо.

У Бельмана зазвонил телефон. Он вытащил его, взглянул на имя на дисплее и ответил коротким «да». И почувствовал, как чаще бьется сердце и как закипает ярость, пока он слушает голос в трубке.

– Веревка? – переспросил он. – Люсерен. Это значит... Утре-Энебакк? Спасибо.

Он сунул телефон в карман пальто.

– Я должен бежать, Ульсен. Спасибо, что уделили мне время.

По дороге к выходу Бельман на секунду остановился и окинул взглядом контору Тербовена, немецкого рейхскомиссара. А потом заспешил дальше.

Было час ночи, и Харри сидел в гостиной и слушал, как Марта Вайнрайт поет о «...far away» и «whatever remains is yet to be found»^[44].

Он был совершенно измотан. Перед ним на журнальном столике лежал мобильный телефон, зажигалка и серебристая фольга с коричневым комочком внутри. Он к нему не притрагивался. Но необходимо скорее заснуть, войти в ритм, взять передышку. В руке у него была фотография Ракель. Голубое платье. Он закрыл глаза. Почувствовал ее запах. Услышал голос. «Смотри!» Ее рука поспешно толкнула его. Вода вокруг них была черная и глубокая, и она плыла, белая, беззвучная, невесомая на поверхности воды. Ветер приподнял вуаль, под ней оказались молочно-белые перья. Ее длинная изящная шея образовывала вопросительный

знак. Где? Она вышла на берег, черный железный скелет на скрипучих, визжащих колесиках. Потом она скрылась в доме. И вновь появилась – на втором этаже. Вокруг шеи у нее была петля, а рядом с ней был мужчина в черном костюме с белым цветком в петлице пиджака. Перед ними, спиной к окну, стоял священник в белом облачении. Он медленно читал. Потом обернулся. Лицо и руки его были белыми. От снега.

Харри сразу проснулся.

Поморгал в темноте. Какой-то звук. Но не Марта Вайнрайт. Харри повернулся и схватил маленький вибрирующий телефон, лежавший на журнальном столике.

– Да, – произнес он сиплым голосом.

– Нашла.

Он уселся в кровати.

– Что нашла?

– Связь. И убитых не трое. Их четверо.

– Сначала я попробовала три имени, которые ты мне дал, – сказала Катрина Братт. – Боргни Стем-Мюре, Шарлотта Лолле и Марит Ульсен. Но ничего вразумительного не нашла. Потом я добавила всех, кто пропал без вести в Норвегии в последние двенадцать месяцев. И тогда получила что-то, с чем можно работать дальше.

– Погоди, – сказал Харри, сон у него как рукой сняло. – А откуда, черт бы тебя побрал, ты взяла список пропавших без вести?

– Интранет, группа розыска пропавших, полицейский округ Осло. А ты что подумал?

Харри застонал, а Катрина продолжала:

– Там и появилось имя, которое связало вместе три остальных. Тебе ясно?

– Ну...

– Пропавшую женщину зовут Аделе Ветлесен, двадцать восемь лет, жила в Драммене. В ноябре гражданский муж объявил ее в розыск. Нашлась зацепка на сайте Норвежских государственных железных дорог, в системе продажи билетов. Седьмого ноября Аделе Ветлесен заказала по интернету билет на поезд из Драммена в Устаусет. В тот же самый день у Боргни Стем-Мюре был билет на поезд из Конгсберга в то же место.

– Устаусет – не пуп земли, – заметил Харри.

– Это даже не город, это участок горного склона. Где семьи из Бергена со старым капиталом понастроили себе хижины в горах, а потом и Туристическое общество тоже построило хижины на вершинах, чтобы норвежцы могли, продолжая дело Амундсена и Нансена, перемещаться от хижины к хижине с лыжами на ногах, двадцатью пятью килограммами на спине и каплей животного страха в душе. Знаешь, это придает жизни остроту.

– Тебя послушать, ты сама там побывала.

– У семьи моего бывшего мужа была такая хижина в горах. Их капитал настолько респектабелен, что у них там нет даже электричества и водопровода. Потому что сауна и джакузи есть только у нуворишей.

– А другие привязки?

– На Марит Ульсен никакого билета на поезд зарезервировано не было. Но зафиксировано, что она расплачивалась карточкой в вагоне-ресторане такого же поезда днем раньше. Оплата производилась в четырнадцать тридцать, согласно расписанию, поезд тогда находился между станциями Ол и Йейлу, то есть до того, как прибыл в Устаусет.

– Звучит уже не так убедительно, – заметил Харри. – Поезд идет до Бергена, может, она туда ехала.

– Неужели ты думаешь... – язвительно начала было Катрина Братт, но вдруг замолчала, сделала паузу и повторила приглушенным голосом: – Неужели ты думаешь, что я настолько глупа? В гостинице в Устаусете был зарегистрирован номер на двоих на одну ночь, на имя Расмуса Ульсена, а в центральном адресном столе он значится под тем же адресом, что и Марит Ульсен. Так что я предположила...

– Да, это ее гражданский муж. А чего это ты шепчешь?

– Потому что ночной дежурный только что мимо прошел, о'кей? Слушай, у нас получилось, что двое убитых и одна пропавшая без вести были в Устаусете в один и тот же

день. Что ты думаешь об этом?

– Ну, это заслуживающее внимания совпадение, но все равно мы не можем исключить, что это простая случайность.

– Согласна. А вот тебе остальное. Я поискала на Шарлотту Лолле плюс Устаусет, но ничего не нашла. И тогда сосредоточилась на дате, чтобы посмотреть, где могла быть Шарлотта Лолле тогда, когда трое других были в Устаусете. Двумя днями раньше Шарлотта расплачивалась за дизельное топливо на бензоколонке недалеко от Хёнефосса.

– Это далеко от Устаусета.

– Но в ту же сторону от Осло. Я попыталась найти машину, зарегистрированную на нее или возможного гражданского мужа. Если у них есть карточка оплаты платных дорог, можно проследить их маршрут.

– М-м-м...

– Проблема в том, что у нее нет ни машины, ни гражданского мужа, во всяком случае, где-то зарегистрированного.

– У нее был бойфренд.

– Вполне возможно. Но в данных Европарка искалка нашла машину в их гараже в Йейлу, зарегистрированную на Иску Пеллер.

– Это в нескольких милях оттуда. Но кто эта... Иска Пеллер?

– Если верить данным кредитных карточек, она живет в Бристоле, Сидней, Австралия. Дело в том, что, когда я прослеживала возможные связи с Шарлоттой Лолле, она выскакивала у меня не один раз.

– Возможные связи?

– Например, когда выясняется, что какие-то люди в последние годы расплачивались карточкой в одном и том же ресторане в одно и то же время, и из этого следует, что эти люди вместе ели, а расплачивались по счету каждый за себя. Или же что они ходят в один и тот же фитнес-клуб, причем записались туда одновременно, или же если в самолетах их места были рядом чаще одного раза. Ты понимаешь.

– Понимаю, – повторил Харри. – И более чем уверен, что ты проверила, о какой машине идет речь и что она...

– И что она ездит на дизеле, – язвительно ответила Катрина. – Хочешь услышать остальное, или...

– Я тебя умоляю.

– В этих горных приютах, принадлежащих Туристическому обществу, нельзя заранее забронировать себе койку. Если ты туда пришел, а все места заняты, придется просто лечь на полу на матрасе или в спальном мешке, подложив под себя коврик. За ночь платишь всего сто семьдесят крон – кладешь наличные в коробку в самой хижине либо оставляешь там конверт с разовым платежным поручением.

– Иными словами, нельзя сказать, кто и когда останавливался в каком-либо приюте?

– Нет, если ты платишь наличными. Но если ты оставил платежное поручение, то будет произведена транзакция с твоего счета на счет Туристического общества, с указанием хижины и даты ночлега.

– Представляю, какая это тягомотина – искать информацию про перевод денег.

– Да нет, не особо, если у человека хватает ума задать правильные критерии поиска.

– А его хватает, не так ли?

– Как видишь. Со счета Иски Пеллер двадцатого ноября были сняты деньги за два

спальных места в четырех хижинах Туристического общества, между ними – день пути.

– То есть поход в горы вдвоем на четыре дня.

– Да. И в самом последнем, Ховассхютте, они останавливались седьмого ноября. От него до Устаусета полдня ходу.

– Любопытно.

– Самое интересное – два других счета, с которых тоже сняли деньги за ночевку в Ховассхютте седьмого ноября. Угадай, кому они принадлежали?

– Попробую. Это вряд ли Марит Ульсен и Боргни Стем-Мюре – полагаю, КРИПОС обнаружила бы, что две жертвы были недавно в одном и том же месте в одну и ту же ночь. Так что один счет явно принадлежал пропавшей без вести девушке, как, ты говорила, ее зовут?

– Аделе Ветлесен. Ты совершенно прав. Она заплатила за двоих, но я, конечно, не могу знать, кто с ней был.

– А другой счет?

– Не особо интересно. Из Ставангера.

Тем не менее Харри взял ручку и записал имя и адрес упомянутого владельца счета, а также адрес Иски Пеллер в Сиднее.

– Я смотрю, искалка тебе понравилась, – заметил он.

– Ага, – призналась она. – Похоже на полет на старом бомбардировщике. Малость ржавый, заводится медленно, но если уж взлетел... Боже! Как тебе результат?

Харри на секунду задумался.

– Тебе удалось выяснить, – сказал он, – что пропавшая без вести женщина и женщина, предположительно не имеющая никакого отношения к делу, находились в одно и то же время в одном и том же месте. Само по себе это еще не повод кричать «ура». Но ты обнаружила, что вместе с ними была одна из жертв – Шарлотта Лолле. И ты установила, что еще две жертвы, Боргни Стем-Мюре и Марит Ульсен, находились в непосредственной близости от Устаусета. Значит...

– Что значит?

– Значит, я тебя поздравляю. Ты выполнила свою часть сделки. Что касается моей...

– Расслабься и прекрати улыбаться этой своей глумливой ухмылкой, я ведь тебя знаю. Я вовсе не имела это в виду, я неменяемая, разве ты еще не понял?

В трубке послышались гудки.

Глава 23

Пассажир

Она была в автобусе одна. Стине прислонилась лбом к окну, но не только для того, чтобы полюбоваться своим отражением. Она пристально вглядывалась в пустую, черную как ночь остановку. Надеялась, что появится кто-нибудь еще. Надеялась, что больше никто не появится.

Он тогда сидел у окна в Краббе, перед ним было пиво, и он смотрел на нее не шевелясь. Вязаная шапка, светлые волосы и безумные синие глаза. Его глаза смеялись, жалили ее, молили, кричали ее имя. В конце концов она сказала Матильде, что хочет домой. Но Матильда, которая только-только разговорилась с каким-то американским нефтяником, хотелось посидеть еще. Поэтому Стине взяла пальто, добежала от Краббе до автобусной станции и села в автобус до Воланна.

Она смотрела на красные цифры на табло над головой шофера. Надеялась, что двери вот-вот закроют и автобус поедет. Осталась одна минута.

– Послушай, Стине, – сказал он. – Мне кажется, ты меня избегаешь.

– Ой, привет, Элиас, – сказала она, не отрывая глаз от мокнувшего под дождем асфальта. Ну зачем она забралась в глубь автобуса, зачем села так далеко от водителя?

– Слушай, тебе не стоит вот так расхаживать по ночам одной.

– Да? – пробормотала она, надеясь, что появится хоть кто-то.

– Ты что, газет не читаешь? Те две девушки в Осло. И еще эта, недавно, депутатша парламента. Как ее звали-то?

– Понятия не имею, – ответила Стине, чувствуя, как бешено бьется сердце.

– Марит Ульсен, – сказал Элиас. – Из Рабочей партии. А двух других звали Боргни и Шарлотта. Ты уверена, что не вспомнила эти имена, Стине?

– Я не читаю газет, – сказала Стине. Ну должен же прийти хоть кто-то еще!

– Все три – отличные девчонки, – сказал он.

– Ах, ты их знаешь? – Стине немедленно пожалела о сарказме в своем голосе. Это от страха.

– Ну, разумеется, не очень хорошо, – признался Элиас. – Но первое впечатление было благоприятным. Видишь ли, я из тех, для кого очень важно первое впечатление.

Она уставилась на руку, которую он осторожно положил ей на колено.

– Послушай... – сказала она и поняла, что даже одно это слово звучит умоляюще.

– Что, Стине?

Она взглянула на него. У него было открытое, как у ребенка, лицо, в глазах вопрос. Ей захотелось закричать, сорваться с места, но тут она услышала шаги и чей-то голос. Кто-то заговорил с шофером. Пассажир. Взрослый мужчина. Он прошел дальше, в глубь автобуса. Стине попыталась поймать его взгляд, сделать так, чтобы он понял, но глаза его были скрыты полями шляпы, а сам он – поглощен тем, что пытался засунуть сдачу и билет в бумажник. Она с облегчением вздохнула, когда пассажир уселся на сиденье прямо за ними.

– Просто непостижимо, что полиция не обнаружила между ними никакой связи, – сказал Элиас. – Ведь это же не так сложно. Они же должны были узнать, что все три девушки любили ходить в горы. Что они ночевали в хижине Ховассхютта в одну и ту же ночь. Как ты считаешь, может, мне следует пойти к ним и все рассказать?

– Может быть, – прошептала Стине. Если она поторопится, то, возможно, ей удастся прошмыгнуть мимо Элиаса и выскочить из автобуса. Но она не успела обдумать эту мысль, двери фыркнули, захлопнулись, и автобус тронулся. Она закрыла глаза.

– Я просто не хочу вмешиваться. Надеюсь, ты понимаешь, Стине?

Она медленно кивнула, глаза ее по-прежнему были закрыты.

– Отлично. Тогда я могу рассказать тебе еще кое о ком, кто там был. И уж его-то ты совершенно точно знаешь.

Глава 24

Ставангер

– Ну и запах... – сказала Кайя.

– Навоз, – заметил Харри. – Думаю, коровий. Добро пожаловать в Йэрен.

Утренний свет сочился сквозь облака, нависающие над по-весеннему зелеными полями. Из-за каменных изгородей коровы молча провожали взглядом их такси, едущее из аэропорта Сула в центр Ставангера.

Харри наклонился вперед к шоферу:

– Нельзя ли чуть побыстрее? – Он поднял вверх свое удостоверение.

Шофер широко улыбнулся, нажал на газ, и машина полетела по шоссе.

– Ты что, боишься, что мы уже опоздали? – тихо спросила Кайя, когда Харри вновь плюхнулся на сиденье.

– По телефону не отвечает, на работе тоже нет, – сказал Харри. Ему не надо было продолжать – и так все ясно.

После разговора с Катриной Братт прошлой ночью Харри внимательно изучил свои записи. У него были имена, телефонные номера и адреса двух людей, которые предположительно были живы и которые, по всей видимости, ночевали в ноябре вместе с тремя другими, ставшими жертвами убийств, в одной и той же горной хижине. Он посмотрел на часы, вычислил, что в Сиднее раннее утро, и позвонил по номеру Иски Пеллер. Она ответила и очень удивилась, когда Харри заговорил о Ховассхютте. Впрочем, ничего существенного о своем пребывании в туристической хижине она Харри рассказать не смогла, потому что все время пролежала там в отдельной комнате – у нее поднялась температура. Может, потому что она слишком долго шла на лыжах в мокрой, пропотевшей насквозь одежде, может быть, потому, что для неопытного лыжника это тяжелое испытание – идти на лыжах от хижины к хижине. Или, может, случайно заразилась гриппом. Во всяком случае, она еле-еле приползла к Ховассхютте, и ее подруга, которая была в горах вместе с ней, Шарлотта Лолле, немедленно уложила ее в постель. Там Иска Пеллер провалилась в полный видений сон, в то время как у нее ломило все тело, она то потела, то замерзала. И что там происходило с другими в хижине, даже кто они были, эти другие, – все прошло мимо нее, потому что они с Шарлоттой пришли в Ховассхютту первыми. На следующий день она провалялась в постели, пока другие не покинули хижину, а их с Шарлоттой на снегоходе забрал местный полицейский, которого удалось найти ее подруге. Он отвез их к себе домой, где и предложил им переночевать, поскольку гостиница, по его словам, переполнена. Они согласились, но потом передумали, поздно вечером сели на поезд, доехали до Йейлы и остановились там в гостинице. Шарлотта не рассказывала Иске про вечер в Ховассхютте ничего особенного. Вероятно, в тот вечер ничего примечательного и не произошло.

Через пять дней после похода в горы мисс Пеллер улетела из Осло в Сидней, по-прежнему с небольшой температурой. По возвращении они регулярно общались с Шарлоттой по электронной почте, и не было ничего, что бы показалось ей подозрительным. Вплоть до того самого момента, когда она получила ужасную весть о том, что ее подруга была найдена мертвой позади старой машины на опушке леса у озера Даушеен, совсем недалеко от крупного жилого массива в Осло.

Харри осторожно, но внятно объяснил Иске Пеллер, что они беспокоятся за тех, кто был

в хижине в тот вечер, и что он, когда они закончат разговаривать, хочет позвонить главе убийного отдела Южного полицейского округа Сиднея Нилу Маккормаку, с которым ему однажды довелось работать. И что Маккормак объяснит ей подробнее и – хотя Австралия, конечно, далеко – позаботится о полицейской охране. Ему показалось, что Иска Пеллер отнеслась к этому с пониманием.

Затем Харри позвонил по другому телефонному номеру, ставангерскому. Он звонил четырежды, но никто не ответил. Разумеется, он знал, что это вовсе не обязательно что-то значит. Не все кладут рядом с собой мобильный телефон, когда спят. Но Кайя Сульнес, вне всякого сомнения, поступала именно так. Она взяла трубку на втором гудке и, когда Харри сообщил ей, что они вылетают в Ставангер первым же самолетом и ей надо быть в аэроэкспрессе в 6.05, только сказала «Да».

В аэропорту Осло они были уже в половине седьмого, Харри снова позвонил, никакого ответа. Через полчаса они приземлились в аэропорту Сула, Харри позвонил еще, результат оказался таким же. По дороге от терминала к очереди на такси Кайя связалась с работодателем, который сообщил, что человек, который им нужен, на работу в обычное время не пришел. Она сказала об этом Харри, и тот осторожно подтолкнул ее рукой в спину, провел мимо очереди на такси и впихнул в машину под громкие протесты страждущих, на которые ответил:

– Спасибо, народ, и вам всем тоже хорошего дня!

Было 8.16, когда они прибыли по нужному адресу, к белому деревянному дому в Воланне. Харри предоставил возможность расплатиться Кайе и вышел, оставив дверцу открытой. Присмотрелся к безликому фасаду. Вдохнул сырой, свежий, но все равно нежный воздух Западного побережья. Собрался с силами. Потому что уже знал. Он конечно же мог ошибаться, но он знал, он был уверен, как и в том, что Кайя непременно скажет «спасибо», когда таксист выпишет ей квитанцию.

– Спасибо. – Автомобильная дверца снова захлопнулась.

Имя было над средним из трех звонков на входной двери.

Харри нажал на кнопку и услышал звонок где-то в глубине дома.

Спустя минуту, после трех безуспешных попыток, он нажал на нижнюю кнопку.

Пожилая дама, открывшая дверь, смотрел на них с улыбкой.

Харри обратил внимание на то, что Кайя инстинктивно поняла, кому следует начать разговор:

– Здравствуйте, я Кайя Сульнес, мы из полиции. Этажом выше не отвечают, не знаете, есть там кто дома?

– Вероятно. Хотя там весь день тихо, – сказала дама. И поспешила добавить, когда увидела, что Харри приподнял бровь: – Здесь все так слышно, и я слышала, что ночью кто-то приходил. А поскольку квартиру сдаю я, мне кажется, что я должна быть в курсе.

– Значит, вы прислушиваетесь? – поинтересовался Харри.

– Да, но я не вмешиваюсь... – Щеки дамы залил лихорадочный румянец. – Ведь в этом нет ничего плохого, как мне кажется. Я хотела сказать, что у меня никогда не было никаких проблем с...

– Мы не знаем... – сказал Харри.

– Лучше будет пойти и проверить, – заметила Кайя. – Так что, если у вас есть ключи от этой квартиры...

Харри понимал, что у Кайи в голове сейчас вертятся разные формулировки, и с нетерпением ждал продолжения.

– ...мы с удовольствием поможем вам проверить, все ли в порядке.

Кайя Сульнес хитрая. Если дама, сдающая квартиру, согласится на их предложение и они что-то обнаружат, то в протоколе будет написано, что их пригласили войти в квартиру, и не будет – что они употребили для этого власть или произвели обыск без ордера.

Дама колебалась.

– Но вы, разумеется, можете отпереть дверь и войти туда уже после того, как мы уйдем, – улыбнулась Кайя. – А потом вызвать полицию. Или «скорую помощь». Или...

– Думаю, будет лучше, если вы пойдете со мной, – сказала дама, на лбу у которой появилась глубокая, озабоченная морщинка. – Погодите, я сейчас принесу ключи.

Квартира, в которую они вошли минуту спустя, была чистой, прибранной и почти без мебели. Харри сразу же узнал ту характерную, почти давящую тишину пустых квартир, когда утренняя повседневная суета ощущается только как еле слышный шум за окном. Но кроме того, он почувствовал запах. Запах клея. Увидел пару ботинок, но верхней одежды не было.

На маленькой кухоньке возле мойки стояла большая чашка с чаем, а на полке над мойкой – жестяные баночки с разными, неизвестными Харри сортами чая: «Oolong Tea», «Anji Bai Cha Tea». Они пошли дальше. На стене в гостиной Харри увидел снимок горы, который, как ему показалось, он узнал: K2^[45], гималайская серийная убийца.

– Проверишь? – спросил Харри, кивнул на дверь с сердечком и направился туда, где, по его мнению, должна быть спальня. Он глубоко вздохнул, нажал на ручку и толкнул дверь.

Постель была застлана. Комната прибрана. Окно чуть приоткрыто, никакого запаха клея, воздух свеж, как дыхание ребенка. Харри услышал, как хозяйка встала в дверях у него за спиной.

– Как странно, – пробормотала она. – Ведь я же слышала их ночью. И ушел только один.

– Их? – спросил Харри. – Вы уверены, что их было несколько?

– Да. Я слышала голоса.

– А сколько их было?

– Мне показалось, трое.

Харри открыл платяной шкаф:

– Мужчины? Женщины?

– Ну, к счастью, у меня не такой хороший слух.

Одежда. Спальный мешок и рюкзак. Еще одежда.

– А почему вам кажется, что их было трое?

Щеки хозяйки вновь порозовели.

– Стук. Как будто они... ну, вы понимаете...

– Но никаких голосов?

Хозяйка задумалась.

– Нет, никаких голосов.

Харри вышел из комнаты. И к своему огромному удивлению увидел, что Кайя все еще стоит в коридоре перед дверью в ванную. И стояла она как-то странно – как будто в лицо ей дул сильный ветер.

– Что-то не так?

– Да нет, – ответила Кайя быстро и непринужденно. Слишком непринужденно.

Харри подошел и встал рядом с ней.

- В чем дело? – понизив голос, спросил он.
- Я... у меня проблемы с закрытыми дверьми.
- О'кей, – сказал Харри.
- Нет, правда...

Харри кивнул. И именно тогда услышал звук. Звук отмеренного времени, истекающего срока, убегających секунд – быстрые, лихорадочные капли воды, которая не то чтобы течет и не то чтобы капает. Кран по ту сторону двери. И Харри знал, что не ошибается.

- Стой здесь, – приказал Харри.

И толкнул дверь.

Первое, на что он обратил внимание: запах клея здесь был еще сильнее.

Второе: на полу лежала куртка, пара джинсов, трусы, майка, два черных носка, вязаная шапка и толстый шерстяной свитер.

Третье: вода текла непрерывающейся струйкой из крана в ванну, которая была наполнена настолько, что излишек стекал в сливное отверстие на стенке.

Четвертое: вода в ванне покраснела от крови.

Пятое: потухший взгляд над заклеенным скотчем ртом голого, мертвенно-белого человека на дне ванны, взгляд, устремленный в сторону. Как будто пытаешься поймать что-то в мертвой зоне, кого-то, кого он не заметил, когда тот пришел.

Шестое: никаких следов насилия, никаких внешних повреждений, которые могли бы объяснить такое обилие крови.

Харри кашлянул и подумал, как ему лучше попросить хозяйку войти и опознать своего жильца.

Но нужды в этом уже не было, она стояла на пороге ванной.

– Господи мой боже! – простонала она. И – с ударением на каждом слове: – Господи – мой – боже! И наконец жалобно, с еще большим надрывом: – Господи мой боже Иисусе...

– Скажите, это... – начал Харри.

– Да, – сказала дама полузадушенным голосом. – Это он. Это Элиас. Элиас Скуг.

Глава 25

Территория

Пожилая дама закрыла рот обеими ладонями и прошептала сквозь пальцы:

– Что же ты наделал, Элиас, дорогой, милый Элиас?

– Ну, утверждать, что это он что-то наделал, нельзя, – сказал Харри, вывел ее из ванной и проводил к входной двери. – Могу ли я вас попросить позвонить в отделение полиции в Ставангере и попросить прислать криминалистов, скажите, что вы на месте преступления.

– На месте преступления? – Глаза ее распахнулись, от шока они казались совсем черными.

– Да, так и скажите. Если хотите, можете позвонить по номеру сто двенадцать. Ладно?

– Д-да...

Они услышали, как она заковыляла по лестнице к себе вниз.

– Ну, до их приезда у нас есть примерно минут пятнадцать, – сказал Харри.

Они сняли обувь, поставили ее на лестницу и вошли в ванную в одних носках. Харри огляделся. Раковина была полна длинных светлых волос, а на полочке лежал сплюснутый тубик.

– Похоже на зубную пасту, – сказал Харри и склонился над тубиком, не притрагиваясь к нему.

Кайя подошла поближе.

– Суперклей, – констатировала она. – «Strongest there is»^[46].

– Это такой, который ни в коем случае не должен попасть на пальцы, да?

– Он действует на счет «раз». Если он попадет к тебе на пальцы и ты их хоть чуть-чуть продержишь вместе, они склеятся намертво. И их придется либо отрезать друг от друга, либо отрывать с мясом.

Харри сначала посмотрел на Кайю. А потом опустил глаза на труп в ванной.

– Черт, – медленно произнес он. – Не может быть...

Комиссара полиции Гуннара Хагена терзали сомнения. Возможно, он совершил самый дурацкий поступок за все время, пока работал в полицейском управлении. Создание группы, которая будет заниматься расследованием вопреки распоряжению министерства, могло повлечь за собой проблемы. А то, что группу возглавил Харри Холм, могло эти проблемы умножить. Одна из проблем как раз постучалась в двери и вошла. И теперь стояла перед ним – в образе Микаэля Бельмана. И пока Хаген его слушал, он обратил внимание на то, что странные отметины на лице комиссара КРИПОС были блее обычного, как будто они подсвечивались изнутри каким-то раскаленным, но охлаждаемым продуктом расщепления атомного ядра, взрывоопасным, но до поры до времени мирным, прирученным.

– Мне совершенно точно известно, что Харри Холм и двое его коллег побывали на Люсерене в связи с убийством Марит Ульсен. Беата Лённ из криминалистического отдела предложила нам провести тотальный обыск в дачных домиках в окрестностях старой веревочной мастерской. Якобы один из ее сотрудников обнаружил, что веревка, на которой была повешена Марит Ульсен, именно оттуда. Вот такие пироги...

Микаэль Бельман покачался на каблуках. Он даже не снял свой пыльник длиной до пят. Гуннар Хаген мужественно ждал продолжения. И оно не заставило себя ждать. Интонация

была болезненно медленной, как бы слегка удивленной:

– Но когда мы поговорили с ленсманом в Утре-Энебакке, он рассказал нам, что среди тех троих, кто проводил обыск, был и пользующийся весьма сомнительной славой Харри Холе. То есть один из ваших людей, Хаген.

Хаген ничего не ответил.

– Я исхожу из того, что вы понимаете, какие последствия может иметь неисполнение предписания министерства, Хаген.

Хаген по-прежнему молчал, но не отвел глаза под взглядом Бельмана.

– Послушайте, – сказал Бельман, расстегнул верхнюю пуговицу плаща и сел. – Вы мне нравитесь, Хаген. Я считаю, что вы хороший полицейский, а мне понадобятся хорошие специалисты.

– То есть когда КРИПОС приберет к рукам всю власть, это вы имеете в виду?

– Именно. И такой человек, как вы, вполне может мне пригодиться на какой-нибудь руководящей должности. Вы закончили военное училище, вы понимаете, как важно мыслить стратегически, как важно уметь избегать сражений, которые все равно не выиграть, знать, когда отступление – лучшая стратегия...

Хаген медленно кивнул.

– Хорошо, – сказал Бельман и снова встал. – Давайте будем считать, что Харри Холе оказался у Люсерена по недосмотру, что это просто случайное совпадение, никакого отношения к Марит Ульсен не имеющее. И что в будущем такие случайные совпадения не повторятся. Вы согласны со мной... Гуннар?

Хаген непроизвольно вздрогнул, услышав свое имя, произнесенное Бельманом, – словно эхо другого имени, того, что он сам произнес однажды, назвав по имени своего предшественника в попытке создать непринужденную атмосферу, для которой не было никаких оснований. Но возражать не стал. Потому что знал – это и есть одно из тех самых сражений. И что он почти проиграл войну. И что условия капитуляции, которые предлагал ему Бельман, могли быть и хуже. Гораздо хуже.

– Я поговорю с Харри, – сказал он и пожал протянутую Бельманом руку. Ему показалось, что он коснулся мрамора: рука была твердой, холодной и безжизненной.

Харри сделал глоток кофе и осторожно вытащил указательный палец из ручки хозяйкиной тончайшей фарфоровой чашки.

– Так значит, вы старший инспектор Харри Холе из Управления полиции Осло, – констатировал мужчина, сидевший по другую сторону хозяйкиного журнального столика. Он представился как инспектор Колбьёрнсен и назвал должность, имя и место работы Харри с особым ударением на «Осло». – И что же привело полицию Осло в Ставангер, господин Холе?

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

«Как прекрасна земля» – рождественский псалом на слова Бернарда Северина Ингеманна.

Бьёрн Дэли – норвежский лыжник, завоевавший рекордное число олимпийских золотых медалей. После ухода из большого спорта занимается бизнесом, в частности дизайном и производством спортивной одежды.

Устали? (*англ.*)

Приходите еще (*англ.*).

Что вам нужно? (англ.)

Нужен гашиш, леди? *(англ.)*

- Хотите поразвлечься?
- Просто дверью ошиблась (*англ.*).

Это та самая дверь. Та самая, леди. Тут самая веселуха (*англ.*).

Нет, спасибо (*англ.*).

- Мы вам покажем.
- Только смотреть особо не на что, правда? (*англ.*)

- Из «джау-е»?
- Н-гой (*англ.*).

Здесь: Попался (англ.).

Гома – город в Конго, на границе с Руандой, столица провинции Северное Киву.

«Будущего нет, будущего нет» (*англ.*).

Спасибо, не надо (*англ.*).

«Я вижу мертвецов» (англ.).

Скрейя – деревня к северу от Осло.

Ремонту не подлежит (*англ.*).

Давненко не виделись (англ.).

«Се о хёр» – один из крупнейших норвежских еженедельных иллюстрированных журналов.

Здесь: Застынь (англ.).

Руки вверх (*англ.*).

Скоростное защелкивание наручников (англ.).

Тебя послал мистер Ключит? (англ.)

Триада. А я уже заплатил долги, ты разве не слышал? (*англ.*)

Ну так что тебе от меня нужно? *(англ.)*

Ну-ка, посмотрим. Мистер Юсси Колкка. Финн? *(англ.)*

Повтори? (англ.)

Красавчик (*англ.*).

Валле Ховин – ледовый стадион в Осло.

Неплохой карьерный взлет (*англ.*).

«Вердене ганг», как и «Афтенпостен», – крупнейшая норвежская ежедневная газета.

«Дырка в стене» (*англ.*) – банда, в которую входил Том Кетчум, известный как Блек-Джек-Кетчум.

В норвежской правоохранительной системе полицейские юристы (полицейский уполномоченный и полицейский прокурор) выдают ордера на арест, руководят следствием по уголовным делам и выступают на стороне обвинения на судебном процессе.

Родилась звезда (*англ.*).

«Любовь ранит» (*англ.*) – песня кантри-музыканта Будло Брайана, ставшая хитом в исполнении группы «Nazareth».

За тобой должок (*англ.*).

Братья Блюз (*англ.*). Имеются в виду персонажи американского комедийного киномюзикла, братья Элбуд и Джейк Блюз (Дэн Экرويد и Джон Белуши), за которыми охотятся полиция, неонацисты, мафия и т. п.

«На задании от Господа!» (*англ.*) Братья Блюз по сюжету фильма пытаются возродить свою старую блюз-группу, чтобы заработать денег и спасти приют для сирот, в котором сами выросли. Один из героев уверяет, что раз они выполняют такую миссию, то никто не сможет им помешать.

Мне-то оно зачем? (*англ.*)

Герхардсен Эйнар (1897–1987) – норвежский политик, социал-демократ, трижды возглавлял правительство Норвегии.

«Не сдаваться» (*англ.*) – песня из репертуара американского рок-исполнителя Брюса Спрингстина.

Тербовен Йозеф – гитлеровский рейхскомиссар в Норвегии во время Второй мировой войны.

«...Далеко» и «а что остается, то надо еще отыскать» (*англ.*).

К2 – гора в Пакистане, 8611 метров над уровнем моря.

«Самый эффективный» (*англ.*).